

ТОРОПОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Сборник статей и воспоминаний

Выпуск 2

Ярославль 2010

Тороповские страницы. Выпуск 2.

Сборник статей и воспоминаний.

Ярославль: «Аверс Плюс», 2010. — 196 с., 108 ил.

Старинное село Торопово — это бывшая дворянская усадьба, расположенная в живописнейшей местности в 15 км от г. Данилова Ярославской области. Торопово было просветительным, культурным и духовным центром для многочисленного крестьянского населения окружающих деревень. Тороповский край был богат на людей ярких, талантливых, самоотверженных, которые любили свою землю, заботились о ее процветании и с честью перенесли все беды и лишения, которые выпали на долю России.

Общественное творческое достояние. Свободное распространение
BY-NC-ND «с указанием авторства/некоммерческое/без производных»

ISBN 978-5-9527-0161-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из архивов Пустошкиных	6
Аполлон Павлович Кругликов. Из писем сестре	12
Из семейного фотоальбома Пустошкиных	30
Тороповский фотоархив	60
«Тимротиана» Михаила фон Тимрота	64
Тимроты в Самаре. <i>Е. А. Сысоева</i>	88
Дмитрий Дмитриевич Тимрот. Воспоминания	102
Письмо в редакцию. <i>Л. С. Инкин</i>	118
Софья Дмитриевна Тимрот	121
Инкина Наталья Геннадьевна	138
Находка в Кирехоти	162
Незаконченная автобиография В. Г. Павлова	166
<i>Р. А. Армеев</i> . Неизвестный Василий Павлов	176
Лано. Из мемуаров Лавра Николаевича Андреева	180

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ПУСТОШКИНЫХ

Я — *Paul Poustochkine*, Павел Иванович Пустошкин. Мой дед, дипломат, использовал французскую транслитерацию в дипломатических документах, поэтому мы *Poustochkine*. Мои прародители никогда не обращались с просьбой о получении Нидерландского гражданства, они так и умерли российскими беженцами, без гражданства.

Дед, Павел Константинович Пустошкин — Российский дипломат. В 1913 году он был назначен 1-м Секретарем в Российскую миссию в Гааге, Нидерланды. После событий 1917 года он и его жена решили остаться с двумя сыновьями в эмиграции. Отец деда, Константин Павлович, был генеральным Консулом в Генуе, Италия. Он также не возвратился на родину и умер в эмиграции в 1922 году. Так все семейные письма, альбомы и т. д. оказались за пределами России.

Моя бабушка, супруга Павла Константиновича, Наталья Ивановна Лихачева, родилась в Москве в 1889 г. Она дочь Ивана Александровича Лихачева (1860–1921), предпринимателя, и Ольги Николаевны Марковой (1869–1935), дочери Н.Н.Маркова, члена Государственной Думы, предпринимателя. С моим дедом она повстречалась в С.-Петербурге будучи студенткой Художественной академии. Бабушка занимала очень важное место в моей жизни. Она многое рассказала мне о ее счастливой молодости и трудных годах изгнания.

Мой дед занялся разбором бумаг, и после его смерти в 1958 году остался архив с его мемуарами, ящики бумаг, писем, фотографий. Мой отец оставил это мне. А все документы на русском. Отец женился на голландской девушке, и это одна из причин, почему его дети не учили русского языка, так что мне пришлось изучать его самостоятельно.

Последние 10 лет я старался разобрать весь архив моего деда с помощью людей, знающих русский язык хорошо. Я нашел записки Екатерины Павловны, его любимой бабушки. Сам дед написал свою биографию — это богатый материал о семье Пустошкиных и их связях с Кругликовыми. У меня также есть оригинальная копия "Воспоминаний" Аполлона Павловича Кругликова, написанных в Забалканском, поместье около границы с Эстляндией на Финском заливе. Поместье принадлежало его зятю, Александру Ивановичу Притвицу, мужу его дочери Нины, Анны Аполлоновны.

Решив просмотреть Интернет на предмет Кругликовых, я натолкнулся на новое издание "Воспоминаний" Аполлона Павловича и на Тороповский сайт! Это было восхитительно увидеть фотографии родины моих предков.

Я заметил, что у вас отсутствует информация о семье Аполлона Павловича. Я посылаю вам фотографии и выдержки из текстов, а также несколько писем Аполлона Павловича к своей сестре, Екатерине Павловне.

Дед мой называл свою бабушку "Ноно" или "Нонушка". Она венчалась с Павлом Ивановичем Пустошкиным 3/15*

---

* У моего деда всегда на стене висел российский юлианский календарь, и в своих заметках он всегда указывал две даты.

июня 1853 года в церкви села Горинское. Павел Иванович был сыном Ивана Петровича Пустошкина (1795–1842), петербургского актера, известного как Иван Борецкий. В 1854 родилась дочь Александра, в 1859 – сын Константин*. Молодая пара жила в С. Петербурге до 1859 года, затем переехали в Астрахань, позднее – в Тулу. Павел Иванович умер от туберкулеза в 1863 году, а Екатерина Павловна вернулась с детьми в Петербург. С 1869 они переехали в дом ее брата Аполлона, с которым всегда были очень дружны. В это же время там проживала и их сестра Вера, до своего замужества.

Когда мой прадед Константин был назначен Консулом в Неаполь (1885), он всял с собой свою мать. В 1887 его перевели в Амстердам, и Ноно поехала туда, в 1890 он был назначен Консулом в Броды (Галиция, Австрийская империя; сейчас часть Украины), позднее – в Лемберг (сейчас Львов). Он и его семья жили и работали там до 1908 года. На лето Ноно приезжала в Россию и гостила или в Болотовке у брата Владимира, или в Лузино, усадьбе Притвицев около Ямбурга – Кингиссепа. Был и Забалканский замок, так любимый Аполлоном Павловичем Кругликовым.

Мой дед Павел Константинович был студентом Александровского Лицея в С.-Петербурге с 1898 по 1906 год. Все эти годы его бабушка Ноно жила в Петербурге и присматривала за ним, пока родители находились во Львове. В 1910, когда Павел женился и был назначен вице-консулом на остров Крит, он забрал Ноно с собой, где они прожили 2 года. В 1912 году она вернулась к сыну Константину, который в этот момент был направлен в Яссы (сейчас Румыния). Она скончалась 4/17 февраля 1913 года. А в марте Константин Павлович отправился в Голландию и больше в России никогда не был.

В С.-Петербурге жил брат Екатерины Павловны, Аполлон Павлович (который женился в 1858 на Софье Платоновне Родзянко). Отношения между Ноно и ее братом Аполлоном (дядей Полей) были очень близкие. У меня есть собрание 113 писем, написанные им сестре в период 1886–1890 годов. Хочу познакомить вас с некоторыми из них.

---

* Мой прадед пишет, что и Александра, и он сам родились в Торопове.

Я не могу себя простить что я не достаточно слушалъ рассказовъ моей Бабушки о прошломъ, не записывалъ, не выспрашивалъ. Это такъ легко было сдѣлать на Критѣ, напримѣръ. Мимолетныя заботы текущаго дня, развлеченность молодости помѣшали и это непоправимо. Впрочемъ въ глубинѣ сознанія – я желалъ знать про минувшее. По моей усиленной просьбѣ Бабушка даже начала повѣсть о своей жизни. Вотъ все что она успѣла записать:

"Критъ, Канея. 7/20 Октября 1911 года.

"Записки Екателины Павловны Пустошкиной, рожденной
"Кругликовой.

"Исполняя желаніе моего дорогого внука Люли /Павла/
"Пустошкина, постараюсь въ этихъ запискахъ передать ему
"изъ моей долготѣней жизни, все что могу вспомнить о себѣ
"и о моихъ близкихъ съ ранняго моего дѣтскаго возраста.
"Родилась я 16/28 Февраля 1830 года въ Ярославлѣ, но до 14 лѣтъ
"все наше семейство жило у дѣда нашего Ивана Венедиктовича
"Кругликова въ его имѣніи Тороповѣ, Ярославской губерніи,
"Даниловскаго уѣзда. В 1844 году умерла жена дѣда, Екатерина
"Сергѣевна, рожденная Власьева. Послѣ ея смерти былъ раздѣлъ
"имѣній и мы изъ Торопова переѣхали къ себѣ въ Оедино въ
"8-ми верстахъ отъ нашего стариннаго Кругликовскаго гнѣзда,
"гдѣ мы всѣ провели первые годы нашего дѣтства. Оедина мы
"не любили, всѣ наши дорогія воспоминанія были о Тороповѣ.
"Столько лѣтъ прошло для меня съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ
"такъ живо и теперь рисуются въ моей памяти нѣкоторыя
"картинки прошлаго и съ ними какъ-будто появляются и тѣ же
"мысли и тѣ же дѣтскія чувства. В трехъ верстахъ отъ Оедина
"было имѣніе нашихъ близкихъ родственниковъ Волковыхъ.
"Мать моя Анна Аполлоновна была одна изъ ихъ дочерей. Она
"была очень красива и мой отецъ Павелъ Ивановичъ кажется
"до самой смерти былъ въ нее влюбленъ. Когда мы переѣхали
"изъ Торопова въ Оедино, то уже ни Дѣда ни Бабушки
"Волковыхъ не было болѣе въ живыхъ. В ихъ прелестномъ
"имѣніи Покровскомъ жили тогда двѣ мои тетушки Марья и
"Александра Аполлоновны Волковы. Со смертію стариковъ,

"имѣніе раздробилось, средства сократились, трудно было
"поддерживать это чудное помѣстье, оно быстро стало приходиться
"въ упадокъ, постройки разрушаться и въ настоящее время
"оно сдѣлалось совсѣмъ неузнаваемо и слѣда бы не осталось
"отъ этого красавца если бы не остались на своихъ мѣстахъ,
"какъ будто для того, чтобы мы помнили доброе, старое время,
"каменный домъ и каменная церковь, сооруженная дѣдомъ.
"Была еще тутъ же въ саду красивая деревянная церковь въ
"два этажа и я помню, что бывала и въ верхнемъ этажѣ где
"иногда тоже служили обѣдню. Церкви этой было уже не одно
"столѣтіе, она пришла въ такую вѣтхость, что не только въ
"ней служить, но даже и входить въ нее сдѣлалось опасно и ее
"пришлось разобрать.. В верстѣ отъ Покровскаго большое село
"Горинское, въ которомъ два священника и одинъ изъ нихъ,
"свободный, приходилъ по Воскресеньямъ служить обѣдню въ
"Покровское гдѣ церковь была не приходская, а ружная. Такъ
"было прежде и вѣроятно также и теперь.

На этомъ, увы, кончаются записки Бабушки. Это моя вина..
Я долженъ былъ самъ писать подъ ея диктовку. У нея дрожали
руки и ей трудно было 81 года долго писать. Впрочемъ почеркъ
ея былъ хуже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ—въ 1906 году
особенно. Также и зрѣніе—оно въ самые послѣдніе годы ея
жизни стало лучше. Она безъ очковъ читала газеты.

Любимое имѣніе моей Бабушки Торопово впоследствии
оказалось во владѣніи сестры Бабушки Софіи Павловны
Тимротъ, но она жила въ Самарѣ и усадьба была очень запущена.
В домѣ помѣстилась школа. Имѣніе пресимпатичное—домъ и
садъ на рѣчкѣ съ красивыми берегами. В дѣтствѣ Бабушка
съ братьями любила гулять по этимъ берегамъ. На горке за
садомъ хорошенькая каменная церковь. Тутъ похоронены между
прочимъ—дѣдъ Бабушки—Иванъ Венедиктовичъ и ея родители.
Какъ сказано выше—родители Бабушки после смерти Екатерины
Сергѣевны /Декъ. 1843/ переселились въ Оедино, а въ Тороповѣ
остался жить ея дѣдушка Иванъ Венедиктовичъ, скончавшійся
въ 1850 году 83 лѣтъ. Оедино было куплено бабушкинымъ
отцомъ Павломъ Ивановичемъ въ 1844 году у своего бо-фрера*

---

* beau-frère – брат жены

Александра Аполлоновича Волкова. Это Ушаковское имѣніе / мать Бабушкиной матери/. Впослѣдствіи Ѳедино перешло къ сестрамъ Бабушки Ниталии и Маріи Павловнамъ, умершими дѣвицвми въ 1911 году, въ Январѣ.

Не буду распространяться о всей многочисленной родѣ и предкахъ. Отсылаю интересующихся этимъ предметомъ къ книжке Бабушкинаго брата – Аполлона Павловича – написанной имъ въ Забалканскомъ летомъ 1889 года*..

---

* А. П. Кругликов. Мои воспоминания. С.-Пб. 1889. Переиздание, примечания. Ярославль: Аверс Плюс, 2006.- 68 с., 8 ил. ISBN 5-9527-0069-1.

ПИСЬМА АПОЛЛОНА ПАВЛОВИЧА КРУГЛИКОВА

к сестре Екатерине Павловне Пустошкиной
за 1886-1890 г.г. из России в Неаполь, Амстердам и Броды.

Предисловіе.

составлено Павломъ Константиновичемъ
Пустошкинымъ въ 1931 году

Настоящее собраніе отпечатано отцомъ моимъ Константиномъ Павловичемъ Пустошкинымъ въ Яссахъ въ 1913 году, послѣ кончины моей незабвенной Бабушки Екатерины Павловны Крумликовой-Пустошкиной. Я лишь незначительно пополнилъ его нѣсколькими найденными въ архивѣ письмами и снабдилъ это собраніе перечнемъ всей корреспонденціи, обмѣнянной между Е. П. и А. П. за время ихъ разлуки 1886-1890, а также краткими примѣчаніями съ разъясненіями касательно встрѣчающихся именъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, поскольку это оказалось необходимымъ и для меня возможнымъ.

Здѣсь воспроизводится всего 13 сохранившихся писемъ дяди Поли изъ общаго числа 298, написанныхъ имъ сестрѣ за сказанный періодъ. Потеряно значитъ – 185. Это не удивительно при постоянныхъ переѣздахъ нашей семьи съ мѣста на мѣсто. Не существуетъ у меня и ни одного изъ писемъ Бабушки къ брату. Если онъ ихъ и хранилъ, то теперь ужъ конечно они погибли въ совѣтской Россіи. Писемъ Бабушки было за то же время 245.

Этимъ письмамъ сорокъ лѣтъ и болѣе. Хорошія тогда, спокойныя времена были, когда каждая мелочь комментировалась, смаковалась. Русская обыденность мало содержательна, мало красочна. Это картина той «пако россика», въ которой пребывала наша среда дворянская – помѣщичье-чиновничья. Такъ могло бы длиться еще 100 лѣтъ и дольше, такъ могло бы быть вѣчно.. Силы породившія вихрь новизны и революціи не здѣсь зародились. На сцѣне ни одного героя, ни одного большого человѣка. Лѣнивое царство – какой то тихій уголокъ далеко отъ большой дороги Исторіи. Но эта обыденность намъ всегда будетъ дорога – это наша колыбель, наша Россія. В ней было тепло, беззаботно,

уютно. Хорошіе это все были люди и безобидные, но мнѣ было бы скучно съ ними. При всѣхъ ужасахъ современности когда человѣческой муравейникъ потрясенъ – я все же не хотѣлъ бы возврата прежняго.. Иное дѣло прочитывать эти письма и умиляться и иное дѣло самому переживать эту безысходную обыденность, безъ просвѣта, безъ идеаловъ..

Авторъ писемъ – Аполлонъ Павловичъ Кругликовъ и его сестра Екатерина Павловна Кругликова-Пустошкина – старшіе дѣти въ большой помѣщичьей семьѣ. Всѣхъ братьевъ и сестеръ было 12. Старый дворянский родъ VI книги – Ярославской губерніи. Дядя Поля и Бабушка – первое поколѣніе окончательно порвавшее съ деревней – городское, Петербургское. Дядя Поля 15-ти лѣтъ былъ отправленъ въ Петербургъ учиться и въ 1849 году окончилъ Университетъ и поступилъ на службу. Дядя его, вѣриже – братъ Бабушки Волковой – Павелъ Николаевичъ Ушаковъ, генераль-адъютантъ, устроилъ его во 2-ое отдѣленіе собственной Его Имп. Вел. Канцеляріи /кодификаціонный отдѣлъ/ гдѣ онъ и прослужилъ всю жизнь, достигнувъ чина Тайнаго Совѣтника и кавалерства ордена Александра Невскаго. В домѣ этого дяди онъ и нашелъ себѣ подругу жизни – племянницу Софіи Гавриловны Ушаковой, рождѣ. Родзянко – Софію Платоновну Родзянко. Женился онъ 29-ти лѣтъ /27 Юля 1858/ и имѣлъ только одну дочь Анну, родившуюся 27 Декабря 1859. Бабушка моя – его сестра вышла за мужъ еще въ 1853 году за пріятеля дяди Поля и товарища по Университету Павла Ивановича Пустошкина, моего дѣда и съ этого времени до 1859 года жила въ Петербургѣ тоже. В 1854 году родился стршій ихъ ребенокъ – дочка Александра, а въ 1859 году – второй ребенокъ – мой отецъ Константинъ Павловичъ /14 Юля/ – всего на пять съ половиной мѣсяцевъ старше кузины Анны /Нины, какъ звали ее всѣ близкіе/. С 1859 по 1863 го Бабушка съ семьей провела въ провинціи гдѣ служилъ дѣдъ, сначала въ Астрахани, а затѣмъ въ Тулѣ, гдѣ дѣдушка скончался отъ чахотки 18 Августа 1863. Бабушка съ дѣтми переселилась тогда въ Петербургъ. Не знаю почему она не уѣхала въ деревню. Правда что мать ея – Анна Аполлоновна тогда уже скончалась /1856/, но отецъ былъ живъ до 1871 года. Надо полагать, что особенно дружныхъ отношеній не было. Было столько братьевъ

и сестеръ у Бабушки и вѣроятно дома ей съ дѣтьми такъ сказать мѣста не оказалось.. В Петербургѣ Бабушкѣ было очень трудно жить. Средства были незначительныя, пенсіи по дѣдѣ не платили. Около 1870 года, а можетъ и раньше – дядя Поля взялъ Бабушку съ дѣтьми къ себѣ въ домъ и этимъ оказалъ великое ей благодѣяніе. С этого времени и до 1886 года братъ и сестра зажили одною жизнью и домъ дяди Поли былъ и ея домомъ. Папа росъ въ тѣсной дружбѣ съ своею кузиною и ровестницею Ниной Кругликовою. Бабушкина дочь Аля, бѣдная, къ 21 году совѣтъмъ занемогла душевною болѣзнью – послѣдствіе тифа, какъ говорятъ. Около 1875 года пришлось ее помѣстить въ лѣчебницу гдѣ она и осталась на всю жизнь.. Видимо все въ доме дяди Поли уживались хорошо. Не слышалъ ни о какихъ неполадкахъ между тетей Соней и Бабушкой, а онѣ могли бы легко возникнуть.. Дядя Поля свою жену не то чтобы не любилъ, но относился къ ней нѣсколько снисходительно – она была хоть и не глупая, но лѣнивая и пустая и душу онъ отводилъ съ сестрой – другомъ своимъ съ самаго ранняго детства. Тетя Соня видимо и не пыталась конкурировать съ Бабушкой и воевать съ нею, но нѣжныхъ чувствъ въ глубинѣ души не было, а ужъ въ послѣдствіи – какъ будто даже было подобіе антипатіи. Папа вносилъ много оживленія въ домъ своимъ жизнерадостнымъ характеромъ и общительностью. Онъ былъ необходимымъ элементомъ, выѣзжалъ и музицировалъ съ кузиною и былъ всеми любимъ.

Отношенія Бабушки съ дядей Полей – нѣчто безконечно трогательное и переписка ихъ печатаемая здѣсь – замѣчательный опытъ продолженія на разстояніи истиннаго и полного общенія. Это рѣдко удается въ письмахъ. А между тѣмъ видно за эти четыре года разлуки /1886-1890/ что отношенія ни въ чемъ не измѣнили своего близкаго характера. Каждая мелочь въ жизни брата и сестры неослабно интересуеъ ихъ взаимно въ первый день какъ и въ послѣдній этого періода. Это рѣдкій примѣръ родственной любви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ отношеніяхъ есть и что то взаимно эгоистическое почти: они привыкли рассказывать другъ другу про себя, взаимно угождали себѣ пониманіемъ другъ друга, они необходимы другъ другу каждому для себя. Тутъ нѣтъ жертвенности, нѣтъ и иллюзій и

взаимной идеализации: Бабушка въ письмѣ къ сыну /1879/ прямо называетъ добрыя чувства дяди къ нему «одними словами, но вѣдь и добрыя слова не отъ каждаго услышишь».. Когда Папа окончилъ Университетъ дядя пальцемъ не захотѣлъ шевельнуть чтобы помочь ему устроиться на службѣ. Нисколько не желая умалять благодареніе дяди по отношенію къ моей Бабушке и ея семьѣ я все же цинично скажу, что она была ему нужна, ему было прескучно съ женой, а Бабушка такъ умѣла съ нимъ вмѣстѣ смаковать житейскую обыденность и придавать ей вкусъ и интерес..

Оба они – поэты обыденности, ихъ пафосъ посвященъ всецѣло житейскому. Мало сказки, мало мистики. Обо всемъ говорится просто, реально, безъ стѣсненія. У дяди въ письмахъ такъ и сыпятся слова почти циническія. Душа – нервный узелъ – между прочимъ. А вмѣстѣ съ темъ посѣщеніе богослуженія въ соборахъ, много любви къ природѣ.. Вздохи по свободѣ по лучшимъ краямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу себѣ представить дядю Полю порвавшимъ съ Петербургомъ. Все собирается прѣхать къ сестрѣ за границу и конечно такъ и не попробовалъ даже серьезно собраться. Дядя безусловно умный, наблюдательный, доброжелательный, симпатичный. Но совершенно погрязъ въ свою среду и удовлетворяется необычайно мелкими интересами. Дочь свою Нину любитъ нѣжно, больше всѣхъ на свѣтѣ, а затѣмъ и внука видимо тожѣ. О тетѣ Нине можно сказать много хорошаго, но и много отрицательнаго. Живая и умная – она не сумѣла создать себѣ осмысленной жизни. Была почти невѣстою нѣкоего Поджіо – очаровательнаго молодого человѣка служившаго въ Мин. Иностр. Дѣль. Почему то дѣло разошлось /онъ умеръ женатымъ на Араповой въ 1889 году/. Вышла въ 1884 году /2 Сентября/ за Барона Александра Ивановича Притвица, варшавскаго улана, владѣльца крупнаго маіората въ Ямбургскомъ уѣздѣ Перербургской губерніи /Забалканское, Луизино, и дрѣ. усадьбы/. Человѣкъ это былъ взбалмочный и нелѣпый – мало симпатичный. Что она въ немъ нашла и чего искала – мало понятно. Тутъ не безъ снобизма было дѣло ужъ навѣрно. У нея было не мало тщеславія въ характерѣ. Легко завидывала и стремилась всегда во всемъ перешеголять другихъ. Такъ было и съ Папой. При всей ихъ интимности съ

дѣтства шла какая то конкуренція въ чемъ только возможно.. Со временемъ особенно развились умаляющія ея достоинства черты характера. Странный это былъ человекъ и странные бывали у нея поступки въ послѣдствіи въ отношеніи моей семьи.. Богъ съ нею. Можетъ быть и съ нашей стороны бывали ошибки и недостаточное сознание всего того добра которое сдѣлала ея семья нашей семьѣ. Впрочемъ – это все было единоличное дѣло рукъ Дяди Поли.

Дядю Полю – моего крестнаго отца между прочимъ – я помню очень хорошо, хотя видѣлъ его только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и очень мало. Это было въ Апрѣлѣ 1890 года, когда мнѣ было всего $\frac{1}{4}$ года. Я съ семьей гостилъ у сестры матери – Фридрихсъ, а Бабушка жила у брата на Малой Итальянской 6 кв. 2. В Пасхальную ночь родители разговлялись виѣ дома да и ходили на заутреню и меня сдали на ночь Бабушкѣ. Я спалъ съ нею въ большой комнатѣ во дворѣ на диванѣ, заставленномъ, чтобы не упалъ, стульями. Меня охраняли отъ собаки «Путьки» чтобы не напугала. Помню отлично высокую сутуловатую фигуру дяди Поли, расхаживающаго по комнатамъ въ синей рабочей блузѣ. Помню его добрую улыбку и шутки. Мнѣ подарили чудную игрушку: большой ящикъ съ деревянною моделью Троице-Сергіевской лавры, отдѣльными строеніями – можно было разставлять какъ угодно стѣны и соборы. Помню въ комнатѣ на улицу тетю Нину сидящую у окна столика въ оживленной бесѣдѣ – она много и быстро говорила всегда. Ваня скачущій на палочкѣ съ лошадиной мордой.. Все это происходило совсѣмъ не за долго до тяжелой болѣзни постигшей дядю Полю около 10 Юля /послѣднее его письмо отъ 1/14 Юля/ 1890. Вѣроятно былъ легкій ударъ,– онъ впалъ въ тоску и безмолвіе, сталъ равнодушенъ ко всему на свѣтѣ и въ такомъ состояніи прожилъ болѣе двухъ лѣтъ, съ повторяющимися изрѣдка обмороками. Скончался онъ 20 Ноября /2 Дек. 1892 года, совсѣмъ не старымъ – ему было безъ малаго 63 года /родился 21 Января 1829/. Странная болѣзнь эта началась съ легкой маніи преслѣдованія: онъ былъ свидѣтелемъ на какомъ то судебномъ разбирательствѣ въ Ямбургѣ по обвиненію кажется крестьянина въ воровствѣ. Давъ свои показанія онъ затѣмъ сталъ мучаться что пожалуй недостаточно точно и достовѣрно высказался. На

это дѣло намекаетъ дядя Поля въ своихъ двухъ послѣднихъ письмахъ. Онъ вообще впалъ въ крайній пессимизмъ: страдалъ за дочь въ разладѣ съ мужем; все казалось ему тоскливо и плохо. С любимой сестрой своей разстался 10/22 Юня 1890. Дядя Поля проводилъ ее до Гатчины – она ѣхала въ Броды къ намъ. Больше она не видала его нормальнымъ. В Августе 1892 года Бабушка провела еще съ нимъ нѣкоторое время въ Луизинѣ, но при кончинѣ его не присутствовала. Онъ умеръ въ Петербургѣ, на своей квартирѣ на Поварскомъ 12. Бабушка и Папа были на похоронахъ въ Котлахъ – недалеко отъ Луизина. Моя мать говорила мнѣ что дядя Поля повредилъ своему здоровью тѣмъ что для своихъ лѣтъ нѣсколько много пилъ. Онъ дѣйствительно любилъ покушать и при этомъ пилъ вино, – красное. Водки онъ, какъ пишетъ сестрѣ въ 1889 году, – давно не пьетъ. Однимъ словомъ объ алкоголизмѣ говорить не приходится. Будто онъ сиживалъ вечеромъ въ кондитерской Терно на Литейной за рюмкой ликера.. Не представляю себѣ этого, но и если вѣрно – то это ничего не доказываетъ.

Бабушка долго грустила, тосковала по братѣ – особенно за его болѣзнь она все переходила отъ надежды къ унынію. В ея комнатѣ всегда висѣлъ большой портретъ дяди съ его доброю умною улыбкою. Я помѣщаю здесь эту фотографію*. Она сдѣлана въ 1888 году 25 Октября, въ Петербургѣ. Бабушкина фотографія также здесь помѣщенная† – относится къ 1902 году – хорошей болѣе ранняго времени не существуетъ.

Тетя Софія Платоновна пережила мужа на дѣлѣхъ и лѣтъ. В 1897 году лѣтомъ съ нею сдѣлался ударъ, въ Болотовкѣ, у Влад. Павловича Кругликова въ гостяхъ. 6 лѣтъ она прожила въ состояніи сильно ослабленной душевной дѣятельности. Сначала читала много, но говорила плохо и съ трудомъ. 6 Юня 1903 года она скончалась въ Петербургѣ, на Знаменской 39 кв. 4 у дочери Нины. Погребена въ Котлахъ, рядомъ съ мужемъ. Бабушка тоже думала тамъ упокоиться но судьба рѣшила иначе: она скончалась въ Яссахъ 4/17 Февраля 1912 года у сына тѣ похоронена тамъ же въ Яссахъ. Я никогда не былъ на ея могилѣ..

---

* см. стр. 34.

† см. стр. 18.

Нѣсколько словъ о слѣдующемъ поколеніи. Отецъ мой скончался въ Генуѣ 4/17 Апрѣля 1922 года рано утромъ, еще ночью. У него была инфлюенція ослабившая какъ то всѣ органы – и сердце и почки. Ему не было 63 лѣтъ, но организмъ уже за нѣсколько лѣтъ оказался въ очень истощенномъ состояніи – особенно сердце. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Маѣ 1920 года въ Генуѣ, гдѣ прогостилъ у родителей дней десять. Онъ совершенно не могъ подниматься по лѣстницамъ и вообще идти въ мало мальски ощутимую гору. Очень располнѣлъ и обрюзгъ какъ то.. Собственно уже въ Яссахъ онъ какъ то вдругъ постарѣлъ /1911-1914/. Ему было тогда всего 52-55 лѣтъ..

Тетя Нина въ 1914 году, 4 Октября, потеряла единственного, горячо любимого сына Ваню на большой войнѣ, въ бою подъ Опатовымъ. Ваня былъ офицеромъ Стрѣлковаго ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи Полка и со всею дивизіею стрѣлковъ гвардіи отбивался отъ много превосходныхъ силъ германцевъ. Много офицеровъ было убито и ранено. Онъ оставался израненнымъ на полѣ битвы и скончался тамъ на разсвѣтѣ. Тѣло похоронили нѣмцы и только нѣсколько нѣдель спустя, по отступленіи нѣмцевъ, тѣло было найдено, опознано и перевезено въ Царское Село гдѣ и похоронено подъ Полковою Церковью. Вотъ какъ кончилъ жизнь бѣдный «Ваничка».

Мужа тетя Нина потеряла въ 1918 году въ Петербургѣ, въ разгаръ голоднаго большевизма. Отъ недоѣданія у него очень ослабѣлъ организмъ. Что то сдѣлалось съ глазомъ и онъ послѣ краткой болѣзни скончался. Тетя Нина сама должна была на ручныхъ санкахъ везти гробъ на кладбище.

Бѣдная тетя Нина съ вѣрною служанкою Стешей уѣхала въ деревню къ себѣ и тамъ мѣстные элементы изъ милости пріютили ее въ домикѣ управляющаго въ Лузинѣ. Нѣсколько лѣтъ она прожила тамъ зарабатывая вязаніемъ изъ шерсти одеждъ для крестьянъ.. Потомъ ее изгнали: вышелъ декретъ о недопущеніи въ районъ прежнихъ владѣній – бывшихъ владѣльцевъ. Она возвратилась въ Петербургъ и стала перебиваться уроками иностранныхъ языковъ. Писала нѣсколько разъ. Затѣмъ – замолкла. На письмо посланное мною въ 1930 году – отвѣта не было. Сейчасъ ей было бы въ Декабрѣ 72 года. Я думаю что ея нѣтъ на свѣтѣ.

Итакъ – семья дяди Поли вся исчезла. Не осталось даже наслѣдниковъ памяти его. Я единственный и то – не прямой.. Ужасно подумать что всѣ запечатленные здѣсь помыслы, мечты, сердечныя переживанія – не только миновали, но даже не оставили въ жизни молодыхъ, выросшихъ заботами дѣдовъ, поколѣній.. Гнѣздо разрушено и семья уничтожена до послѣдняго человѣка..

Вчера /3 Марта/ вечеромъ по возвращеніи съ раута отъ Бистромъ¹ я получилъ открытое твое письмо изъ подъ Варшавы отъ 1 Марта, другъ мой милѣйшій Катиша². У тебя сердце болѣло по мнѣ, а у меня душа болить по тебѣ! Такая безъ тебя здесь скука что и высказать не могу. Даже люди о тебѣ тоскуютъ. Бонифасъ³ говорить, что и представить себѣ не можетъ, чтобы ты не возвратилась. Илья о тебѣ постоянно разговариваетъ, и встрѣчая, и провожая, то же говорить, что ему все кажется, что ты уѣхала въ Петрушино⁴. Наташа приговариваетъ «ой какъ жаль Катерину Павловну!»— А ужъ мнѣ то какъ жаль, ой, ой, ой! Сильно я тебя люблю, и никогда не разлюблю. В наши годы не мѣняются.

Какая досада, что Костино письмо не пришло сюда во время. Всѣ его письма приходили аккуратно, а это, какъ нарочно, написанное 20 Февраля, прибыло только 2 Марта. По штемпелю видно, что оно было отправлено изъ Неаполя 8 Марта, т.е. 2/4 Февраля. Гдѣ же оно лежало? Не у Рафаеля ли въ кухнѣ? Ты должна была его получить 26 Февраля, и уѣхала бы спокойной.

В день твоего отъезда, вечеромъ, мы были у Маши Волковой. Народу было пропасть. Я, по обыкновенію, возвратился рано, — одинъ. Такой былъ туманъ, что извощикъ не могъ разглядѣть поворота съ Невскаго, и я долженъ былъ встать, идти пѣшкомъ по стѣнкѣ домовъ и закричать ему, когда дошелъ до угла Лиговки.

В Воскресенье у насъ была цѣлый день Марья Александровна⁵; поѣхала къ обѣднѣ, за многолудствомъ не могла войти въ церковь, и проѣхала прямо къ намъ. Кормили мы ее отлично. Голубушка цѣлый день то ѣла, то пила чай. К обѣду пріѣхала Софья Александровна, а после обѣда Адель.

Ты не повѣришь, какъ мнѣ странно адресовать тебѣ письмо въ Неаполь. Неужели ты въ Неаполѣ? Вѣрится съ трудомъ. Обнимаю тебя, моя голубушка, отъ всего сердца. Пошли тебѣ, Господи, покойно и пріятно поживать въ кругу тѣхъ, кто тебѣ дороже всего на свѣтѣ. Передай имъ мой поклонъ и мою просьбу тебя любить и успокоивать.

Другъ твой неизмѣнный
Аполмонъ

№ 1

4 Марта
1886
Кропоткин 87.7.1886.

Клепа (3^я Марта) березови
на бытравенниъ ер пазна
оми думпаниъ и нозгуби
мнѣшение мѣхъ мнѣшение
на нѣхъ пармелии оми
1^я Марта, ерре нѣхъ
мнѣшение! Пармелии.

Т мѣхъ ерре думпание
но нѣхъ, а з мѣхъ ерре
думпание но мѣхъ. Мѣхъ
дѣр мѣхъ зѣхъ ерре ерре
и пазнажание не нозгуби. Ерре
мнѣшение и мѣхъ нозгуби.
думпание рѣхъ мнѣшение, ерре
и пазнажание ерре не
но нѣхъ ерре мнѣшение не
бытравенниа. Мѣхъ и
мнѣшение нозгуби пазнажание
и березови.

16/28 Марта 1885 Суббота

Другъ мой милѣйшій Катиша, до получения твоего письма изъ Неаполя я сильно тревожился. Газеты приносили намъ ужасы о зимѣ, въ Мартѣ, на югѣ. Между Ниццою и Варшавой поѣзда стояли по трое сутокъ на одномъ мѣстѣ. Пассажиры умирали съ холода и голода. И это было въ тѣ дни, когда ты ѣхала изъ Вѣны въ Неаполь! Ну ужъ и обрадовался я твоему письму, просто прыгнулъ съ мѣста съ легкостью двадцатилѣтняго юноши.

Письмо твое то 7-го ко мнѣ дошло 12-го, въ 8 вечера; я былъ дома, сидѣлъ въ Костиной комнатѣ, спиной къ лампѣ, и читалъ газету. Вследъ за письмомъ пріѣхала къ намъ Анна Николаевна⁶ и обѣ барыни Петрушинскія. Все люди тебя любящія, и мы съ наслажденіемъ читали твое письмо.— Тутъ же было рѣшено: послать, для прочтенія, Марьѣ Александровнѣ. Что и исполнилъ на другой же день.. Воображаю, какъ она всему будетъ рада и довольна! Повезеть, навѣрное, читать письма въ Покровское⁷.

У насъ новаго ничего нѣтъ. Живемъ, какъ въ деревнѣ, ни души не видимъ. Машенька⁸ уѣхала не во Вторникъ, какъ рассчитывала, а въ Среду. На этотъ день Полежаевъ ей досталъ даровое «перми». Такъ что она *sans dépocher** доѣхала до Данилова.

...
Безъ тебя у насъ совершенная скука. Такая тишина, что Бонифасъ увѣряетъ, что надо заколачивать окна. Знаешь, какъ бываетъ въ избахъ, гдѣ никого нѣтъ. Я цѣлое утро, до 6 часовъ, въ Отдѣлѣ⁹. Боря¹⁰ въ Училищѣ, а Соня¹¹ убѣгаетъ также или къ Родзянкамъ, или къ Аннѣ Николаевнѣ.

...
Погода у насъ скверная, холодно и туманно. — У насъ сегодня цѣлый день Марья Сергѣевна¹²; сплетница страшная, рассказывала между прочимъ, что у Стаховичей¹³ былъ вечеръ съ Горбуновымъ¹⁴, дешевымъ угощеніемъ, такъ какъ ему платятъ *en eau-de-vie*†... Что Екатерину Сергѣевну¹⁵ спрашиваютъ,

* фр. без оплаты

† фр. на водку

будетъ ли у Стаховичей ея дочь? Она отвѣчаетъ: будетъ, для того, чтобы Ольга Павловна не сказала, что она важничаетъ, п. т. д. Завидно на нее смотреть. Ей 21 годъ, а сплетничаетъ какъ въ тридцать! Пришла она къ намъ въ 3, теперь 8 часовъ, и она все говоритъ безъ умолку. Соничка сидитъ съ ней презлая, видно, что она ей страшно надоѣла.

В Четвергъ пошлю Наташу къ Алѣ¹⁶, и пошлю Алѣ кое что поѣсть и полакомиться. Вчера былъ формальный отказъ жениху; Наташа бѣгала въ волненіи, красная какъ піонъ.

Вчера умеръ Александръ Павловичъ Волковъ. Какъ старики подбираются!

23 Марта / 4 Апреля Воскресенье

На дняхъ Анна Николаевна съ дѣтьми была вечеромъ у Мосейки¹⁷. Играли въ карты: она, Катерина Сергѣевна, Оля и Ава. Оличка, по обыкновенію, дурила, говорила дерзости матери, и отпустила также какую-то дерзость Екат. Сергѣевнѣ. Та взбѣсилась и такъ обругала Олечку, такъ на нее кричала, что что Анна Николаевна поскорѣ отправила Олечку съ Авой домой, а сама осталась успокаивать Екат. Сергѣевну. Но съ того времени Екат. Сергѣевна къ Анне Николаевнѣ ни ногой. Видишь ли, это такъ въ Институтѣ ее пручили не уважать старших!

Соня Тинькова¹⁸ еще здѣсь. Слыханное ли это дѣло – обожгла губу свѣчкой. Я думаю, не поджигала ли она усы?

PS. Какъ мнѣ нравятся твои подробныя письма! Пожалуйста продолжай. Чѣмъ подробнѣе, тѣмъ мнѣ пріятнѣе. Кажется, не можешь пожаловаться на мои. Придумываю и стараюсь не забыть сказать о всякой мелочи.

№23. Шувалово. 29 Іюня 1886. Петровъ день.

Другъ мой Катиша,

Сегодня я крещу внука¹⁹. Молю Бога послать ему всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, и очень желаю быть ему полезнымъ.

Какой хорошей день! Воскресенье. Отъ тебя, моя голубушка, будетъ письмоцо. Жду этой радости, и считаю дни, начиная, кажется, съ Понедѣльника. Письма твои всегда прочитываются такъ: сначала вслухъ, въ присутствіи всего дома, а затѣмъ тайно, въ тиши кабинета, смакуются, такъ сказать.

...

10 Юля я съ женой ѣдемъ къ Притвицамъ²⁰, до 31 Юля. Если бы въ это время тебѣ что нибудь понадобилось въ Петербургѣ, то напиши Аннѣ Васильевнѣ Зильбертъ, на дачѣ Шумиловой, у г-на Кругликова. Бонифаса беру съ собой. Какъ тамъ Ниночка не отвертывалась, а всетаки 25-го у нихъ будутъ гости. – Сашенькой мы совсѣмъ довольны. Ведеть себя такъ и въ отношеніи жены, и въ отношеніи къ намъ, какъ желать нельзя лучше.

Везу ему въ подарокъ высокіе Англійскіе часы. Вродѣ тѣхъ, которые стояли въ Тороповѣ, въ столовой и въ залѣ, но только несравненно великолѣпнѣе. Ему такихъ очень хочется. У нихъ были, да бабушка стащила. А мой подарокъ такъ будетъ подходить къ барской старинѣ Забалканскаго замка. Нашелъ мнѣ часы Маркузе, и за комиссію получилъ отъ меня 5 рублей. Пьянино прибыло къ нимъ благополучно, и Ниночка имъ очень довольна. Вчера посылали мы къ нимъ садовую мебель /по ихъ заказу/, и я вложилъ ему въ подарокъ хорошенькій крокетъ.

Ты не поверишь, Катюша, какое мнѣ доставляетъ счастье видѣть Ниночку довольною. Слава Богу!

...

Аделинка Хабарова²¹ уѣхала въ Петрушино. На дняхъ у насъ была Екатерина Аполлоновна, пріѣзжала благодарить Соню. Петръ Владиміровичъ²² назначенъ Чиновникомъ Особыхъ Порученій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Желаю ему быть скорѣе Губернаторомъ. Володя радъ. Боря спитъ теперь у меня. Отъ успѣховъ сдѣлался какъ будто повеселѣе, и поразвязнѣе.

Погода у насъ теплая, но дождя слишкомъ много. Сѣно гниеть. Цвѣтовъ у меня пропасть, и прелесть какъ хороши. Фогель молодец! Красные листья, изъ которыхъ дѣлають бордюры въ клумбахъ, называются «Перилла» /вульгарно: крапивка/. Безъ насъ на дачѣ останутся Анна Васильевна, кухарка

и жена Рыбкина, которая прїдетъ на это время погостить къ всеей прїятельницѣ Анетѣ. Рыбкинъ пока поживетъ и безъ жены. Жена портниха, явится къ намъ въ Четвергъ шить Ниночкѣ платьѣ на именины: бумажное, отдѣланное кружевами и лентами.

На дняхъ, у Ниночки собралось много сосѣдей – Лидерсъ-Веймарны закладываютъ имѣніе, кутятъ на пропалую.

Сегодня свадьба Саша Тимротъ* въ Ярославлѣ. Посылаемъ поздравительную депешу. На дняхъ получила Соня самое дружеское письмо отъ Софьи Павловны²³, изъ Никольскаго²⁴. На свадьбу она ѣдетъ вдвоемъ съ Сережей. О Муратовой† – ни слова. Вѣроятно здорова, иначе свадьба была бы отложена.

Володя пишетъ, что 23-го Петя поѣхалъ въ Федино²⁵, Покровское, Торопово /на могилу дѣдовъ/ и Петрушино. – Возвращаясь изъ Нижняго, я остановлюсь во Владимірѣ, повидать Аню²⁶.

Къ Нинѣ поѣду 10-го, вернусь 31-го, вечеромъ. 1 Сентября поѣду въ Работки, а потомъ опять къ Нинѣ, до 1 Октября, если будетъ ясная осень. Я рассчитываю каждое лѣто ѣздить въ Работки. Я хочу, послѣ раздѣла, устроить хозяйство въ Нининѣ /такъ будетъ называться мое имѣніе/, и выстроить хуторъ, со всѣми хозяйственными принадлежностями.

Соня всѣхъ васъ цѣлуетъ. До того она лѣнива писать, что даже Нинѣ пишу за нее я.

Безъ насъ Анна Васильевна побываетъ у Али.

Обнимаю, твой вѣрный другъ
Аполлонъ

---

* Александр Егорович Тимрот.

† Муратовы – семья невесты А. Е. Тимрота, Марии Михайловны.

Примѣчанія

1. Бистромъ, Родригъ Григорьевичъ, старый другъ А. П., генераль-адъютантъ. Жена – Марія Григорьевна. Дочь – Ольхень. Сынъ – Федоръ Родриговичъ. Упоминается еще Николай Бистромъ, женатый на совершенной нѣмкѣ. Р. Г. скончался отъ разрыва сердца 20 Декабря/ 1 Января 1886/1887.
2. Екатерина Павловна Пустошкина уѣхала изъ Петербурга въ Субботу 1/13 Марта въ Неаполь черезъ Варшаву и Вѣну, къ сыну Константину Павловичу, Вице-Консулу, на жительство. К. П. женился 1/13 Сентября 1885 на Лидіи Васильевнѣ Познанской.
3. Бонифасъ – лакей, полякъ, нанятъ лѣтомъ 1879 при переѣздѣ на Лиговку. Пользовался большой милостью А. П. Илья – швейцаръ на Лиговкѣ 67, фаворитъ А. П. Рафаель – поваръ Пустошкиныхъ въ Неаполѣ.
4. Петрушино – имѣніе Маріи Александровны Волковой, кухни А. П. и Е. П., въ Ярославской губ. У нея двѣ дочери Аглаида /Аделинька/ Александровна Хабарова и Софія Александровна Тинькова /вдова/. Ихъ Петербургскую квартиру на Адмиралтейской канавкѣ А. П. тоже называетъ Петрушино.
5. см. 4.
6. Анна Николаевна Кругликова, вдова Николая Павловича Кругликова – брата А. П. и Е. П., рожд. Урусова. Первымъ бракомъ была за Игумновымъ. Имѣла сына Николая /больного/ отъ Игумнова и отъ Кругликова – Григорія, Ольгу и Авенира /последній въ сущности отъ Ратманова.../ Анна Николаевна по смерти перваго мужа – Игумнова, получила опеку надъ своимъ сыномъ Николаемъ Игумновымъ и часть состоянія, а по смерти послѣдняго – и еще большія деньги.
7. Покровское – имѣніе дѣдовъ А. П. и Е. П. – Волковыхъ. Тамъ живутъ двѣ тетки ихъ, старая дѣва Марія Аполлоновна Волкова и сестра Наталья Ап. Кованько (вдова, мать А. А. Гавеман). Марія Аполлоновна умерла 19 Марта 1893 г.
8. Марія Александровна Волкова, см. 4.
9. Отдѣлъ – Кодификаціонный Отдѣлъ 2-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, гдѣ А. П. служилъ всю свою жизнь съ Дек. 1849 года.

10. Борисъ Владімировичъ Кругликовъ, племянникъ А. П. и Е. П., сынъ ихъ брата Владімира Павловича Кругликова, женатаго на Олимпіадѣ Дмитріевнѣ Траковской /имѣніе Болотовка, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ./ Б. В. родился около 1869 года. Окончилъ реальное училище въ 1886 году и поступилъ въ Инженерное Училище Николаевское. Женился на Евг. Вогагъ въ 1905 и имѣлъ сына Владімира, умерш. ребенкомъ.
11. Соня – Софія Платоновна рожд. Родзянко, жена А. П. съ 1856. Умерла въ Петербургѣ 6 Іюня 1903.
12. Марія Сергѣевна Родзянко, рожд. Ахлебинина, вдова Александра Павловича Родзянко.
13. Стаховичъ Ольга Павловна двоюродная сестра матери А. П. и Е. П. – дочь младшаго брата ихъ бабушки Александры Николаевны Волковой рожд. Ушаковой – Павла Николаевича Ушакова генераль-адъютанта, ум. въ 1853 г. Онъ былъ покровителемъ А. П. въ молодости и жена А. П. родственница его жены, т.е. Родзянко Соф. Гавр.
14. Горбуновъ – известный декламаторъ, шутникъ.
15. Екатерина Сергѣевна Моисеенко-Великая, рожд. Ахлебинина. Сестра Маріи Сергѣевны Родзянко.
16. Аля – дочь Е. П. душевно-больная съ 1875 г. въ больницѣ Николая Чудотворца.
17. Мосейки – Моисеенки-Великіе. К нимъ отношеніе скептическое, симпатіи нѣтъ.
18. см. 4.
19. Павелъ Константиновичъ Пустошкинъ родился въ Неаполѣ на віа Тассо, вилла Перилло 15/27 Мая 1886 въ 6 ч. вечера. А. П. – крестный отецъ Павла Конст. Пустошкина. Кр. мать – Лид. Ив. Познанская. Лидія Ивановна Познанская – мать Лидіи Васильевны Пустошкиной, род. и Марта 1839, умерла отъ рака въ 1909 г. 24 Сентября.
20. Ниночка, Нина, Ницуша – Анна Аполлоновна рожд. Кругликова – единственная дочь А. П., род. 27 Декабря 1859. Ей тутъ 26 лѣтъ. 9 Сентября 1884 вышла за барона Александра Ивановича Притвицъ – владѣльца крупнаго маіората въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи – Забалканское, Луизино и др. усадьбы. А. И. Притвицъ обладалъ несноснымъ

характеромъ и капризничаль невѣроятно. Гафронъ – кличка А.И.Притвица. Притвицы – потомки сестры Фельдмаршала графа И.И.Дибича-Забалканскаго. Эта сестра была за германцемъ ф. Притвиць-ундъ-Гафронъ и переселилась въ Россію получивъ маіоратъ Дибича. С женской стороны много русской крови – мать А.И.Притвица – Галахова, бабушка – Мятлева.

21. см. 4.
22. Петръ Владиміровичъ Кругликовъ – сынъ Вл. Павловича, старшій изъ сыновей, род. 1860. Женился на Кишкиной и имѣлъ трехъ дочерей.
23. Софія Павловна Тимротъ – младшая сестра А.П. и Е.П. Была недурна собой...
24. Никольское – имѣніе Тимротъ въ Самарской губ.
25. Торопово – родовое имѣніе Кругликовыхъ въ Яросл. губ., где родились А.П. и Е.П. Одино – имѣніе родителей А.П. и Е.П. купленное въ 1844 году у Александра Аполлоновича Волкова – отца Мар. Ал. Волковой и Лид. Ал. Веревкиной. Тамъ живутъ младшія сестры А.П. и Е.П. Наталія и Марія, род. 1842 и 1845, ум. 1911 – старыми дѣвами. Петрушино см. 4, Покровское см. 7.
26. Анна Задолинная – дочь сестры А.П. и Е.П. Вѣры Павловны, – круглая сирота, уродъ, опекаемая А.П.

Екатерина Павловна Пустошкина (рожд. Кругликова) с сыном Константином Павловичем и внуками Павлом и Владимиром (Гребенов, 1894 г.)

*Аполлон Александрович Волков.
Петр Аполлонович Волков, акварель.*

*Александра Николаевна Волкова (рожд. Ушакова).
Петр Аполлонович Волков, акварель.*

*Анна Аполлоновна Кругликова (рожд. Волкова).
Петр Аполлонович Волков, акварель.*

Вера Павловна Задолинная (рожд. Кругликова).

Аполлон Павлович Круеликов.

Софья Платоновна Кругликова (рожд. Родзянко).

Анна Аполлоновна и Александр Иванович Притвицы

Иван Притвиц, 1906 г.

Екатерина Павловна Пустошкина (рожд. Кругликова).

Павел Иванович Пустошкин с Александрой.

*Костя (Константин Павлович Пустошкин) и
Нина (Анна Аполлоновна Кругликова), 1884 г.*

АННА НИКОЛАЕВНА КРУГЛИКОВА
Рисованъ Кн. Уруерва. Изданъ въ Москвѣ въ Игумновѣ

Аполлон Павлович Кругликов в Забалканском

Забалканское. Анна Аполлоновна и Александр Иванович Притвицы, Аполлон Павлович Кругликов с внуком Ваней.

Справа: усадьба Лузино. Екатерина Павловна и Константин Павлович Пустошкины в гостях у Притвицев в 1895 г.

Лужино. 1895 г.

Болотовка. Слева направо: Венедикт Павлович, Петр Владимирович, Владимир Павлович, Константин Павлович Пустошкин, Анна Аполлоновна Притвиц, Екатерина Павловна Пустошкина. 1897 г.

Венидикт Павлович и Владимир Павлович Кругликовы.

Николай Владимирович Кругликов (младший сын Вл. П. Кр.)

Егор Александрович Тимрот.

Софья Павловна Тимрот (рожд. Кругликова)

Дети Тимротъ.

*Егор Александрович Тимрот.
Слева: дочь Софья Егоровна.*

ТОРОПОВСКИЙ ФОТОАРХИВ

*В усадебном парке. Варвара Степановна Соколова.
Справа: центральная аллея парка.*

На балконе барского дома.

Слева направо: Софья Павловна Тимрот (рожд. Кругликова), Соня (Софья Дмитриевна Тимрот), Наталья Михайловна Тимрот (рожд. Смирнова), Варвара Степановна Соколова, Софья Егоровна Свербеева (рожд. Тимрот), Софья Дмитриевна Шаховская (рожд. Свербеева), Дмитрий Дмитриевич Тимрот. ~1914 г.

На крыльце последнего дома Тимротов.

Первый ряд: Софья Дмитриевна Тимрот, Софья Дмитриевна Шаховская, Дмитрий Дмитриевич Тимрот, Дмитрий Егорович Тимрот с Георгием и Александром. Второй ряд: Варвара Степановна Соколова, Любовь Михайловна Смирнова, Наталья Михайловна Тимрот, Софья Егоровна Свербеева, Екатерина Ивановна Чистякова. ~1920 г.

«ТИМРОТИАНА» МИХАИЛА ФОН ТИМРОТА

Михаил Генрих фон Тимрот (*Michael Heinrich von Timroth*) родился в Санкт-Петербурге 13 июня 1916 г. В 1934 окончил колледж *Läroverket* в Хельсингфорсе (ныне Хельсинки). В 1939 г. окончил технологический институт Хельсинки по специальности химия и геология. Военная служба на строительстве укреплений, лейтенант. Начальник шахты в компании *Orijärvi* в 1943–1947 гг. Начальник шахт в *Lohja* и *Ojamo* в 1947–1958 гг. Ком-

мерческий директор в фирме «*Oy Lohja Ab*» с 1958 г. Зачислен в балтийское рыцарство Курляндии в 1977 г. Пенсионер с 1980 г. Работал в комитете по составлению горно-рудного словаря, занимался генеалогией, опубликовал ряд статей. Женат (Хельсингфорс, 1942 г.) на Кэтхе Мауритцдеттер Грипенберг (1922 г.р.), дочери майора и архитектора Александра Мауритца Себастьяна Грипенберга. Дети: Карин Элизабет (1944 г.р., врач), Александр Отто (1945 г.р., фотограф, владелец рекламной компании), Мари Луиза (1948 г.р., работник детского социального обеспечения) и Маргарет Шарлотта (1959 г.р., преподаватель).

Маргарет Шарлотта вспоминает об отце:

«Я запомнила своего отца как прямого, пунктуального и юмористически настроенного человека. Я младшая в семье, 11-15 лет разницы со старшими сестрами-братьями, так что росла как единственный ребенок. Мой отец проводил со мной время, обучая генеалогии, филателии, нумизматике — его собственным хобби. Некоторое время он пытался научить меня и русскому языку, и я сейчас сожалею, что тогда не отнеслась к этому серьезно. Отец был очень строг в вещах, требовал того

же и от меня. Он почти всегда был одет в костюм; летом мог быть в рубашке, но оставался при галстуке. И мы тоже должны были одеваться к обеду в выходные дни... Для него прежде всего был долг, надежность в обязательствах и качество выполнения работы. Он очень гордился своим членством в Балтийском Рыцарстве (*Baltische Ritterschaften*) и очень ценил заколку, полученную от Дворянского собрания Санкт-Петербурга».

На фотографии справа: Михаил фон Тимрот с супругой на собрании Baltische Ritterschaften, 1988.

Внизу: на прогулке, Хельсинки, 1991 (он любил животных и часто "разговаривал" с ними).

Потомки учителя Иоганна Тимрота из Франкенгаузена в Тюрингии*

Семейные традиции, легенда происхождения из местности Тимменроде в горах, связь с Генрикусом Диморде, который упоминается еще в 1277 году и его фамилия фигурирует в «Сборнике документов Тевтонского ордена, бальи Тюрингия» («*Urkundenbuch des Deutschritterordens Ballei Thüringen*»), присвоение герба в 1559 году и многое-многое другое в этой работе не представлено за неимением места. Ниже приведенное описание построено как на основании печатных литературных источников и отдельных публикаций, так и на данных церковных книг, а так же, что очень важно, на персональных сообщениях членов семьи и исследованиях автора.

Герб в различных ветвях фамилии передается в несколько отличных друг от друга вариантах. Факт различных вариантов герба объясняется удаленностью и отсутствием контакта между

Тимрот Иоганн Каспар (1661-1727)
 ♀ Циглер Агнеса Элизабет (1666-1732)
 Тимрот Антон Фридрих (1686-позднее 1750)
 Тимрот Виктор Эрнест (1688-?)
 Тимрот Иоганн Элиас (1690-позднее 1713)
 Тимрот Иоганн Каспар (1695-позднее 1769)
 Тимрот Иоганн Карл (1698-?)
 Тимрот Эрнст Готфрид (1698-1773), см. таб. 2
 ♀ Родэ Мария Элизабет (1710-?)
 Тимрот Фридерик Кристоф (1732-?)
 Тимрот Иоганн Фридрих (1734-1795)
 ♀ Нейкирх Мария Маргарита (1748-1818)
 Тимрот Карл Фридрих (1776-1823)
 Тимрот Фридрих Магнус (1778-1846)
 Тимрот Кристина Шарлотта Мария (1781-?)
 Тимрот Вильгельм Христиан (1782-?)
 Тимрот Герман Рейнхольд Эрнст (1782-?)
 Тимрот Доротея Хелена Маргарита (1784-1865)
 Тимрот Мария Элизабет (1786-1865)
 Тимрот Генрих Иоганн Фридрих (1788-1848),
 см. таб. 5 и стр. 86
 Тимрот Фридерик Вильгельм Эрнст (1735-?)
 Тимрот Антония Иоганна Фридерика (1737-?)
 Тимрот Каролина Доротея Кристиана (1740-?)
 Тимрот Фридрих Карл Трауготт (1742-?)
 ♀ Тимрот Иоганна Мари Эрнестина (1762-?)
 Тимрот Вильгельм (1771-1833)
 Тимрот Август /Густав/ (1774-1849)
 ♀ Блок Елизавета Ивановна (1775-1845)
 Тимрот Фридрих (1779-1828), см. таб. 4
 ♀ фон Комар, Катарина
 Тимрот Карл Вильгельм Александр (около 1781-1854)
 ♀ Тидебёль Анна Юлиана (1808-?)
 Тимрот Фридрих Эрегот Сигизмунд (1744-?)
 Тимрот Фридерика Эрнестина (1745-?)
 Тимрот София Вильгельмина (1750-?)
 Тимрот Мария Шарлотта (1752-?)

различными ветвями семьи. Ясно лишь одно, что герб восходит, по крайней мере, к пастору Иоганну Каспару Тимроту (табл. № 1). Я привожу здесь описание герба из книги **Die baltischen Ritterschaften**: «Закрытая впереди золотая шестиконечная звезда, внизу из трехгорбой зелени вздыбившийся красный единорог. Вверху такой же единорог между рогов быка. Рога обхватывают на половине синие пряжки с золотой шестиконечной звездой». Описание родословной в силу объективных причин по некоторым пунктам остается неполной. Я буду благодарен каждому указанию, которое может дополнить, исправить или улучшить его.

Таблица № 1*.

ii. Иоганн Каспар Тимрот (1661—1727). Отец — Иоганн Тимрот (1630—1683, окончил университет Галле-Виттенберг, теолог, учитель во в Франкенгаузене). Зачислен в университет Галле-Виттенберг в 1681. Учитель в Франкенгаузене 1682—1686 гг. С 1687 пастор. Супруга Агнесса Элизабет Циглер, дочь казначея и бургомистра Зондергаузена Фридриха Циглера.

Таблица № 2.

iii. Эрнст Готфрид Тимрот (1698—1772). Отец — Иоганн Каспар Тимрот. Окончил Йенский университет, теолог. Окружной комиссар в Удерслебене.

Таблица № 3.

iv. Иоганн Фридрих Тимрот (1734—1795). Отец — Эрнст Готфрид Тимрот. Иоганн Фридрих родился в Удерслебене, окончил Йенский университет, теолог, домашний учитель в

---

* Здесь мы публикуем выдержки из работы Михаила фон Тимрота «Генеалогия Тимротов» (Michael Heinrich v. Timroth, «Genealogia Thiemerotheriana». Helsingfors Slaktforskare, Uppsatser XIII, 2001). Часть информации представлена нами в виде генеалогических деревьев. Оригинальный текст сопровождается нашими иллюстрациями и краткими справочными материалами. Нумерация таблиц изменена по отношению к оригиналу. *Ред.*

семье Шульц фон Ашерраден в Лифляндии*. Пастор в Ашеррадене† с 1778 г. Супруга Мария Маргарита фон Нейкирх, дочери королевско-шведского лейтенанта. Дети: Карл Фридрих, секретарь судеб. инстанции, не женат; Фридрих Магнус, статс-секретарь в Фридрихштадте, Курляндия‡, супруга Шарлотта Каролина Дулло; Вильгельм Христиан, государственный землемер, супруга Августа Шарлотта Паулин; Кристина Шарлотта Мария, супруг Герман Адам Купфер; Герман Рейнхольд Эрнст, врач, супруга Доротея фон Блюм; Доротея Хелена Маргарита, супруг Александр фон Вульферт, лейтенант, зачислен в балтийское рыцарство; Мария Элизабет, супруг Генрих Август Сольбриг, юрист; Генрих Иоганн Фридрих — см. таб. 5.

Таблица № 4.

v. Фридрих Тимрот (1779-1828), русское имя Фёдор Карлович. Отец Фридрих Карл Трауготт Тимрот (Friedrich Karl Traugott). В 1800 прапорщик С.-Пб. гренадерского полка. В 1811 — штабс-капитан Преображенского полка. Адьютант принца Георгия Ольденбургского. Адьютант графа П. Х. Витгенштейна. 10.05.1812 — Прикомандирован адьютантом к главнокомандующему армии (Барклаю де Толли). За отличие в сражение при Бородино произведен в капитаны (21.11.1812) и награжден орденом Св. Георгия 4 степени (от 31.12.1812). 15.07.1813 — полковник, командир Таврического гренадерского полка. 30.08.1816 — генерал-майор. 1820 — командующий 18 пехотной дивизии. Участвует в Русско-турецкой войне. Погиб при штурме крепости Браилов в 1828. Имя Ф. К. Тимрота занесено в Галерею воинской славы в Храме Христа Спасителя (стена 16).

Жена: графиня Екатерина Комар. Дети: Эвелина, Гонора, Александр, Август.

* средняя из прибалтийских губерний с центром в Риге.

† имение и село в Лифляндии. Ныне Айзкраукле (административный центр Латвии к юго-востоку от Риги).

‡ сейчас Яунелгава, админ. центр в Латвии (Курляндия — бывшая южная прибалтийская губерния).

Таблица № 5.

v. Генрих Иоганн Фридрих

Тимрот (Heinrich Johann Friedrich), в русской службе Александр Иванович. Родился 11.04.1788 в Ашерадене. Начал службу подпрапорщиком в 1805 в Санкт-Петербургском полку. Полковник в 1821, флигель-адъютант императора Николая I в 1829, генерал-майор командир Образцового пехотного полка в 1829, командир лейб-гвардии Измайловского полка в 1833, генерал-лейтенант 1847. Участвовал во многих сражениях, был ранен, под Бородино был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость»*. Умер в Санкт-Петербурге 01.02.1848 (20.01 по старому стилю), похоронен на лютеранском Волковом кладбище.

Жена: Элизабет Аполлония баронесса фон Бистром, дочь канцлера Карла Готгарда фон Бистрома и Аполлонии Шарлотты Маргариты Оливии, рожденной фон Энгельгардт.

Дети: Николай (окончил Императорское училище Правоведения 1846, прокурор прокурор в Митаве Курляндской губ., статский советник, служил в Сенате, 1862 Тверской губернский прокурор); Готгард (таб. 6); Георг (таб. 7); Карл Август Рихард (таб. 8); Александр (таб. 9).

* подробнее о его воинской службе см. в дополнении на стр. 86

Семья А. И. Тимрота. Медальон.
1-й ряд: Элизабет Аполлония фон Бистром,
Аполлония фон Энгельгардт, Карл.
2-й ряд: Георг, Николай, Готгард, Александр.

- Тимрот Александр Иванович (1788-1848)
- ♀ фон Бистром Элизабет Аполлония (1808-1885)
  - Тимрот Николай Александрович (1826-1890)
  - Тимрот Готгард Александрович (1827-1880), см. таб. 6
  - ♀ фон Раден Ольга Каролина Мари Теодора (1828-1903)
  - Тимрот Фердинанд Генрих (1862-1863)
  - Тимрот Эмануэль Оскар Владимир Готгард (1863-1884)
  - Тимрот Александр Рейнгольд Карл (1865-1944), см. таб. 10
  - Тимрот Мария (1866-1875)
  - Тимрот Готгард Фердинанд (1868-1941), см. таб. 11
  - ♀ фон Оффенберг Александра Анна Лилли (1877-1948)
  - Тимрот Ольга Генриетта (1908-1998)
  - Тимрот Фридрих Георг (1910-1945)
  - Тимрот Александра Мета Генриета (1912-1993)
  - Тимрот Ольга (1869-1873)
  - Тимрот Леон Эмиль Отто Макс (1873-1943), таб. 12
  - Тимрот Егор Александрович (1831-1909), таб. 7
  - ♀ Кругликова Софья Павловна (1840-1916)
  - Тимрот Александр Егорович (1860-позже 1919), таб. 16
  - ♀ Муратова Мария Михайловна
  - Тимрот Георгий Александрович (около 1901-1937)
  - Тимрот Иван Егорович (около 1862-?)
  - Тимрот Сергей Егорович (1863-1915)
  - ♀ Темникова ? (?-1944)
  - Тимрот Михаил Сергеевич (1889-1956)
  - Тимрот Мария Сергеевна (1894-около 1942)
  - Тимрот Софья Егоровна (1867-?)
  - ♂ Свербеев Дмитрий ?
  - Свербеева Софья Дмитриевна (?-около 1955)
  - ♂ Шаховской Лев ? (?-1918)
  - ♂ Тимрот Дмитрий Львович (1902-1992), см. ниже
  - Тимрот Владимир Егорович (1872-около 1887)
  - Тимрот Инна Егоровна (1872-ранее 1925)
  - Тимрот Анна Егоровна (1876-около 1930)
  - ♂ Тимрот Александр Карлович (1867-1937), см. ниже
  - Тимрот Георг Александрович (1901-?)
  - Тимрот Елена Александровна (1904-1968)
  - ♂ Ушинкин Николай ? (1892-1948)

- Тимрот Лев /Леон/ Егорович (1877-1937), см. таб. 17
- ♀ Тимрот Елизавета Александровна (1872-?), см. ниже
  - Тимрот Дмитрий Львович (1902-1992), см. таб. 19
  - ♀ Кирш Нина Адольфовна
  - ♀ Сverbеева Софья Дмитриевна, см. выше
  - ♀ Тройницкая Елена Сергеевна (1913-1998), см. ниже
- Тимрот Дмитрий Егорович (1879-1946), см. таб. 18
- ♀ Смирнова Наталья Михайловна (1878-1948)
  - Тимрот Дмитрий Дмитриевич (1905-1984)
  - ♀ Касюина Таисия Алексеевна (1903-1953)
  - ♀ Касюина Александра Алексеевна (1914-1986)
  - Тимрот Софья Дмитриевна (1911-2002)
  - ♂ Ломтев Геннадий Григорьевич (1909-1933)
  - ♂ Афанасьев Алексей Иванович (?-1961)
  - Тимрот Георгий Дмитриевич (1914-1942)
  - Тимрот Александр Дмитриевич (1915-2005)
  - ♀ Толстая Софья Андреевна (1900-1957)
  - ♀ Бортник Татьяна Сергеевна (1922-1979)
- Тимрот Карл Август Рихард (1834-1895), см. таб. 8
- ♀ Нечай Александра ? (1839-1872)
  - Тимрот Елизавета Карловна (1866-1953)
  - Тимрот Александр Карлович (1867-1937), см. таб. 14
  - ♀ Тимрот Анна Егоровна (1876-1930), см. выше
  - ♀ Геймбиргер Вера Людвиговна (1851-1914)
  - Тимрот Георг Карл Людвиг (1887-1961), таб. 15
  - Тимрот Наталия Роза Фредерика (1892-1964)
- Тимрот Александр Александрович (1836-1899), см. таб. 9
- ♀ Трапезникова Екатерина Константиновна (1853-1907)
  - Тимрот Екатерина Александровна (1871-1957)
  - Тимрот Елизавета Александровна (1872-?)
  - ♂ Тимрот Лев Егорович (1877-1937), см. выше
  - Тимрот Варвара Александровна (1878-1942), см. таб. 13
  - ♂ Тройницкий Сергей Николаевич (1882-1946)
  - Тройницкая Наталья Сергеевна (1908-1957)
  - Тройницкая Елена Сергеевна (1913-1998)
  - ♂ Тимрот Дмитрий Львович (1902-1992), см. выше

Таблица № 6.

vi. Готгард / Григорий / Александрович Тимрот (Gotthard von Timroth). Родился 12.24.1827 в Ораниенбауме*. По окончании школы в Биркенруе (Курляндия) поступает на службу в Кексгольмский Императора Австрийского лейб-гвардии пехотный полк, затем служба в Семеновском лейб-гвардии полку, через три года продолжает службу в качестве адъютанта Сибирского генерал губернатора. В 1861 вступает в брак (в то время был адъютантом по особым поручениям). Позднее служит в качестве начальника канцелярии генерал губернаторов Остзейских провинций барона Ливена и князя Суворова, 1865 командир 100-го Островского артиллерийского полка, 1872 5-го Киевского гренадерского полка, бригадный генерал в Дубно, 1873 генерал-майор, 1876 назначен шефом военного губернаторства в Костроме. Умер в 30.12.1880 в Костроме, похоронен в Риге.

Жена баронесса Ольга Каролина Мари Теодора фон Раден (von Rahden) (1828-1903). Дети: Фердинанд Хайнрих (1862, умер в младенчестве); Эмануэль Оскар Владимир Готгард (1863, учился в Императорском Училище Правоведения, но не закончил); Александр (таб. 10); Мария (1869); Готгард (1868, таб. 11); Ольга (1869); Леон (1873, таб. 12).

Таблица № 7.

vi. Георг / Егор / Александрович Тимрот (04.12.1831—28.07.1908). Родился в Ораниенбауме. Окончил Императорский Александровский лицей в 1852 г. Чиновник во 2-ом отделении Собственной Его Величества канцелярии, титулярный советник. Коллежский асессор 1854, надворный советник 1856, награжден орденом

* С 1948 года Ломоносов – город в юго-западной части Санкт-Петербурга.

св. Станислава 2-й степени 1858, коллежский советник 1859, член правительства в мировых съездах 1861. Председатель ярославской губернской земской управы 1866. Присяжный поверенный в Самаре 1877. Владдел имениями в Самарской и Ярославской губерниях. В 1858 г. женился на дочери ярославского помещика Софье Павловне Кругликовой. Дети: Александр (1860, таб. 16), Иван, Сергей (1863), Софья (1867), Владимир (1872), Инна (1872), Анна (1876), Леон (1877, таб. 17), Дмитрий (1879, таб. 18). Умер и похоронен в Торопове Даниловского уезда Ярославской губернии.

Таблица № 8.

vi. Карл Август Рихард Тимрот (Carl August Richard von Timroth). Родился 3.01.1834 в Санкт-Петербурге. Крестный отец — Николай I (принимал от купели). Подпрапорщик в лейб-гвардии Семеновском полку 1852, подпоручик 1854, командирится в Императорскую академию (академия генерального штаба) 1855. Поручик 1855. Откомандирован в департамент генерального штаба в декабре 1857. Служит в штабе второго армейского корпуса с января

1858. Штабс-капитан после отличного окончания курсов Николаевской академии генерального штаба — январь 1858. Командир подразделения адъютантов генерального штаба второго армейского корпуса — май 1859. Дивизионный квартирмейстер резервной дивизии первого армейского корпуса февраль 1860. Подполковником получает повышение с назначением в военное министерство и поступает в распоряжение генерал квартирмейстера август 1862. Полковник апрель 1866. Командир 9-го Сибирского гренадерского полка февраль 1867. Начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии август 1872.

Адъютант начальника штаба финляндского военного округа с (перемещением) назначением в генеральный штаб май 1875. Генерал-майор апрель 1876. Командир 3-й отдельной бригады июль 1883. Генерал-лейтенант август 1886. Начальник штаба финляндского военного округа февраль 1887. Командир 27-й артиллерийской дивизии 1891. Командир 2-го армейского корпуса вильнюсского военного округа 1892. Командир 5-го армейского корпуса 1893. В военных действиях участия не принимал. Ордена: Св. Станислава 2 ст., 1863, св. Анны 2 ст. 1869, св. Владимира 4 ст. 1875, св. Станислава 1 ст. 1879, св. Анны 1 ст. 1882, св. Владимира 2 ст. 1885, Белого Орла 1889, Знак отличия за безупречную и непрерывную 40-летнюю службу в качестве офицера 1894. Умер в Варшаве 18.04.1895, похоронен в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Первый брак Александра Нечай (1839-1872). Дети: Елизавета (1866-1953), незамужняя; Александр (1867, таб. 14). Второй брак Вера Геймбиргер (1851-1914). Дети: Георг Карл Людвиг (1887, таб. 15), Наталия Роза Фредерика (1892).

Таблица № 9.

vi. Александр Александрович Тимрот (23.05.1836 28.2.1899). Окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, офицер Санктпетербургского гренадерского полка в 1854. Полковник 1873, начальник штаба третьей пехотной дивизии 1873-1878, затем в Генштабе до 1880 года. Генерал-майор.

В Иркутской геологической экспедиции познакомился с будущей супругой Екатериной Трапезниковой, дочерью сибирского золотодобытчика Константина Трапезникова. После рождения младшей дочери Екатерина Константиновна получила тяжелое нервное заболевание и была отправлена на лечение во Францию в клинику Шарко, где провела 20 лет. Дети: Екатерина (1871-1960), врач, в 1917 работала в Мариинской больнице для бедных (на Литейном). После революции переехала в Кисловодск, продолжала заниматься врачебной практикой. Незамужняя. Елизавета (1872—1958; замужем за Леоном Тимротом, таб. 17; разведена. Погребена в Москве в Донском монастыре). Варвара (1878, таб. 13).

Таблица № 10.

вн. Александр Рейнгольд Карл Лионель Тимрот (1865-1944), отец — Готгард Александрович Тимрот (таб. 6). Русское имя Александр Григорьевич. Окончил императорскую школу права в 1886. Служил в Правительствующем Сенате. Член Сибирского Комитета под руководством наследника Цесаревича Николая Александровича. С 1886 года служил в канцелярии Государственного Совета, с 1897 помощник статс-секретаря, с 1904

Репин И. Е. «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года». Деталь. А. Г. Тимрот в заднем ряду перед колонной.

работал статс-секретарем департамента промышленности, науки и торговли, 1906 законодательный департамент. В 1894 зачислен в балтийское рыцарство Курляндии. 1913 пожалован в гофмейстеры Двора Его Императорского Величества. Сенатор с 1914. В 1914-1916 гг. являлся Особо-уполномоченным Российского общества Красного Креста при 1-й, а затем 12-й армии. После революции работает в Польше уполномоченным Красного Креста в лагерях беженцев, передает там эту работу в 1921 году своему брату Леону (Льву Григорьевичу, см. таб. 12), а сам уезжает в Берлин. В 1923 переезжает в Ниццу. Жена Елена Туган-Барановская* в её втором браке. Детей не было. Умер в Ницце в 1944.

---

* В мемуарах протоиерея Бориса Старка «По страницам Синодика» содержится следующее упоминание об отпевании в храме в Сент-Женевьев-де-Буа: *Елена Тимрот † 26.09.1946 г.*

«...У меня были очень дружеские отношения с Людмилой Ивановной Любимовой (несмотря на большую разницу в годах). Муж Л. И. Любимовой был Виленским губернатором, и именно ее описал А. И. Куприн в своем известном рассказе «Гранатовый браслет» под именем Веры Николаевны Шеиной. Как-то она мне позвонила и сказала грустную весть: ее младшая сестра Елена Тимрот (по первому браку Нитте), тоже описанная в «Гранатовом браслете» под именем Анны Николаевны Фриессе, покончила с собой, и т. к. жила она в провинции, то Людмила Ивановна просит меня приехать с ней в это провинциальное местечко и привезти тело ее сестры на наше кладбище, чтобы отпеть ее в нашем храме. Я не знаю, что было поводом для этой, уже немолодой, здравомыслящей женщины, чтобы кончать свою жизнь таким образом, но думаю, что тут могла иметь значение война и дети усопшей, которые, кажется, были в английских войсках. Но, может быть, я и ошибаюсь в этом...»

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. 1994, с. 661. (*Прим. Ред.*)

Таблица № 11.

вн. Готгард Фердинанд Эмерих Альберт фон Тимрот (Gotthard Ferdinand Emmereich Albert von Timroth), отец — Готгард Александрович Тимрот (таб. 6). Родился 08.02.1868. Русское имя Григорий Григорьевич. Выпускник Пажеского Его Императорского Величества корпуса, служил в 1888-1914 в Лейб-гвардии Семеновском полку. В составе этого полка уходит на первую мировую войну. Командир 92-го Печорского пехотного полка, входящего в бригаду 34-й пехотной дивизии 1914-1915. Руководил 92 полком во время Кав-

казской операции 1915 года. При переходе через Карпаты он постоянно находился вместе с солдатами, деля с ними все невзгоды походной жизни, в результате чего схватил сильнейший плеврит, и 2 апреля 1915 года, будучи «не в состоянии более противиться лихорадке и мучавшему его кашлю, по настоянию врачей уехал в дивизионный лазарет» на лечение, где находился до июня месяца. Затем командир бригады 34 дивизии. Генерал-майор. С 12.04.1917 командующий 15-й пехотной дивизией. Перед революцией ему предложено возглавить армейский корпус, но он отказывается, а во время вспыхнувшей революции уходит в отставку по болезни. В 1894 занесен в Балтийское рыцарство Курляндии. В чине полковника награжден Георгиевским оружием (13.02.1915). Приказом по армии и флоту от 08.10.1917 генерал-майор, командующий 15-й пехотной дивизией фон-Тимрот Готгард Готгардович был награжден орденом Святого Георгия 4 степени. По решению солдатской наградной Георгиевской Думы Готгард Готгардович был награжден солдатским Георгиевским крестом

4 степени, носившийся с лавровой веткой на ленте. Кавалер румынского ордена Михаила «За храбрость».

В августе 1918 с балтийскими беженцами уезжает в Курляндию (в то время находящуюся под немецким управлением) вместе со своей семьей, вступает там добровольцем в войска балтийского ландесвера (войска национальной обороны). Начальник штаба под командованием Р. фон Гольца, одновременно командир всех вольных корпусов в Курляндии. По причине принципиальных разногласий с немецким командованием не захотел дальнейшей совместной работы. В 1919 году вместе с последними немецкими солдатами уходит из Митавы*, где он был городским комендантом, в Волув† в восточной Пруссии и остается в Германии. Умер 2.11.1941 в Дрездене, похоронен на гарнизонном кладбище (сейчас Северное кладбище – Nordfriedhof).

Жена: Александра Анна Лилли баронесса фон Оффенберг из дома Строкен (Курляндия). Дети: Ольга Генриетта Элизабет Александра Женни София (1908-1998), Фридрих Георг (1910-1945), Александра Мета Генриета (1912-1993).

Таблица № 12.

ви. Леон Эмиль Отто Макс фон Тимрот (Léon Emil Otto Max von Timroth, из таб. 6). Родился в 04.07.1873 в Седльце (Польша), русское имя Лев Григорьевич. Образование получил в Пажеском Его Императорского Величества корпусе (1894; камер-паж с 12.10.1893). В службу вступил 01.09.1892. Зачислен в Балтийское рыцарство Курляндии 09.03.1894. Из корпуса выпущен

* Митава (нем. Mitau) в 1561-1795 была столицей Курляндского герцогства, позднее (1796-1920) Курляндской губернии России. Сейчас Елгава, город в Латвии.

† Волув (Wołów, нем. Wohlau) – город на юго-западе Польши.

подпоручиком (08.08.1894) в лейб-гвардии Семеновский полк. Поручик 1898. Окончил Николаевскую академию генерального штаба (по 1-му разряду; к генеральному штабу причислен не был). Штабс-капитан 1902. Капитан 1906. Полковник 1908. Командир батальона лейб-гвардии Семеновского полка. Участник мировой войны. В 1915 тяжело ранен под Праснышем в Польше. Генерал-майор. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (29.05.1915). В 1919-1920 работал в Польше представителем Красного Креста. Не был женат. Умер 01.02.1943 в Бромберге, Германия.

Таблица № 13.

вii. Варвара Александровна Тимрот (22.02.1878-1942), отец Александр Александрович Тимрот (таб. 9). В 1907 вышла замуж за Сергея Николаевича Тройницкого (генеалого, директора Эрмитажа). Разведена в 1916. Служащая Госплана Дагестана 1932. Работник дагестанского музея. Лаборантка дагестанского медицинского института. Пропала без вести в начале 1942 во время поездки в Кисловодск.

Дети: Наталья (1908-1973), окончила Московский педагогический институт, замужем за Перерва.

Елена Сергеевна Тройницкая (1913-1998). После революции некоторое время жила с матерью и сестрой в Кисловодске. Окончила Ленинградский Педагогический институт. С 1935 замужем за Дмитрием Львовичем Тимротом (см. таб. 19). В 1937 поступает в Московский архитектурный институт. 1941 присвоена квалификация архитектора. В 1942 работает в Кемерово инженером строителем. С сентября 1942 в Москве, аспирант московского строительного института, 1947 кандидат технических наук.

Таблица № 14.

ви. Александр Карлович Тимрот (1867-1937) отец — Карл Август Рихард Тимрот (таб. 8). Родился 15 марта в Елизаветграде*. Обучался в русской гимназии в Гельсингфорсе, поступил в морское училище в 1882. Мичман в 1887. Участвовал в плавании в качестве вахтенного офицера на фрегате «Владимир Мономах» с находившимся на борту престолонаследником (впоследствии Николаем II). Плавание из Средиземного моря на дальний Восток и Японию 1889-1891. Лейтенант 1894. Адьютант генерал-губернатора в Иркутске. Штабс-капитан пехоты 1894, капитан 1897. Участие в строительстве Транссибирской железной дороги. Вышел в отставку в звании подполковника в 1906. Директор товарищества торговых судовых перевозок в Одессе 1900. Директор Северного товарищества судовых перевозок в С.-Петербурге 1906. Действительный Статский советник 1910. 1916-1917 экспедитор перевозок из Архангельска в С.-Петербург (ввоз английского угля для армии). После революции эмигрирует через Финляндию в Болгарию. Там в течение 15 лет работает директором филиала компании «Watson & Levell» по импорту угля. Жена Анна Егоровна Тимрот (из таб. 7). Разошлись после революции. Дети: Георг (1901 г.р.; с 1918 в США), Елена (1904 г.р.; супруг Николай Ушинкин, офицер).

Таблица № 15.

ви. Георг Карл Людвиг фон Тимрот (Georg Karl Ludvig von Timroth), отец — Карл Август Рихард (таб. 8). Родился в Гельсингфорсе 5.8.1887. Окончил школу в Каннштате около Штутгарта. Диплом инженера Технического университета Штутгарта 1909. Инженер-строитель в Штутгарте (1909-1910), Гамбурге (1911), Вроцлаве (1911-1912), старший инженер «Lolat-Eisenbet-

* сейчас Кировоград, Украина.

on-Breslau AG» в России (конструирование железнодорожных зданий в Киеве) 1912-1914, старший инженер строительной фирмы «Lorenz & Co.» в С.-Петербурге 1915-1916. Директор отделения мостостроительства с головным офисом в С.-Петербурге 1916-1918, контроль проектов железных дорог, представленных местными Советами с 1918 по 1919 год. Впоследствии собственные проектные и консультационные фирмы в Финляндии. Умер 14.4.1961 в Хельсинки. Венчался в С.-Петербурге в 1915 с Маргарет Геймбиргер (1888-1978; учитель, преподавала в Лейпциге, 1911-1915 учитель немецкого в С.-Петербурге). Дети: **Михаил Генрих (1916)***, Ирен Доротея (1927, агроном, бакалавр Университета Хельсинки).

Таблица № 16.

вii. Александр Егорович Тимрот (1860—после 1919). Родился в Ярославле. Окончил факультет права Московского университета в 1883. Чиновник по особым поручениям при Самарской управе 1886, коллежский ассессор 1887. Прокурор окружного суда 1891. Председатель Саратовского окружного суда 1906. Кавалер орденов Св. Анны (3 и 2 ст.), Св. Станислава, Св. Владимира (4 и 3 ст). После революции был арестован в качестве заложника. В 1919 был выпущен по амнистии и поступил на советскую службу. Жена Муратова Мария Михайловна. Сын Тимрот Георгий Александрович (1901-1937) был репрессирован (расстрелян).

Таблица № 17.

вii. Леон /Лев/ Егорович Тимрот (06.05.1877—1937). Отец — Егор Александрович, таб. 7. Был репрессирован (погиб в лагере). Жена Элизабет фон Тимрот (из таб. 9), развелись. Сын Дмитрий (см. таб. 19).

* Автор «Тимротианы».

Таблица № 18.

vii. Дмитрий Егорович Тимрот (из таб. 7). Родился 10.10.1879 в Самаре. Окончил юридический факультет Харьковского университета. После окончания университета служил в Фанагорийском гренадерском полку в Ярославле. Вышел в отставку в звании прапорщика в 1905. Земский начальник Любимского уезда, губернский секретарь Даниловского уезда 1906. Непременный член землеустроительной комиссии

1909. Председатель Даниловской земской управы 1910. Председатель Ярославской губернской земской управы 1912-1917. Награжден орденом св. Анны 3-й ст. Титулярный советник. После революции народный судья даниловского бюро юстиции. Последнее место работы бухгалтер на сыроваренном заводе в с. Торопове. Женился в Торопове в 1905, жена Наталья Смирнова, дочь священника Михаила Матвеевича Смирнова и его жены Веры Ивановны Чистяковой. Дети: Дмитрий, Софья, Георгий, Александр (см. таб. 20-23). Умер и похоронен в Торопове в 1946.

Таблица № 19.

viii. Дмитрий Львович Тимрот (отец Леон Егорович Тимрот, таб. 17). Родился в 1902 году в Москве. В 1924 году окончил Грозненский нефтяной институт, работал в Грозном в нефтедобывающей промышленности. Переехал в Москву на работу во Всесоюзный теплотехнический институт и прошел там путь от лаборанта до заведующего лабораторией. В 1954 перешел на работу в Московский энергетический институт на кафедру теплофизики профессором, где и проработал до конца своей жизни. Работая в 30-40-х

годах во Всесоюзном теплотехническом институте, а позднее в Московском энергетическом институте, Д. Л. Тимрот создал отечественную школу экспериментальной теплофизики. Доктор технических наук, лауреат Госу. премии и премии АН СССР им. И. И. Ползунова. Умер в Москве в 1992 году. 1-й брак Кириш Нина Адольфовна (дочь Елена 1925 г.р. в замужестве Лаврова). 2-й брак Свербеева Софья Дмитриевна. 3-й брак Тройницкая Елена Сергеевна (из таб. 13), сын Георгий (1943-1993).

Таблицы № 20—23.

viii. Дмитрий Дмитриевич Тимрот (1905-1984). Родился в Торопове, окончил Даниловский педагогический техникум, работал учителем, завучем, директором сельских школ Яр. обл. В 1942-1943 служил радиотелеграфистом*, уволен по ранению. С 1946 учитель в школах г. Ярославля. 1-й брак Таисия Касюина (1903-1953), дети Зоя (1934), Евгения (1942), Георгий (1944). 2-й брак Александра Касюина (1914-1986), сын Сергей.

viii. Софья Дмитриевна Тимрот (1911-2002). †

viii. Георгий Дмитриевич Тимрот (1914-1942). Родился в Торопове. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта в июле 1941. После учебы в Военной академии в 1942 ушел на фронт командиром саперного взвода. В июле 1942 был ранен, попал в плен. Погиб в концентрационном лагере в декабре 1942, отказавшись от сотрудничества с фашистами.

viii. Александр Дмитриевич Тимрот (1915-2005). Родился в Торопове, окончил Ярославский педагогический институт. Служил в войсковой разведке с начала до окончания войны. Был ранен. После войны директор музея Л. Н. Толстого в Ясной поляне, затем директор гос. литературного музея в Москве. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1 и 2 ст. Засл. работник культуры. 1-й брак Софья Андреевна Толстая (1900-1957). 2-й брак Бортник Татьяна Сергеевна (1922-1979), дети Дмитрий (1956) и Владимир (1963).

---

* см. воспоминания Д. Д. Тимрота о войне на стр. 102.

† см. биографию Софьи Дмитриевны на стр. 121.

Дополнение к таблице 5.

Источник: Русский биографический словарь. А. А. Половцов, 1896-1918., т. 26, стр. 556.

Тимротъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ Эстляндской губерніи, родился въ 1790 г.; службу началъ въ 1805 г. подпрапорщикомъ въ гренадерскомъ Короля Прусскаго полку, гдѣ произведенъ въ 1807 г. въ прапорщики и оставался до 1821 г., когда въ чинѣ подполковника (съ 1819 г.) былъ переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ полковники. Какъ выдающійся офицеръ Т. обратилъ на себя вниманіе Императора Николая I, былъ пожалованъ въ 1829 г. во флигель-адъютанты и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ Образцоваго пѣхотнаго полка; черезъ ¼ года Императоръ Николай I отличилъ Т., назначивъ его командиромъ любимаго государемъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ 1830 г. Т. былъ назначенъ окружнымъ генераломъ 2-го округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, въ 1842 г. состоящимъ для особыхъ порученій при корпусѣ внутренней стражи — въ 1847 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Скончался 20 января 1848 г. Съ гренадерскимъ Короля Прусскаго полкомъ Т. принялъ участіе въ дѣломъ радѣ дѣлъ и сраженій во время войнъ 1805—1807 гг. съ Наполеономъ, при оборонѣ побережья Балтійскаго моря во время Шведской войны 1803—1809 г. Отечественной, а также коалиціонныхъ 1813 и 1814 годовъ; 1805 г.—съ 16 по 19 сентября въ десантномъ корпусе на Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ въ отрядѣ сухопутныхъ войскъ въ Шведской Помераніи, Мекленбургъ-Швернской и Стрѣлецкой областяхъ; 1806 г. — съ 20 октября по 12 декабря въ Пруссіи; 14 декабря при отступленіи отъ мѣстечка Насльдека; 1807 г. 22 января подъ Пултускомъ; при д. Инковѣ; 25 января при отступленіи отъ Ламберга; 26 и 27 января подъ Прейспшъ-Эйлау; 29 мая при Гейльсбергѣ, 2 іюня при Фридландѣ, причемъ раненъ пулями въ обѣ руки; 1808 г. — съ 14 августа по 16 сентября при блокадѣ Балтійскаго порта и при оборонѣ береговыхъ укрѣпленій; 1812 г.— 13 и 14 іюля подъ Витебскомъ, 6 августа подъ Смоленскомъ, 26 августа при Бородинѣ, причемъ награжденъ золотой шпагой съ надписью «За храбрость», 6 октября при с. Спасскомъ, 12 октября подъ Малоарославцемъ, 5 и 6 ноября подъ Краснымъ; 1813 г. — 20 апрѣля при Люценѣ, 7 мая

при Бауценѣ, 15 и 16 августа подъ Дрезденомъ, 18 августа подъ Кульмомъ, 4, 5 и 6 октября въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ; 1814 г. — при блокадѣ крѣпости Бельфуртъ (съ 28 декабря 1813 по 4 января 1814 г.), 20 января подъ Бриеномъ, 8 марта при Арсенѣ и 18 марта при взятіи Парижа.

Въ аттестаціи Т., данной командиромъ корпуса генераломъ Гартонгомъ, было сказано: «Отчеты по должности, какіе имѣлъ въ теченіе службы, въ срокъ представлялъ. Жалобамъ не подвергался. Слабымъ въ отправленіи обязанностей службы замѣченъ не былъ и никакихъ безпорядковъ и неисправностей между подчиненными не допускалъ. Обличаемъ и оглашаемъ не былъ». Отъ брака съ дочерью Курляндскаго оберъ-гауптмана барона фонъ Бистрома, Елизаветой Григорьевой, имѣлъ пять сыновей, причѣмъ Карла, родившагося въ бытность Т. командиромъ Измайловскаго полка, воспринималъ отъ купели Императоръ Николай I.

Формуляръ въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба. Дѣло 3-го стола 3-го отдѣленія Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства за 1848 годъ № 79, связка 290.

Могилы Александра Ивановича Тимрота на Волковомъ кладбище в Санкт-Петербургѣ.

ТИМРОТЫ В САМАРЕ

Сысоева Елена Александровна,
к. арх., СГАСУ, Самара.

В 1864 году в России был введён суд присяжных. Адвокатура стала престижной и высокооплачиваемой сферой деятельности. Среди первых самарских присяжных поверенных был Егор Александрович Тимрот.

Егор Александрович родился в 1831 году. Его отец, Александр Иванович Тимрот, был из дворян Эстляндской губернии (самой северной из трёх губерний Прибалтийского края Российской империи). Окончил Александровский лицей, в 1852 году поступил на службу во 2-й отдел Его Императорского Величества Канцелярии с чином титулярного советника. За отличие произведён в коллежские ассессоры, в 1855 году назначен младшим чином, в 1856 году назначен надворным советником, в 1858 году награждён орденом Св. Станислава 2-й степени, в 1859 году ему пожалован чин коллежского советника. Также он был членом от правительства при мировых съездах Ярославской губернии. 25 мая 1862 года внесён во вторую часть Ярославской дворянской родословной книги.

25 ноября 1870 года состоялось торжественное открытие самарского окружного суда. В первую коллегия присяжных поверенных входило десять человек, в том числе и Егор Александрович Тимрот. В «Списке присяжных поверенных при самарском окружном суде» первым назван действительный статский советник Е. А. Тимрот.

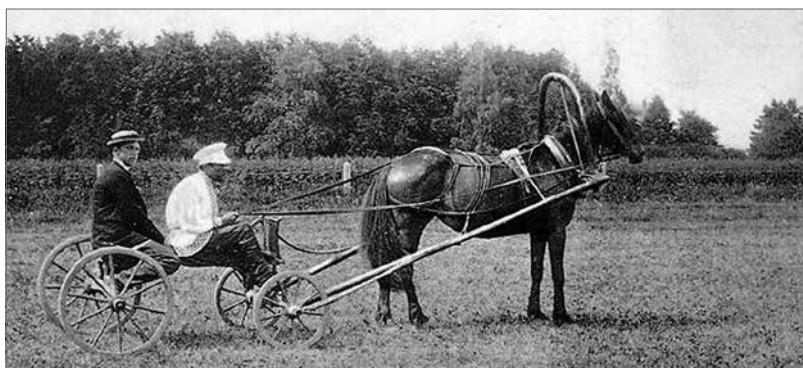
Е. А. Тимрот был не только талантливым адвокатом, но и известным в Самаре общественным деятелем. В 70-е годы он был активным гласным городской Думы, принимал участие в подготовке докладов городской Управы. В декабре 1878 года обосновал необходимость перевода города Самары в высший разряд местностей по размеру квартирных окладов. В 1878 году состоялись выборы мировых судей на последующее трёхлетие. Уездный предводитель дворянства Н. А. Толстой по согласованию с самарским городским головой Е. Т. Кожевниковым составили «Список лицам города Самары и Самарского уезда, имеющим право быть избранным в мировые судьи». В этом списке был и действительный статский советник, мировой судья Е. А. Тимрот.

В январе 1879 года, по итогам обсуждения на заседании городской Думы «О мерах к ограждению здоровья жителей г. Самары от чумы», была создана санитарная комиссия, в состав которой вошёл и Е. А. Тимрот.

В 1871 году были изданы правила по продаже казённых земель без торгов. Покупать имели право отставные

чиновники (от ста до пятисот десятин), служащие чиновники (от пятисот до двух тысяч десятин). Несколько земельных участков в Самарской губернии приобрел и Е. А. Тимрот. В «Списках землевладельцев по Николаевскому уезду за 1883 год» написано, что Тимрот имеет в селе Пестравском Выселке Августовской волости два участка в 1977 и 60 десятин земли (для сравнения: действительный статский советник, впоследствии городской голова П. В. Алабин при селе Пестравском Выселке имел 1973 десятины). По статистическим сведениям по Николаевскому уезду за 1899 год даются сведения и по Августовской волости по хутору Тимрот, в котором имелось 125 лошадей, третьяков — 80, жеребят — 75, волов рабочих — 92, коров — 48, полуторников — 40, овец — 350, свиней — 6; строений жилых — домовых 4, деревянные, 6 косилок, 2 конных граблей. Тимрот арендовал земли в Бузулукском уезде. Во втором томе Адрес-Календаря «Вся Россия» 1899 года отмечается, что хутор «Тимрот» Николаевского уезда расположен от губернского города в 118 верстах.

Егор Александрович Тимрот был знаком с Львом Николаевичем Толстым, который летом 1871 года второй раз приехал в самарские края, в Каралык, на кумысолечение. Первое упоминание о Тимроте в письмах Толстого к жене Софье Андреевне: «Вчера я ездил к будущему соседу — Тимрот, лицеист, с женой и 5 детей. И не могу тебе сказать, с каким удовольствием и грустью немного я видел чайный стол, дети. Один в коклюше, няни. Одним словом, Европа. Домик маленький, стоит всего 600 рублей, посаженный садик, тени никакой, но степной воздух, купанье, кумыс, верховая езда. То же бы и у нас. Местность этой земли — гористая...». В следующем письме Толстого жене сообщалось: «От Тимротов поехали со мной верхом m-me Тимрот и молодой лицеист, кончивший курс, Бистром. У Тимрот иноходец, — и я первый раз видел даму на настоящем иноходце. Шибко скакать надо, чтобы не отставать... нынче мы с Бистромом к дальним башкирам и на охоту». В письме говорилось о молодом бароне Николае Родриговиче Бистроме, двоюродном брате Егора Александровича Тимрота, сыне брата его матери генерал-лейтенанта Родрига Григорьевича Бистрома.

Окрестности Самары. Кумысолечебница Нестора Васильевича Постникова.

В сентябре 1871 года при посредничестве Е. А. Тимрота Л. Н. Толстой покупает у Николая Павловича Тучкова, сына московского генерал-губернатора, 2500 десятин земли на Сухом Тананыке. Хутор Толстого на Сухом Тананыке находился недалеко от имения Тимрота, который присматривал за хозяйством писателя.

Летом 1872 года Л. Н. Толстой снова побывал на Тананыке. Он прибыл в Самару на параходе, остановился у Егора Александровича. Отсюда он писал Софье Андреевне: «Пишу тебе от Тимрота. Ехал на параходе прекрасно... Тимрот живёт на даче с семейством, и мы нынче же с ним едем на Тананык. Там и дом и всё готово и лошади...»

В 1872, 1873 и 1874 годы на самарский адрес Тимрота Л. Н. Толстому приходила, корреспонденция.

Сын писателя Сергей Львович Толстой в своих «Очерках былого» неоднократно вспоминает о поездках с Львом Николаевичем в Поволжье. «Наш дом на хуторе на Сухом Тананыке был вроде крестьянской избы». «Русские деревни, соседние с нами, были Гавриловка в семи верстах, Петровка, Патровка в девяти верстах и Землянки-Алексеевка - в восемнадцати верстах». Сергей Львович Толстой в своих «Очерках былого», рассказывая о пребывании на хуторе на Тананыке в 1875 году: «В конце лета отец оповестил башкир, живших в Каралыке, Кменке и даже Иргизе, а также жителей ближайших русских сёл, что 6 августа в его имении будут устроены скачки на пятьдесят вёрст... Перед скачками отец предложил всем желающим бороться и тянуться на палке. Начали состязание я и мой сверстник, сын соседнего арендатора, Тимрот. Он меня поборо, что меня жестоко огорчило. На палке тянутся так: борющиеся садятся друг против друга, смыкаются подошвами, берут оба руками за палку и стараются поднять друг друга».

Скорее всего в воспоминаниях С. Л. Толстого речь идёт именно о старшем сыне Егора Александровича, Александре. Александр родился в 1860 году. Успешно окончив самарскую мужскую гимназию, в августе 1878 года он поступил в Московский университет, «где при очень хорошем поведении окончил курс по юридическому факультету, за оказанные

отличные успехи университетским Советом 10 декабря 1883 года утверждён в степени кандидата». В областном архиве имеется дело «о зачислении кандидата прав Александра Егоровича Тимрота помощником присяжного поверенного». 3 декабря 1884 года общее собрание Окружного суда постановило: «Донесение присяжного поверенного Тимрота о приёме кандидата прав А. Е. Тимрота помощником присяжного поверенного принять к сведению». 2 апреля 1885 года Александр Тимрот подал прошение в Окружной суд о зачислении его в помощники присяжного поверенного на право ведения чужих дел. 17 апреля ему было выдано свидетельство, подписанное председателем Окружного суда В. И. Анненковым, о разрешении А. Е. Тимроту ходатайствовать по чужим судебным делам. Александр был помощником присяжного поверенного несколько лет, затем служил в Прокурорском надзоре Саратовской судебной палаты, был товарищем прокурора, действительного статского советника А. А. Макарова. В Саратове жил на Сергиевской улице, д. № 56. В 1890 году А. Е. Тимрот подал прошение в Самарское губернское дворянское депутатское собрание о причислении его к роду действительного статского советника Е. А. Тимрота. 5 декабря состоялось постановление дворянского депутатского собрания о причислении Александра Тимрота к роду Егора Александровича Тимрота и внесении его фамилии в Самарскую родословную книгу.

В Петербургском Адрес-Календаре за 1893 год имеется запись: «Александр Григорьевич Тимрот. Правительствующий Сенат, департамент первый, обер-секретарь, прокурорский надзор». Там же имеются сведения и о его дяде Карле Александровиче Тимроте, крестнике Николая I: «5-й армейский корпус (штаб Варшава). Командир корпуса, генерал-лейтенант».

В адресной и справочной книге «Весь Петербург» за 1897 годуказывается: «Тимрот Александр Григорьевич, надворный советник. Кирочная 3. Канцелярия Комитета Министров». В этой справочной книге имеются сведения о его младшем брате Сергее, поручике Семёновского полка, а также об их дяде Александре Александровиче Тимроте, отставном

генерал-майоре, проживающем на Лиговской улице в доме № 47, и его дочери Елизавете Александровне Тимрот, проживающей там же.

Бывший поручик Семёновского полка Сергей Егорович Тимрот, уйдя в отставку, был делопроизводителем самарского удельного округа министерства императорского двора и уделов, надворным советником.

Егор Александрович Тимрот оказал содействие Толстому в приобретении второго имения в Самарской губернии. Землю продавал Бистром Родриг Григорьевич, родной брат матери Тимрота, Елизаветы Григорьевны. 12 апреля 1878 года самарский старший нотариус утвердил купчую крепость на приобретение Л. Н. Толстым в Бузулукском уезде у барона Р. Г. Бистрома землю в количестве 4022 десятины 509 сажен за 42000 рублей. Летом того же года Толстые обживали новое имение. С. Л. Толстой вспоминал: «На этот раз мы поселились не на Сухом Тананыке, а на хуторе во вновь купленном имении на истоке реки Мочи... Хутор стоял на берегу грязного пруда, обсаженного ветлами, но характер местности был такой же».

Егор Александрович Тимрот, поверенный в поволжских делах Л. Н. Толстого, помогавший писателю в приобретении плодородных земель в самарских степях, в начале XX века, когда ему было уже за семьдесят лет, адвокатурой не занимался, но активно участвовал в различных самарских обществах и комиссиях. В Адрес-Календаре и Памятной книжке на 1900 год зафиксировано, что действительный статский советник Е. А. Тимрот является почётным членом Самарского общества охотников конного бега, президентом которого был губернатор А. С. Брянчиков. Уже в 90-х годах прошлого века в Самаре были коннозаводчики, державшие рысистых лошадей. В главном управлении государственного коннозаводства были записаны все владельцы собственных конюшен, занимавшиеся рысистым коннозаводством. «Самарская газета» постоянно печатала объявления о продаже рысистых лошадей, указывая городские адреса владельцев и местонахождение конного завода. В первом номере газеты за 1891 год есть объявление: «Привезены для продажи четыре рысистых жеребца Е. А. Тимрот, по Вознесенской ул.». 14 мая 1890 года

главноуправляющий государственным коннозаводством граф Воронцов-Дашков по соглашению с министерством внутренних дел разрешил учреждение и утвердил устав Самарского общества охотников конского бега.

Егор Александрович Тимрот проживал во второй части города в 42 квартале по Вознесенской улице, в доме № 82 (ул. Степана Разина, д. 92), о чём свидетельствует «Календарь Самарской губернии» за 1873 год, а также последующие календари. Здание, ныне значащееся по адресу г. Самара, ул. Ст. Разина, 92, было построено в 1871-1872 гг. Согласно проекту, подписанному городским архитектором Островским, строение возведено в 42 квартале г. Самары на пустующем участке, имеющим 12 саж. в ширину (вдоль ул. Вознесенской) и 30 — в длину. «Деревянный на каменном полуэтаже (жилом) дом» имел 8,5 саж. по фасаду (вдоль Вознесенской) и 4 саж. — в глубь двора. Первоначально он числился за его супругой

*Самара, ул. Степана Разина (бывшая Вознесенская), 92.
Фото 2010 г.*

Софьей Павловной Тимрот, а с 1879 г. его хозяином значится он сам, действительный статский советник Тимрот Егор Александрович.

В 1880-1881 гг. к зданию, с усадебной стороны, был сделан пристрой 8,5 × 8 саж., после чего площадь, занимаемая жилой постройкой увеличилась до 102 кв. м (8,5 × 12 саж.). К 1884 г. на усадебном месте, по Вознесенской, 84 появляются служебные постройки: каменные конюшня, каретник и каменная же дворницкая размером 8 × 5 аршин. Все строения сдавались хозяином в наём.

С 28 октября 1902 года дом и служебные постройки Егора Александровича Тимрота переходят к его сыну — потомственному дворянину Тимроту Льву Егоровичу*. А с 16 октября 1906 года — Тимрот Екатерине Константиновне. С 29 марта 1908 года совладелецами построек становятся ее дочери Тимрот Елизавета Александровна, Екатерина Александровна и Тройницкая Варвара Александровна. С 17 ноября 1910 года усадьба по Вознесенской, 92 (ранее 84) переходит в руки жены Льва Егоровича Елизавете Александровне Тимрот, а от последней — в собственность бузулукской мещанки Агеевой Анны Васильевны (3 февраля 1911 года).

В 1916-1917 гг. фасад здания был перестроен: он стал полностью каменным, изменился его внешний вид, а ширина увеличилась до 20 метров. К 1 января 1919 года усадьба по Вознесенской, 92, вместе с находящимися на ней строениями, была муниципализирована.

Ещё одна городская усадьба Тимротов находилась на ул. Самарской. В 1899 году архитектором Ф. П. Засухиным был запроектирован во второй части города по ул. Самарской (ул. Самарская, 165) деревянный особняк для жены надворного советника Марии Михайловны Тимрот [3]. Проектом предусматривалась постройка двухэтажного деревянного дома, центральная часть которого в плане была близка к квадрату, с пристроем со стороны двора чёрной лестницы и одноэтажных каменных служб. Деревянная постройка была обшита тёсом

---

* См. подробнее о родственных связях Тимротов в статье «Тимротiana», стр. 72 (прим. редактора).

15 ЯНВ 1900 55

В Самарскую Городскую
Управу

№ 0. 114

Телегр. 02333

Къ разрешенію плана прѣдложеннаго
Городской Архитекторомъ

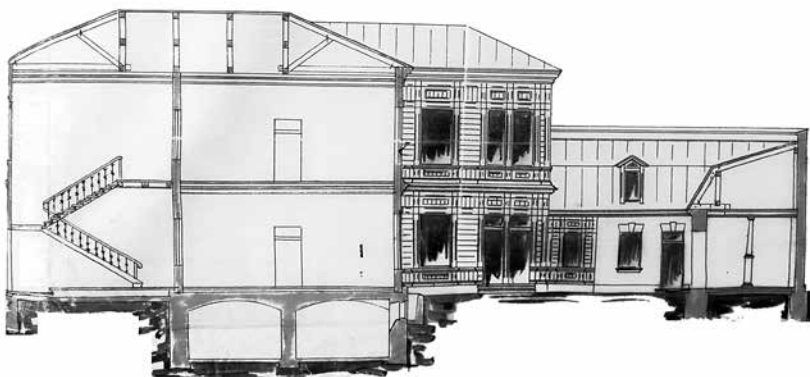
Домовладѣльца ела
Михайловна
Михайлова,

Кременіт.

Представляя при семъ
планъ, составленный архи-
текторомъ Заслуженнымъ
и котораго въ него, на предла-
гаемый мною въ текущемъ
году къ постройкѣ фрешиаго
фрешаго съ надворнымъ
постройками на принад-
лежащемъ мнѣ въ г. Самарѣ
по Самарской улицѣ, въ
въ кварталѣ оворовой мѣ-
стѣ по № 163, мнѣ бы проситъ
Городскую Управу
составленный планъ утвер-
дить къ постройкѣ и при-
лагаемой планъ съ надле-
жащимъ надобно воздвигнуть
мнѣ. — января 12 дня 1900.

Марія Михайловна Михайлова,

Слева и сверху: проект деревянного 2-х этажного дома на Самарской улице (автор Ф. П. Засухин). Внизу: городская усадьба Тимротов (Самарская, 165), фото 2002 года.

с разделкой стен «под фахверк». В угловой части здания был сделан прямоугольный эркер, завершённый шатровой башней со шпилем, башней завершается боковой ризалит главного входа. По планировке здание представляло собой традиционный тип купеческого особняка конца XIX века. Первый и второй этажи здания практически идентичны. Капитальные стены делят здание на три основных блока. Первый блок с парадной лестницей, кабинетом и залом был ориентирован на улицу. Второй блок со столовой, спальней и детской был обращён окнами на боковой фасад и во двор. Наконец в третьем блоке располагались чёрная лестница, кухня, ванна, чулан и комната прислуги, из этих помещений только кухня и лестница имели естественное освещение. По планировке здание представляло собой смешанный коридорно-анфиладный тип. Характерной особенностью многих городских усадеб было сочетание главного деревянного дома и кирпичных служб. К основному двухэтажному дому Тимротов со стороны двора примыкали кирпичные конюшни, каретник, дровяники и прачечная. Ранее в 1898 году предположительно Ф. П. Засухиным был запроектирован двухэтажный деревянный дом жены статского советника Л. П. Павловой в квартале № 62 по ул. Садовой (ул. Садовая, 94). Здание по планировке и декоративной отделке фасадов практически идентично дому Тимрот, но в отличие от последнего, расположено в глубине владельческого участка.

Список использованной литературы:

1. Душкина, Н. Понятие «подлинности» и архитектурное наследие // Самара: Наследие под угрозой / «Издательский дом «Агни». — Самара, 2009. — с. 164-169.
2. Поддубная, Р. П. Из сокровищ Самарского архива. - История в лицах / Р. П. Поддубная. — Самара, 2005. — 236 с.
3. Сысоева, Е. А. Особенности деревянной архитектуры Самары конца XIX — начала XX веков. Диссертация на соискание учёной степени кандидата архитектуры / Е. А. Сысоева. — Нижний Новгород, 2009. — 160 с.
4. Сысоева, Е. А. Градостроительные предпосылки и особенности

развития деревянной застройки Самары конца XIX – начала XX вв.
// Вестник Томского государственного архитектурно-строительного
университета: № 4. – Томск: 2008. – с. 58-69

5. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. (юбилейное), т. 83

6. ГУСО «ЦГАСО» Ф 153 Оп 38 Д 672. Дело Самарской Город-
ской Управы о разрешении новых построек жителям г. Самары за
июнь 1899 г.

7. ГУСО «ЦГАСО» Ф 153 Оп 38 Д 686. Дело Самарской Город-
ской Управы о разрешении новых построек жителям г. Самары за
январь 1900 г.

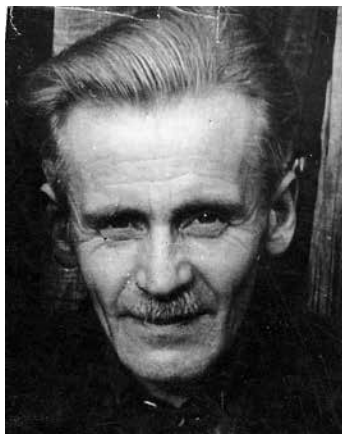
8. ГУСО «ЦГАСО» Ф153 Оп 1 Д 579, 581, 585, 588, 627, 630,
690, 701, 726, 733, 750, 931.

Вместо реставрации памятников деревянного зодчества создаются архитектурные муляжи. На стр. 99 приводится фотография дома Тимротов (Самарская, 165) перед сносом. Здание было снесено, на его месте построена многоэтажка, а фасад деревянного дома возведён из бетонных блоков и обшит вагонкой (фрагмент здания с плоской кровлей на фоне многоэтажки).

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ТИМРОТ

В 1926 г. я закончил Даниловский педагогический техникум и поехал работать учителем в деревню Осветино Наже-ровской волости Ростовского уезда. Как я работал, трудно сказать. Школа в эти годы была на распутье: метод проектов, Дальтон план, программы ГУСа, метод целых слов и т.д. Это всё были поиски новых путей обучения. Техникум мало чему научил в области педагогики, но зато мы все были включены в политическую и общественную жизнь страны: выезды со спектаклями, лекциями в деревню. Лекции в доме крестьянина, кроме того, жаркие споры на политические темы в прокурорных аудиториях. Как сейчас помню бурю, поднявшуюся, когда группа работников УКома комсомола начала нам «разъяснять» позицию Троцкого и его компании! Дело едва не дошло до драки, и агитаторы Троцкого быстро убрались из техникума и больше не появлялись.

В Осветино вскоре заехал работавший ранее у меня на родине волостной агроном Лебедев и рассказал, что сейчас стоит задача организации колхозов, правда, в примитивной ещё форме, и я понял, какое в этом моё место!

В 1926 г. с помощью секретаря парторганизации (единственного коммуниста в деревне, моего друга) и нескольких

бедняков удалось организовать артель по совместной обработке земли, получить наделы, вопреки большому неудовольствию зажиточной части крестьян (земля-то была лучшая), приобрести рядовую сеялку (на большее мы и не могли тогда рассчитывать!)

Коммунисты сельсоветской ячейки предлагали мне вступить в партию, но, хотя дело партии было мне понятно и близко, мог ли я на это рассчитывать! Я сын помещика, дворянина! Для этого нужно было иметь не такие заслуги!

В 1929 г. я заболел, чем и сам не знаю до сих пор, но врач предложил мне перейти в Ростов под наблюдение врача. Перейти-то я перешел, но ни к одному врачу не обращался, так как никаких признаков болезни не обнаруживал. Работать меня послали учителем школы грамоты при 21 ОМС батальоне.

Перейдя работать в город, я потерял право на отсрочку по призыву в армию для сельских учителей, и я был призван. Медицинская комиссия признала меня вполне годным. Зачисли в переменный состав 54 стрелкового полка и в мае отправили на сбор в Гороховецкие лагеря. Как мне не хотелось уезжать в самый разгар весны и расставаться с Ксенией, но что поделаешь!

Лагеря стали для меня настоящей школой дружбы, там только я по-настоящему понял, что такое рабочий класс! Какая была разница с крестьянами! Если в нашем рабочем взводе почти всё было общее, то в другом, где были ребята из деревни, на каждом чемодане висел солидный замок, ели домашнее, отвернувшись друг от друга.

Много впечатлений осталось от лагерей: ведь вся жизнь была для меня новой. Большой сосновый лес, разделенный правильными дорожками, деревянные домики комсостава и палатки, палатки без конца, расположенные вдоль дорожек. Запомнился праздник на Ильино-озере, расположенном в густом сосновом лесу, освещенном с разных сторон разноцветными прожекторами! Незабываемое впечатление!

В начале августа часть вернулась из лагерей, но школу мою ликвидировали, и я остался без работы. Рассчитывать на что-либо в Ростове было нереально, и я поехал в Ярославль, встал

на биржу труда. Это был очень трудный год, и не только для меня. Буквально тысячи людей приходили с утра на биржу, но работу получали немногие. Согласны были на любую работу: выгружать барки, вагоны, пилить дрова, убирать снег, словом, что бы ни предложили, но и такой работы не хватало. Я прожил за это время всё, что у меня было, часы, костюм, получал изредка талоны на бесплатное питание, но всё это исчерпывалось, а работы всё не было!

Страна была разорена гражданской войной, те, что были предприятия, влачили еще жалкое существование, да и их-то было ещё так мало!

Случайно я встретил своего земляка и товарища, работавшего на нынешнем моторном заводе, но тогда это вряд ли, по нашим современным представлениям, можно было назвать заводом! Он обещал устроить меня к себе (он работал мастером), но этому не пришлось сбыться. Вечером того же дня я получил вызов с биржи, меня направили на работу учителем в село Вятское

И вот я опять в школе! В деревне это были бурные годы: началась сплошная коллективизация. Не столько приходилось работать в школе, сколько на сходах в деревнях. Дело шло со скрипом, нелегко было повернуть людей, веками привыкших пусть к тяжелой жизни, но на своём клочке земли.

Началось раскулачивание, ожесточенная классовая борьба, которая ещё долго не затухала. Началась коренная перестройка сельского хозяйства на коллективной основе. Не из легких была эта задача! Не просто было повернуть сознание крестьянина от своего клочка земли. Не легче и создать новое коллективное хозяйство, не имея никакого опыта. Вполне понятны все неполадки, возникавшие в процессе становления хозяйства. Для Вятского все это было еще сложнее. Вятское — торговое село! Сколько домов богачей, если посмотреть вокруг! Сколько людей было связано с торговлей, а не с работой на земле! Организовался колхоз и в Вятском. С первых же дней возник вопрос о рабочей силе, как оплачивать труд, как учитывать все расходы и получения, где держать скот? У колхоза много отобранных домов богачей, но ведь много скота не держали! Одна-две лошади, одна-две

Вятское. Отряд механизаторов (сенокосилки).

Машинный двор. В центре – Дмитрий Тимрот.

коровы. Велики ли эти дворики. Я был избран членом правления, но пришлось не столько руководить, сколько работать самому: пахать, сеять, косить, ходить за лошадьми, налаживать простые машины, благо это всё мне было не в диковину. Да и не только мне, но и другим учителям. Конечно, это не значит, что работали одни учителя и служащие, но все они не остались в стороне. Дела колхоза мне до сих пор близки. Никогда не забуду, как повесили вывеску на правлении колхоза «Красный луч». Потребовалось столько лет, чтобы этот луч засветился! В Вятском я женился, появилась своя семья и сразу дочка, и племянник жены, а там две родные дочери. Годы жизни в Вятском были хотя и нелёгкими, но, пожалуй, самыми лучшими годами моей жизни. Самое трудное время миновало, Больше стали уделять внимания школе. Прошел курсы по переподготовке, поступил на заочное отделение в Ярославский педагогический институт. Был выдвинут заведующим учебной частью школы, а школа стала огромной. Были годы, когда число учащихся доходило до 1500 человек! Но дело шло хорошо, чему в большой мере способствовало то, что директором школы был коммунист, опытный и образованный учитель (он мог без особой подготовки провести урок в любом классе и по любому предмету!)

Годы шли. Миновал самый страшный 1937. До сих пор не пойму, какими судьбами я не оказался в числе репрессированных?

Наступил 1941 год. Окончились выпускные экзамены, наш лучший 10 класс готовился к выпуску, прошел и выпускной вечер, шли душевные беседы о том, кто куда поедет и вдруг... страшное слово «Война»! Всё сразу изменилось. У всех один план идти защищать Родину! На следующий день из школы ушли учителя Юрьев, Титов, Суворов, Афанасьев. Школу принял от Юрьева. Я спросил вонкома: «А что я, хуже всех?» «Придёт время — позовём и тебя!», — услышал в ответ.

Так начал я свой первый год войны. Не скажешь, что этот год был спокойным! Случалось, что над железнодорожной линией появлялся немецкий самолёт, а до линии 7 километров! А в школе полно детей, идут как всегда занятия! На фронте за себя в ответе, а тут дети! Нельзя ошибиться!

Но вот пришел май. Наконец кончилось ожидание. Легче ли! Утром 6 июля 1942, пока дети еще спали, мы с женой вышли на улицу, шли молча, через полчаса простились, жена не выронила ни одной слезинки, выдержала, и мы расстались, не зная, увидимся ли еще когда-нибудь ещё.

В Ярославле получали продукты на дорогу и трое, без сопровождающего, по указанному адресу отправились в путь. Месяц в лагере «Сурок» Марийской АССР был не из весёлых, питание по тыловым нормам — впроголодь. Через месяц нас обмундировали, присвоили звание радиста и посадили в вагон. Обрадовались, точно не на фронт отправили, а к теще на блины! Снабжение-то по фронтовым нормам! Наконец мы на фронте в артиллерийский полку, но, к моему огорчению, я оказался самым грамотным и превратился в писаря. Не этого я ждал, да и был совершенно непригоден для штабной работы, и очень скоро был «понижен» в должности и переведён в батарею 122 мм гаубиц, где всё же пришлось недолго поработать писарем, но, на моё счастье, подоспел приказ Сталина — использовать радистов только по специальности.

Наконец я опять у радики во взводе управления. Много мы хватили горя с нашими радиями! Наверное, современный радист, увидев её, с недоумением спросил бы, что это за «бандура»? Часто вместо радио приходилось сидеть у телефона и бегать по линии. Первые месяцы наш полк стоял в обороне против Варшавского шоссе. Это была сравнительно спокойная жизнь, если не считать артоналётов и разведок боем, когда приходилось давать связь в 100 метрах от немцев.

Но вот прорыв немцев под Харьковом, и наш полк спешным порядком перебрасывают на Воронежский фронт под Белгород. Дорого достался нам этот переход! Зимой в лютые морозы, когда орудия приходилось вытаскивать из снежных заносов, ночевать на морозе, т.к. хаты все сожжены, или в старых оставленных блиндажах. Наконец город Обоянь, но и тут не отдохнуть, на что надеялись — не удалось. Подняли нас по тревоге, и в быстром темпе мы вывели гаубицы прямо в поле на шоссе, не успев даже окопаться, но на наше счастье остановили немцев в Белгороде, и мы начали устраиваться. Это означало, что чуть ли не круглые сутки нужно было орудовать лопатой, тянуть связь,

готовить данные для стрельбы, но было еще сравнительно тихо, как может быть тихо на передовой! Довольно долго пришлось жить в блиндаже на НП, это был почти «курорт», но 3 июня вечером нам срочно приказали перенести огневые, потому что, как узнали позднее, немцы засекли все наши огневые. Отошли мы всего на 500-600 метров, и всё пришлось начинать сначала!

4 июня вызвали в штаб дивизиона получить данные о «тиграх», а в полдень приказ: всем немедленно быть на местах. Когда шли из дивизиона, в воздухе уже шли ожесточенные бои. 5 июня с рассветом обрушился шквал огня. Поминутно заходят на бомбёжку самолёты, орудия накаливаются от огня. Когда заходит самолёт-разведчик, стволы орудий опущены — на огневой всё затихает, но самолёт улетел, и всё начинается снова. Поминутно выходит из строя проволочная связь с НП, и выручают только рации, которые, точно поняв серьёзность момента, вопреки обыкновению, работают безотказно. Только с наступлением темноты всё немного стихает. Солдатское радио доносит: первая линия сбита, и немцы продвигаются.

Получаем приказ: выйти на прямую наводку. В бешеном темпе под свет немецких ракет снимаемся с огневой и выводим наши гаубицы прямо в поле, кое-как окапываемся, а уже совсем рассвело, и мы как на ладони.

Трудно рассказывать, как прошел этот день. Перед нами на горке, как на выставке, «тигры». Их задержать — наша задача, и она была выполнена! До 4 часов ни один из них не продвинулся и ни один из них задышал, но и у нас мало что осталось: орудия разбиты и горят, больше половины людей выбыло из строя. В ровик, где был наш парторг и санинструктор и куда звали меня, попал снаряд.

Получен приказ: отходить тем, кто жив, и с тем, что осталось. Задача выполнена, и теперь только нужно выбраться к своим. И вот мы выбираемся, а попросту удираем, как кто сумеет. Немцы обошли почти кругом, но выход ещё есть, и по голой сече, под обстрелом «мессеров» пробираемся. Накроет «мессер» — ткнёшься за пенёк, пролетел, пули не задели — дальше. Вышли все, никто не заблудился!

Опять в своём полку, но всё перемешалось: дивизионы, батареи сливаются, перетасовываются, и снова строим огневые,

стреляем и снова отходим. Этот период совсем вылетел из головы, да и что знает солдат, когда всё выбилось из колеи!

Запомнилось только, как оказались в брошенном большом блиндаже на промежуточной станции. Впереди НП, сзади линия на огневую, через нас идут команды направления огня. В долине кусты, кругом голое поле, овраги, холмы, и ни души кругом, только через нас летят снаряды и падают где-то неподалёку. Начало дня было спокойным, но порвалась связь с огневой. Приказ: срочно восстановить. Побежал Коля Колобов, но уже через несколько минут звонит: в логу немецкие автоматчики. Но приказ есть приказ! Больше от Коли не было известий, а через минуту порвалась связь и с НП. Мы двое остались одни, как на острове

Куда податься? Лукашов попробовал выглянуть, но сразу слетел обратно, из кустов ударила очередь, и пули свистнули у входа. Обождали немного и опять попытались выйти. Но на этот раз удачно, никто не стреляет, но куда идти? Шли по линии к НП, но навстречу нам бежали ребята из взвода управления: «На НП немцы, начальник штаба убит!»

Положение не из завидных! Рядом огромное поле ржи, бросились туда. Видим, миномётчики сматывают своё хозяйство, значит, знают, как выбраться, но смотрим, и они бросают всё и разбегаются кто куда. Кругом гудят танки, рвутся снаряды. Заползли в рожь, а по ней, как зайцы, во всех направлениях ползают потерявшие всякую ориентировку солдаты. Попытался подняться, неподалёку стоит немецкий танк, выстрел заставил меня быстро нырнуть снова в рожь, пополз, но почему-то пули опять около меня и не сразу понял, что рожь колыхается, где я ползу, и по ней и стреляет танкист, пополз по старой тропе, и выстрелы смолкли. Но долго ли так лежать?! Надо что-то предпринимать. Подполз к самому краю ржи и осторожно приподнялся, и прямо ко мне маленькая машинка с автоматчиками — очередь, пули впились около самой головы, я ткнулся головой в землю. Еще очередь — и всё... Но её не последовало: хорошее настроение было у немца, кричит: «Ком хер!» Куда деваться? Кроме голых рук ничего нет! А немец показывает на дорогу: «Гэ дортхин». Я и ещё один боец пошли. Разболелась нога: пуля,

видно, рикошетом от земли пробила ботинок, но, по счастью, палец на ноге только сильно ударила. Дорогой поднял брошенный ватник. У меня-то ничего не было.

Пришли в деревню. Кругом немецкие танки, около колодца моются и ржут, как жеребцы, танкисты, пахнет не столько железом, как можно было бы ожидать, а как в парикмахерской! А сколько бродит наших бойцов, и никто на нас и внимания не обращает. Но подошли автоматчики, собрали нас, построили и повели, куда не знаем. Всё как во сне, нога нестерпимо разболелась, но останавливаться нельзя: пристрелят. Но как вдруг изменились люди! Или они такими и были? В силу вступил волчий закон. Плохо я помню, что было, но запомнился один случай: где-то впереди колонна наткнулась на разбитые ящики с концентратами. Что тут было! Бросились, как стая собак, сбивали друг друга с ног, хватали сколько кто сумел, дрались! С трудом конвойным удалось навести порядок, разогнать дерущихся. Это были не люди - звери!

Запомнилось, как мы подошли к Тмаровке. Вот здесь я увидел других людей! Несмотря на угрозы и окрики конвойных, женщины, да и не только они, старались сунуть пленным хлеб, яблоки, папиросы, у многих на лицах я видел слёзы.

В Тмаровке нас посадили, а верней, набили в товарные вагоны, и поезд пошел. На какой-то остановке в вагон сунули несколько буханок так называемого хлеба, делёжка на этот раз обошлась без драки. И вот мы опять на улице, опять колонна и ворота пересыльного концлагеря. Долго стояли мы неподалёку от ворот, окруженные полицаями-власовцами, они добросовестно обшарили все наши карманы, забирая всё, что представляло какой-либо интерес.

Лагерь — свиные бараки, разделение проволокой, каменная кухня и вдалеке что-то вроде бани, куда нас и погнали, идём и думаем, а вернёмся ли оттуда? После бани построили на плацу. Строил «наш» лейтенант и полицаи, а когда построились, явились и немцы. Вперед вышел холеный немец: «Комиссары, коммунисты, радисты, шаг вперёд!» Строй не шелохнулся. Немец подождал, что-то сказал сопровождавшим и ушел. Начали нас сортировать по национальностям. Русские в один блок, украинцы в другой, нацмены в третий.

Так началась наша лагерная жизнь. Впервые появились товарищи: два уральских казака-минометчика, украинец-артиллерист. Голодные будни, голодное безделье. Целые дни слонялись в своем блоке, как в большой клетке. Утром выгоняют на плац, строят, ровняют (не проходит и без зуботычин, порой очень основательных), и так часа два и больше, потом с котелками, банками и т.п. к кухне за «кофеем»(это серая неопределённого цвета и вида жидкость) и куском слабо напоминающим хлеб. Позднее его сменила «макуха»-выжимки подсолнечника. Днём мало чем отличающийся от завтрака обед. На одном из построений спросили, кто плотники. Мой приятель-украинец вышел сам и меня вытащил, хотя я и говорил ему, какой я плотник, все, говорит, лучше, чем тут с голода сдохнуть!

И вот мы плотники. Строим бараки в самом лагере. Тешем брёвна, в руках топоры, это уж что-то!

Запомнился случай: везёт немец на лошади брёвна и прямо на нас, орёт что-то, видимо, чтобы мы отошли, а мой друг остервенился, сжал топор и прямо к немцу(а тот без оружия), да, видимо, сообразил, что с таким «дядей» лучше не иметь дела, в два счёта прошибёт голову, а что будет потом немцу глубоко безразлично, ведь его-то не будет! Он быстренько отвернул лошадь и, оглядываясь, с опаской отъехал.

Всё это произошло так быстро, что только через несколько минут мы сами сообразили, что к чему!

А над лагерем всё чаще проносятся наши самолёты, неподалёку проходят эскадрильи бомбардировщиков, всё ближе слышна артиллерийская стрельба. Немцы явно нервничают, им становится не до нас, и в одно утро нас прямо с плаца строят в колонну и выводят за ворота.

Теперь охрана не полицаи, а немцы с овчарками, кругом поля и только временами появляется жалкое подобие леса. Кое-кто пытается бежать, но почти сразу лай овчарок, выстрелы, и опять всё тихо! Так шли, наверное, дня два, точно не помню, наконец станция Тростянец. Загнали нас на стадион, но долго не задержались. Отправили на станцию. Шли по дороге, с обеих сторон почти вплотную заросли кукурузы, как стена Конвойные сбились, идти негде, близко к пленным страшновато, и вот один мой друг мгновенно нырнул в

кукурузу, и был таков, никто не заметил. Вот и станция. Эшелон. Загоняют по вагонам. И тут повезло: вагоны все закончились, и нас гонят на открытую платформу, и, хотя с нами забрались охранники, это все же хорошо!

Ждали паровоз, но что-то беспокойно у немцев. Как сумасшедшие несутся автомашины по соседней дороге у станции. Солдаты о чем-то, размахивая руками, «лопочут». Словом, видно, что им не по себе! И вот среди отдалённых звуков боя слышен знакомый воющий звук и ничего не успели сообразить, как рядом со станцией поднялся столб огня и дыма. Ну тут сразу стало ясно, что немцам не до нас. Наши конвоиры, забыв обо всём, стали прыгать с платформы. Мысль заработала, как ЭВМ!

Сейчас или Германия! Кругом лес, ждать больше нечего. Прыгаю в ту сторону, откуда летят снаряды. По-спринтерски в лес! Только пришел в себя, обернулся — немец бежит за мной! Кроме зелёной формы ничего не рассмотрел, поддал ходу, а он за мной и что-то кричит. Лес. Никого кругом больше нет, а бежать, уж силы выходят! Остановился. Вижу немец-то без оружия, в одних носках, а на пуговице куртки висит какая-то бумажка. Бежит ко мне, запыхался. «Русь, Русь, сдаваться!» Вот оно что, навоевался! Поздней узнал от него: первый раз на передовой и уже сыт по горло!

В это время к нам подбежала еще партия молодых ребят, и вот вместе с немцем забились подальше от станции в лес. Круто где-то режут танки, рвутся снаряды, а в лесу тихо, как может быть тихо рядом с передовой! Нас человек 10-15 плюс немец. Нет что-то ни у кого к нему неприязни! Маленький, «замусоленный» и далеко не молодой, напоминающий скорее мастерового из захолустья, чем «сверхчеловека-завоевателя»! Он не повторяет без конца: «Гитлер капут», — а просто смотрит на нас, как облезлая побитая собака. Чёрт с ним, пусть идёт с нами! Но куда? Все смотрят на меня. Я, хотя и не старший по званию, простой солдат, но я старше всех по возрасту.

Из желающих выделил разведку, а сами забились в ельник и затихли. Разведка вернулась под утро. Километрах в трёх за лесом деревня, нет ни наших, ни немцев. В деревне большая брошенная колонна машин.

Решили разбиться на группы и идти. Скитались недолго, прошли лес, поле, деревню, а там снова поле. Где-то идёт война, грохочут танки, а мы в стороне от всего. Снова деревня. Кто там? Немцы? Наши? Встретили мальчишек, они сперва напугались, а потом рассказали, что в деревне наши.

Опять у своих! Но кто мы?! Толпа ободранных полуголодных бродяг! Стыдно было идти мимо наших частей до штаба.

Прошли проверку. Меня, кстати, почти ни о чём и не спросили. Показал свою красноармейскую книжку, она у меня была под стелькой ботинка, сказал, где попал, и больше спрашивать не стали. Ночью отправили в полк на пополнение.

Шли целую ночь, не раз уступая дорогу танкам. Наконец штаб, пополнению рады, но вот оружия на всех нет! Утешили: «в бою найдёте!»! От штаба провели в лог, а на рассвете в поле. Чудесное утро! Солнышко поднимается над горизонтом. Тишина. На горизонте чернеет лес, а там немецкая линия обороны. Началась артподготовка. Загрохотали орудия. На опушке леса поднялись огненные фонтаны, черная туча дыма. Смолкли орудия, и небо прорезали огненные стрелы — заговорили «катюши». Небо застлала дымка, за которой исчезло солнце, но это было ещё не всё! Армада «илов» обрушилась на передний край! Кажется, что могло остаться живого там в лесу! Когда и день-то превратился в осенний вечер! Но едва мы поднялись и пошли, как из за копен и, чёрт его знает откуда, застрочили пулемёты. Рядом падали люди, некоторые вставали и бежали дальше, но кто-то больше уже никогда не встал. Как добрались до опушки, сказать трудно, но здесь уже спокойней, не на виду! Хотя кто-то и откуда-то стрелял, но это уж не то. Прыгнул в воронку, а из соседней ямы кричат: «Лови немецкий автомат!» Поймал, а как из него стрелять? Попробовал — стреляет, ну, думаю, теперь я с оружием, а тут лейтенант: «У тебя что, немецкий? Давай меняться», — а я и рад, так с этим автоматом и воевал до конца! На радостях хотел вылезти из воронки, поднял автомат, а по нему застучали пули! Это уж было слишком! Только получил оружие, и вдруг его испортили! Собрал все, какие знал, ругательства и вылез из воронки, на этот раз благополучно.

Этот период моей военной службы вспоминается, как во сне! После прорыва обороны мы пошли вперёд. В каком полку я служил, в какой роте, не знаю! Знаю только, что это была 5-я армия, и двигались мы на Полтаву. Не было спаянного коллектива, как пишут в романах, мало кто знал друг друга раньше. Народ собрался кто откуда! Бывшие пленные, местные жители только что мобилизованные, некоторые из госпиталя. Из офицеров я не видел ни одного, кроме разве позднее младшего лейтенанта, командира взвода связи, где мне пришлось служить. Шли вперёд, не встречая сопротивления, но вот немцы встретили нас огнём. Окопались на опушке и притихли. Ночью загорелась деревня. Подняли нас по тревоге, и пошли вперёд, стреляя в белый свет, но немцы отошли от деревни и тоже затихли. Деревню заняли. За ней большой ров, заросший ольхой, как раз предо мной мост через него Я оказался впереди и остановился. Подбежал сержант, крикнул: «Вперёд!», - и побежал по мосту, но едва он вскочил, из-за кустов, немецкий, видимо, снайпер, выстрелил, и сержант свалился в ров. Пуля-то была не его, а моя, если бы я не остановился! Выстрел был точно сигналом. Сразу «заговорили» немецкие миномёты. Ров, в котором мы сбились, оказался под немецким огнём, мины беспрерывно рвались по всему рву и вокруг него. Куда деваться, что предпринять, никто ничего не знает, а офицеров не видно! Пули как пчёлы жужжат надо рвом. «Отходить!» - раздался женский голос. Откуда-то появилась рослая медсестра-украинка. Мы сразу поняли: надо смываться! Выскочили из рва и к лесу!

Со мной случайно, как я потом узнал, «драпал» боец моих лет, ярославец с кондитерской фабрики, больше я его не встречал. Только мы выскочили на поле, как в то место, где мы были, упала мина, свист её осколков придал нам второе дыхание, и мы, как заправские спринтеры, бросились через поле к лесу, но и у миномётчиков, видимо, проснулся спортивный азарт, и до самого леса они провожали нас минами. Едва отдышались в лесу. Стали собираться и остальные. Старшина привёз вина и целую кухню на всю роту, но есть и пить было почти некому! Вернулись немногие.

Затишье. Немцы, видимо, отошли и сняли свой заслон. Снова вперёд. Поредели не только ряды автоматчиков, и я снова стал связистом. Шли несколько дней. Ночевали по деревням. Но фронтовой покой не долгов! Опять бой, но я уже не в цепи, а в овраге около командира роты. Не успел я его толком и увидеть, как приказали восстановить связь с 2-й ротой. Как не хотелось вылезать из спасительного рва! Но приказ есть приказ! Поле осыпают мины, пока воеет, лежишь, тихо - снова бегом по линии. Но вот прилетела «моя»! Я ещё успел оглянуться и видел столб огня и дыма, как палкой изо всей силы кто-то ударил по ноге и встать я уже не смог. Подползла сестра, остригла штаны на ноге, чего-то по «колдовала», забинтовала и отползла к другому. Как теперь выбраться из боя? Пополз, сперва нога, перетянутая бинтом вроде и не болела, но с каждым новым метром боль нарастала и вроде поднималась куда-то вверх, вспомнил о бугре, который мы перебежали. Только бы перебраться через него! Как это мне удалось, не знаю, но за ним силы совсем меня оставили, только страшно хотелось пить. Подъехавшая санитарная повозка доставила меня в санчасть, где снова сделали перевязку и уложили на солому. Дальше пошла кочевая жизнь из одной санчасти в другую, и вот я на столе у хирурга. Всё, как во сне, но когда я увидел жест подошедшего, видимо, главного хирурга и, видимо, таким жалобным голосом сказал: «Может не надо», - что он улыбнулся и, обращаясь к хирургу, который «колдовал» у моей ноги, сказал: «Ладно, попробуйте!» Что было дальше — не помню. Пришел в себя уже на койке. Не подумайте, что это был уже благоустроенный госпиталь! Где-то в стороне от деревни вырыта землянка, закрыта сверху огромным брезентом, и два длинных ряда раненых лежат на соломенной подстилке.

Но и тут не задержались. Опять в машины и на станцию, а там рассовали по несколько человек в пустующих хатах: часть «лежачих», часть «ходячих», так что за едой есть кому сходиться! И так несколько дней. Сходить по нужде приходилось ползком, преодолевая боль, пробираться на улицу. Наконец эшелон, и дорога на Белгород.

Весь оставшийся сентябрь я не вставал, и даже на перевязки носили на носилках, а в октябре быстро пошел на поправку. Сначала ходил на костылях, потом и без них. Стал ждать выписки снова на фронт, но случилось непредвиденное! Перед самой Октябрьской, ночью, почувствовал, что с ногой творится неладное, а когда рассвело, увидел вместо ноги какой-то обрубок, похожий больше на бревно, чем на ногу! На осмотре врач только взглянула и сразу пометила: «На эвакуацию». Так и попал я вместо фронта в санитарный поезд. Дорогой никто не беспокоил. Утром сестра наматывала новый слой бинта на пропитанную гноем и кровью повязку. Ехали долго, и только перед Стерлитамаком попал на перевязку. Дорого встала мне эта перевозка! Всё засохло, и когда снимали бинты, я едва удерживался, чтобы не завывать волком.

Но вот все это позади! Госпиталь размещен в школе. Настоящие постели, чистое белье и неплохое питание. Словом, дали отдыха, тем более, что рано хорошо подживает. Хожу без костылей и прикидываю, что долго тут не задержусь! Один за одним выбывают на фронт друзья. Наконец пришла и моя очередь идти на комиссию. Зашел, посмотрели меня — ничего не сказали, велели выйти. Едва вышел, несется на всех порах моя врач. «Ну, как?» «Подожди, не уходи», — и зашла в учительскую, где была комиссия. Ждать пришлось недолго. Вышла мой «ангел хранитель» и сказала: «Комиссия решила отправить Вас на поправку домой». Стал собираться. Обмундирование получил такое, что не стыдно бы выкинуть, но разве теперь в нем дело! Вот и поезд, весь наполненный возвращавшимися в части, комиссованными вовсе и временно, словом, все «свои» и только. Теперь дорога казалась особенно долгой! Наконец Ярославль и Пучковский. Волнуясь, вооружившись палочкой и изрядно похрамывая, пошел. Как далеко это Вятское! Наконец наши флигеля, двери. Все в сборе за чаем в большой комнате. Все растерялись, хотя и ждали. Женюшка попятилась и заревела с испуга. Что за уса-тый дядя явился! Насилу и втолковали, что это и есть папа, о котором ей говорили.

Что и как было дальше — не помню. Это был хороший сон!»

Вятская сред. школа. 10 класс. 1941 г. Д. Д. Тимрот во 2-м ряду 4-й слева, 3-й справа А. И. Афанасьев (см. стр. 123).
Внизу — Некрасовская сред. школа, 10 класс, 1945 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Пишет вам муж Инкиной (в девичестве Ломтевой) Натальи Геннадьевны. Она дочь Софьи Дмитриевны Афанасьевой (Тимрот-Ломтевой). У нас с Натальей Геннадьевной двое детей. Дочь живет в Казахстане, а сын на Урале. У сына две дочери. Одна из них (тоже Наталья), работая, или развлекаясь на компьютере, наткнулась на сайт «Торопово». Я был как раз в гостях у сына. Для меня это была большая радость. И вдвойне, когда на другой день внучки мои отпечатали и положили на стол сборник воспоминаний «Тороповские страницы». Радость моя, правда, была со слезами на глазах, потому что ни Софьи Дмитриевны, ни Натальи Геннадьевны (моей Наташи) уже нет в живых. Они покоятся в Казахстанской земле на русском кладбище городка Макинск.

Я читал и перечитывал воспоминания Александра Дмитриевича, рассматривал давно знакомые фотографии, сравнивал их с теми, что у нас, и как будто снова разговаривал с дорогими мне Наташей и Софьей Дмитриевной. Снова звучали привычные в нашей семье слова: Торопово, Тороповский дом, дорога до Данилова, не раз отмерянная пешком. Названия деревень: Взглядово, Гулаково, Подольново, что то о Никольском. Тороповские маслоделки и ручей сыворотки, текущей по желобам.

Имена и фамилии: Соколовы, Голубковы, Копейкины, Ширшова Лёля и т. д. Имена и фамилии предков.

Наташа с большой теплотой рассказывала о Тороповском кукольном театре, о клубе. О юноше Владилене, который хорошо мастерил кукол сам и помогал другим. Повторялись подробности многих семейных событий и дел. Часто говорили о любимой няне Тимротов — бабе Кате, о врачебной ошибке с ампутацией ноги бабе Варе и бесконечной проблеме с протезом. О благородной и добрейшей бабе Любе, слепнувшей на старости лет и становящейся капризной. Об отце Дмитрие Егоровиче и его трагической жизни последних его лет. О Наталье Михайловне (бабе Наташе) — воплощении мудрости и святого терпения.

Мне не довелось бывать в Торопове. О нем я знаю только по рассказам Наташи и Софьи Дмитриевны. А с Тимротовами (начиная с Дмитрия Егоровича) я лично знаком. С Александром Дмитриевичем я виделся несколько раз. Был даже курьезный случай при одной из встреч. Году в 1953-54 мы с Наташей проездом посетили Александра Дмитриевича и Софью Андреевну (Толстую) в Москве. Тогда с продуктами питания было туго. А тут нас угостили красной икрой. Я впервые пробовал этот деликатес и не знал, что ее (икру) лишь намазывают на хлеб, а потому столовой ложкой съел половину пол-литровой банки. Не думаю, что у них ее (икры) было сколько хочешь. Однако мне никто замечания не сделал. А мне до сих пор стыдно тогдашней серости своей. Разумеется, мы были знакомы и с Таней Бортник — матерью детей Александра Дмитриевича. И с Дмитрием Дмитриевичем, с его женой, и с их детьми мы были знакомы достаточно.

Старшее поколение Тимротов — это сильные духом и скромные поведением, преданные своей малой и великой Родине люди, неизвестно за что отторгнутые в двадцатые годы большевистской властью на задворки жизни. Хотя всем было известно, что это полезные для общества люди. И все-таки они не потерялись, а оставили заметный след о себе своими добрыми делами и поступками. А Георгий Дмитриевич Тимрот — подвижничеством. После кончины Натальи Михайловны Тимрот ни Софья Дмитриевна, ни ее дочь Торопово

больше не навещали. И вообще далее жизнь Тимротов протекала за пределами Тороповского края.

У меня на руках архив Софьи Дмитриевны. Тут дореволюционные фото и мелкие любительские 20-х годов фотокарточки и более поздние. Всякие документы, справки, которыми обычно обрастает человек со временем. Газетные материалы о Георгии Дмитриевиче Тимрот. Поэтому я хочу кратко описать биографию Софьи Дмитриевны и выслать ее Вам вместе с некоторыми фотографиями и комментариями к ним*.

Инкин Леонид Семенович
2009 год.

---

* Далее мы приводим воспоминания Леонида Семеновича о Софье Дмитриевне Тимрот и публикуем выдержки из дневника его жены Натальи Геннадьевны Инкиной. *Ред.*

Софья Дмитриевна Тимрот

Софья Дмитриевна Тимрот родилась 14 мая 1911 года в селе Торопово Даниловского уезда Ярославской губернии в семье не богатого чиновника-дворянина. Отец ее Тимрот Дмитрий Егорович до революции 1917 года был председателем Ярославской губернской земской управы. Мать — Наталья Михайловна Тимрот (в девичестве Смирнова) до замужества была «классной дамой» в Ионафановском духовном училище г. Ярославля. Детские годы Софьи Дмитриевны прошли в селе Торопово.

Она русская, беспартийная. Образование среднее (Ярославское педагогическое училище). Владеет иностранным языком (немецким).

Начальную школу окончила в селе Торопово. В 1928 году окончила школу второй ступени в городе Данилове. В том же 1928 году поступила в Ярославский педагогический институт. В 1930 отчислена из института за неуспеваемость (формально). А фактически за неблагонадежность (по происхождению). Старательную, явно полезную студентку отчисляют из института за то, что ее отец дворянского происхождения, а дед по материнской линии того хуже — священник.

С 1931 года работает учительницей в начальной школе в деревне Бортниково Ярославского региона.

В начале 1932 года вышла замуж за Ломтева Геннадия Григорьевича. 26 декабря 1932 года родила дочь Наталью. В феврале 1933 года умер муж Геннадий от менингита, и она остается с грудным ребенком в семье мужа.

В 1935 году назначена заведующей Бортниковской школы. Параллельно преподает немецкий язык в Пограихской средней школе. В 1936 году сдала экстерном экзамены (пять предметов все на «отлично») в Ярославском педагогическом училище. Осенью 1936 года поступила в Ярославский педагогический институт на заочное отделение. Нагрузки все возрастают. В 1938 году после третьего семестра попала на лечение в Костромской нервной санаторий. После двух месяцев лечения предлагали временную нетрудоспособность (инвалидность). Отказалась. В августе 1938 года Ярославским РайОНО назначена учителем немецкого языка в Давыдовскую среднюю школу. (Это был недолгий спокойный период работы до начала Великой Отечественной Войны).

Ушли на фронт братья Дмитрий, Георгий и Александр. Уходя на фронт Дмитрий Дмитриевич просил Софью Дмитриевну перевестись в село Вятское, где он работал завучем в средней школе и где оставалась его семья, чтобы вместе с ними пережить это трудное время. Перевелась. И с июля 1942 по июль 1945 года работала учительницей немецкого языка в Вятской средней школе. Там же дочь Наташа пошла в третий класс. В тот «Вятский» период произошли трагические события: пропал без вести брат Георгий, получил тяжелое ранение брат Дмитрий. И еще одно событие, которое потом повернуло жизнь Софьи Дмитриевны в другое русло. В Вятской школе

работала преподавателями чета Афанасьевых: Алексей Иванович и Нина Николаевна. Алексей Иванович ушел на фронт осенью 1941 года. Дома остались жена и двое детей: Павел девяти лет и Вадим пяти лет. Их мама не доценила опасную в те времена привычку критически высказываться или повторять чьи-то домыслы. На нее донес «стукач» и она угодила в лагерь заключенных. Там она вскоре умерла, как сказано в свидетельстве о смерти 22 марта 1943 года в возрасте 44 лет. Отец на фронте. Дети некоторое время жили одни. Им помогали учителя школы. Милосерднее других была Софья Дмитриевна. Потом детьми занялись родные тети, но как то все не путем.

После окончания войны в Германии Алексей Иванович воевал еще и на Восточном фронте в Маньчжурии. Демобилизовался он в декабре 1945 года. Потом долго жил неприкаянным и ожесточенным на «сталинский режим». Мне рассказывала Наталья Геннадьевна, что когда двадцатый съезд КПСС развенчал культ личности Сталина, Алексей Иванович вынес на улицу гипсовый бюст Сталина и расстрелял его из охотничьего ружья - столь велика была его ненависть к бессмысленной жестокости сталинского режима. В этой черной полосе жизни Афанасьева было светлое пятно — это Софья Дмитриевна. Она переехала в 1945 году в Ярославль и работала в одной из средних школ. Алексей Иванович тоже (с детьми) жил в Ярославле. Он посватался к Софье Дмитриевне и они поженились. В 1948 году они поселились в деревне Иваново (это часть Медягино). Софья Дмитриевна стала работать учительницей, а Алексей Иванович зоотехником в колхозе «Горшиха», очень известном в послевоенное время в районе и области.

Дети Алексея Ивановича стали называть Софью Дмитриевну мамой.

В 1949 году умерла сестра Алексея Ивановича, оставив непутевому мужу малыша-мальчика Юрия Соломонова. Софья Дмитриевна пригрела и его. Теперь ее семья состояла уже из шести человек:

Софья Дмитриевна Афанасьева
Алексей Иванович Афанасьев
Наталья Геннадьевна Ломтева
Павел Афанасьев

Вадим Афанасьев

И Юрий Афанасьев, так как его усыновили.

Для Юрия она была настоящей мамой. 1947 и 1948 годы были еще довольно трудными годами. Люди голодали, бедствовали. Всяк устраивал свою жизнь по своему разумению. Наверное поэтому в 1947 году Павел поступил учиться в автомеханический техникум, а Наташа в химико-механический техникум в городе Ярославле, хотя Наташе очень хотелось окончить 10 классов и поступить в институт. Но судьба распорядилась по другому. В 1951 году после окончания техникума ее направили работать в Среднюю Азию на уранодобывающее закрытое предприятие. Там в 1951 году мы встретились, а в 1952 поженились.

В 1961 году тяжело заболел и умер от рака желудка Алексей Иванович. А Софья Дмитриевна с Юрой приехали жить к нам. К моменту их приезда у нас уже были дочь и сын с разницей в возрасте семь лет. Сыновья Алексея Ивановича в пятидесятые годы отслужили в армии. Окончили ВУЗы и Павел женился еще при жизни Алексея Ивановича. Вадим стал экономистом. Он жил и работал в Москве. К сожалению он рано умер. А Юрий живет в Ярославле.

Далее жизнь Софьи Дмитриевны неразрывно связана с нашей. Я не буду вдаваться в подробности наших профессий. Скажу только, что Наталья Геннадьевна вплотную занялась (хотя и не сразу) «дозиметрией в урановых рудниках», тогда еще мало изученной специальностью. Она сберегла здоровье многим и многим рабочим-горнякам, ничего не знавших о невидимой опасности, которой они подвергались. А я, инженер-геофизик, специализировавшийся на поиске, разведке, добыче и обогащении урановых руд. С появлением у нас Софьи Дмитриевны наша жизнь потекла ровнее, как дома, так и на работе. Дети наши спокойно и успешно учились в школе, потому что дома была опытная наставница. У нас была дружная трудовая семья с широким кругом интересов. Софья Дмитриевна сделала много полезно и приятного для наших детей Марины и Андрея. В 1984 году я был откомандирован работать за границу, где мы с Натальей Геннадьевной прожили пять лет. А Софья Дмитриевна осталась в том же доме с внучкой Мариной и ее семьей. Сын наш, закончив институт, тоже начал

самостоятельную жизнь. Потом мы поселились все в городе Макинске в Казахстане. Все складывалось не плохо, но развал Советского Союза тяжело аукнулся в наших краях. Закрывались предприятия. Наши горные инженеры остались без работы. Сын с семьей уехали на Урал. Дочь и зять пока оставались. В 2002 году 25 февраля тихо скончалась Софья Дмитриевна. Ей шел 91 год. Вскоре уехали дочь с семьей. Мы с Натальей Геннадьевной не хотели оставлять обжитое место.

А 1 сентября 2007 года от острой сердечной недостаточности скончалась Наталья Геннадьевна. Я не мог оставаться в Макинске один и переехал туда, где живет дочь с семьей. В Макинске бываю два раза в году в дни поминовения усопших. Хожу на кладбище, где покоятся рядом Софья Дмитриевна и Наташа (Наталья Геннадьевна).

Комментарии к фотографиям

- Стр. 128.* Наталья Михайловна Тимрот (Смирнова), Софья Дмитриевна Тимрот, Дмитрий Дмитриевич Тимрот.
Софья Дмитриевна Тимрот. «Ей так радостно. А птичек она не боится потому, что индюшки ее тоже любят». «Милые, ухоженные, счастливые» — Георгий Дмитриевич и Софья Дмитриевна Тимрот.
- Стр. 129.* Дмитрий Егорович и Наталья Михайловна Тимрот с детьми. Слева на право: Софья, Александр, Георгий.
Студенты Ярославского Педагогического института. Превый курс 1929 года. Во втором ряду третья справа Софья Дмитриевна Тимрот.
- Стр. 130.* Геннадий Григорьевич Ломтев — счетовод колхоза в деревне Бортниково, ставший мужем учительницы Софьи Дмитриевны (1931 год).
Софья Дмитриевна с дочерью Талей в Торопове. Они ездили туда почти каждое лето (1934 год).
- Стр. 131.* Позируют на крылечке последнего Тороповского дома Тимротов: Софья Дмитриевна, Таля, Дмитрий Егорович, Варвара Степановна (баба Варя), Наталья Михайловна и Екатерина Николаевна (баба Катя). Баба Варя хорошо умела шить (было бы из чего), баба Катя вела хозяйство, содержала корову, куриц, возделывала огород, пока не постарела.
Внизу: Варвара Степановна Соколова (баба Варя), Екатерина Николаевна Зоричева (баба Катя), Наталья Михайловна Тимрот (баба Наташа), Дмитрий Егорович Тимрот (дед). *Второй ряд:* Дмитрий Дмитриевич, Софья Дмитриевна, Таля (она же Наталья Геннадьевна Ломтева), Александр Дмитриевич Тимрот.
- Стр. 132.* А это — круг ее интересов: Софья Дмитриевна среди своих учеников Бортниковской начальной школы (1934).
- Стр. 133.* Коллектив Давыдовской средней школы. Софья Дмитриевна (во втором ряду третья справа).
Педагоги Вятской средней школы. 1941 г. Афанасьев А. И. 1-ый ряд крайний слева, Н. Н. Афанасьева 3-й ряд 3-я справа, сзади Д. Д. Тимрот.

- Стр. 134.* Софья Дмитриевна и Алексей Иванович Афанасьев. Дмитрий Дмитриевич Тимрот с внуком Сашей и Афанасьевы: Алексей Иванович, Софья Дмитриевна и усыновленный Юрий.
- Стр. 135.* Мариночка Инкина, гостившая лето 1955 года у бабушки Софьи Дмитриевны и Алексея Ивановича. Сентябрь 1960 года. Средняя школа в Медягино. Софья Дмитриевна с внучкой Мариной (рядом третья справа). Она опять в гостях. И даже в 1 класс пошла в бабушкину школу. Скоро родители увезут ее куда-то в Киргизию, в горы Тянь-Шаня.
- Стр. 136.* А это мы в Бортниково (в отпуске). Л. С. Инкин, Марина Леонидовна, тетя Тая (золовка Софьи Дмитриевны), Наталья Геннадьевна, Софья Дмитриевна и Александра Тимрот (жена Дмитрия Дмитриевича Тимрота). У нас теплые, радостные отношения и с деревенской и с городской родней. У нас в доме всегда весело. Опять бабушка рассказала какую-то смешную историю. Слева направо: Наталья Геннадьевна, Софья Дмитриевна, Марина Леонидовна и Мариночка Олеговна.
- Стр. 137.* Осень 1985 года. Софья Дмитриевна, правнучка Марина Олеговна и любимец Грей во дворе дома, в пос. Аксуек.

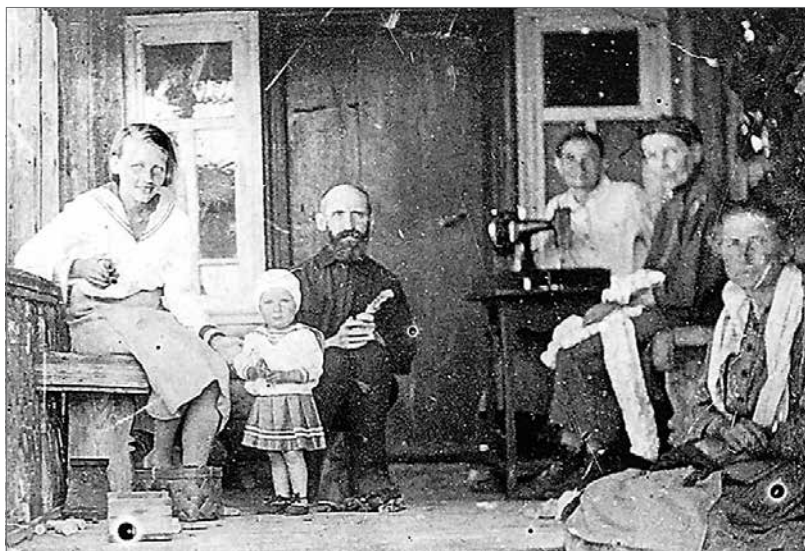
Инкин Леонид Семенович, 2010 г.

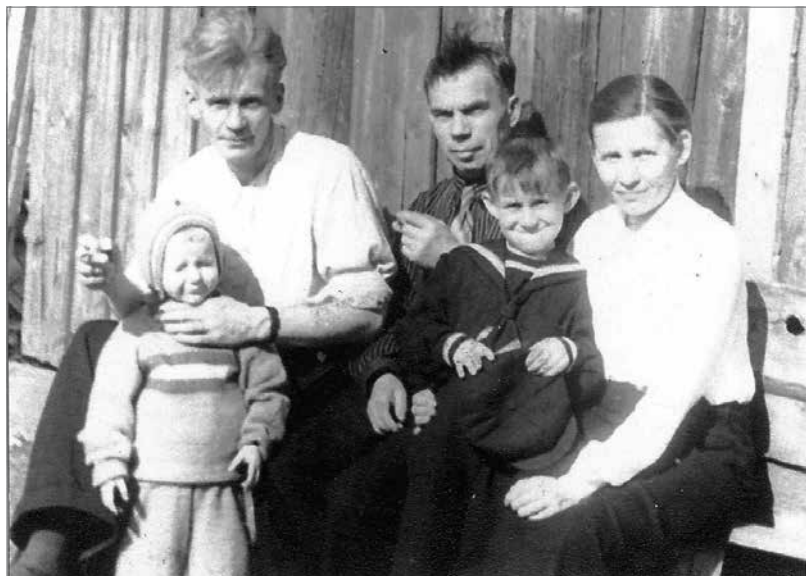

ИНКИНА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

Вместо вступления

С августа 1951 года мы, молодые специалисты, Инкин Леонид Семенович и Ломтева Наталья Геннадьевна живем в Киргизской ССР, в одном из поселков местечка Майли-Сай. Работаем в уранодобывающем предприятии. Я работаю техником-геофизиком на руднике, всегда с утра. Наташа — на гидрометаллургическом заводе мастером. Наши, начавшиеся было осенью 1951 года отношения, не получили развития. В первый год работы в столь необычных, совершенно секретных условиях было не до этого. Работа не по полученным специальностям. Надо доучиваться на практике. Однако мы молоды и целеустремленны и... всё течет, все меняется...

Далее отрывок из моей автобиографической повести о нашей с Натальей Геннадьевной жизни:

Кончилось лето 1952 года. Как-то в августе месяце я шел с работы домой через поселок «Сары-Бия», что по-киргизски означает «Желтая кобыла», и встретился с идущей на смену Ниной Дербеновой, подружкой Наташи Ломтевой. Нина приветливо поздоровалась и сходу сообщила: „Лёнька, а у нас из отпуска Наташка вернулась”. „Мне-то какое дело”, — стараясь казаться безразличным, ответил я. „Зря ты так, она хотела бы, чтобы ты, как раньше, приходил к нам. Приходи на поляну, мы там гуляем по вечерам”. Наверно ностальгия по прошлогодней радостной осени волновала Наташу, или, не знаю почему, она снова потянулась ко мне. Сердце мое учащенно билось целые сутки в ожидании встречи. И она состоялась. Мы как дети играли в догонялки. А когда стемнело, мы с Наташей убежали от девчонок и жадно целовались и никак не могли насладиться встречей. Потом мы с Наташей всю осень бродили по горам и лесам (а они здесь красивые), ходили и ездили в центр Майли-Сая, где только-что открыли дом культуры — красивое с колоннадой здание. Мы фотографировались в павильоне и на природе. Вдвоем и с друзьями. В конце октября я сделал Наташе предложение выйти за меня замуж. Она сразу согласилась. На свадьбу мы пригласили гостей: друзей и товарищей по работе с рудника, где я работаю, и с завода, где работает Наташа. Свадьба была веселой и красивой. Она состоялась 23 ноября 1952 года. По времени уже поздняя осень. Но в здешних местах в это время стоит сухая теплая погода. Все у нас было хорошо. Не нравилась нам только посменная работа Наташи — не все вечера мы были вместе. Как-то я заметил, что Наташа ходит грустная, обеспокоенная. Я спросил ее, что случилось? Она ткнулась мне в плечо, на глазах слезы и сказала шёпотом: «Я, наверное, беременна». Радости, осветившей меня, не описать! Я целовал ее мокрые глаза, благодарно шепча: „Значит, у нас родится ребенок, дочь Марина?!” „Почему дочь, почему Марина?” — шептала она. „Не знаю, я просто предполагаю, что так будет”.

А нашу жизнь на ближайшее время решила за нас дирекция комбината. С десятого января 1953 года нас переводят в город Чкаловск (это соц. городок в 12 километрах от города Ленинабада) в Таджикистане, где было управление комбинатом,

урановый завод и ЦНИЛ. Нас временно поселили в гостиницу, до получения квартиры. Теперь я техник-дозиметрист ЦНИЛа, а жена моя — старший лаборант аналитической лаборатории ЦНИЛа. Менее чем через месяц, нам предоставили жилье — комнату в квартире, где жили две другие семьи. Началась наша самостоятельная семейная жизнь.

Далее моя жена, моя любимая женщина расскажет о себе и своей родне сама. А я буду записывать. Итак:

Я Инкина Наталья Геннадьевна (девичья фамилия Ломтева) родилась 26-го декабря 1932 года в деревне Бортниково, Ярославского района, Ярославской области. Деревня небольшая — 40 дворов. Находится в трех километрах от села Диево-Городище, что на самом берегу Волги. Отец мой Ломтев Геннадий Григорьевич 1909 года рождения — крестьянский сын и сам крестьянин новой формации, преданный советскому колхозному строю. Атеист. Мать моя — Ломтева Софья Дмитриевна 1911 года рождения (девичья фамилия Тимрот) — учительница в сельской школе. Одна из просветительниц, воспитанных в духе служения своему народу. Она воспитывалась в семье патриотичной и образованной, имевшей корни в дворянстве по отцовской линии и в среде священнослужителей русской православной церкви по материнской линии. Пока не все забыто, хочу записать сначала то небольшое, что знаю о своих предках: Лошадкин Александр Иванович — мой прадед по отцовской линии. Отец моей бабушки Анны был крестьянином из деревни Тереховское, что в километре от деревни Бортниково. Родился он еще в первой половине 19 века. После отмены крепостного права он не подался в город, а выкупил свой земельный надел и вел свое собственное хозяйство. Жена его Мария родила ему четверых детей, но сама рано умерла, оставив его одного с детьми. Наверно с тех пор начал Александр Иванович сапожничать и попивать водку, а потом, когда потребность увеличилась, перешел на самогон. Ставил возле себя четверть, работал и прикладывался, прикладывался и работал. В возрасте 85 лет прадед мой женился на женщине, которая была моложе его дочери (моей бабушки Анны) на 20 лет. И прожили они в супружестве еще 12 лет. О прадеде и прабабушке Ломтевых, родителях моего деда Григория, я ничего не знаю.

Самого деда Ломтева Григория Ивановича я тоже не видела. Он умер раньше, чем я родилась на свет. Знаю только, что летом он работал дома, а на зиму уезжал в Питер (т.е. в Санкт-Петербург) на заработки. Этим отхожим промыслом занимались многие ярославские мужики, как впрочем, и по всей России. В Питере зарабатывали наличные деньги, выполняя там любую работу, кто что умел: плотничали, столярничали, складывали печи, носили тяжести и т.д. Весной возвращались домой работать в поле и дома. Такие перерывы в супружеской жизни не помешали, однако, деду Григорию и бабушке Анне по молодости родить восьмерых детей. Вырастили шестерых. До старости из них дожили только трое. В России всегда была высокая смертность в народе. Коснулось это и бабушкиных детей. Двое умерли в младенчестве. Взрослые погибли: мой отец от менингита, моя тетка Анфиса утонула в пруду и тетка Липа (Клеопатра) от рака пищевода. И только Таисия, Зиновий и Елизавета ушли в мир иной старыми.

Бабушка моя по отцу — Ломтева Анна Александровна (в девичестве Лошадкина) родилась в 1876 г. в деревне Тереховское, там же, где ее родители. В последний год 19 века она

Анна Александровна Ломтева, свекровь Софьи Дмитриевны (на руках внучка Ира). Софья Дмитриевна с дочкой Талей (Наташей). Клеопатра Григорьевна Ломтева (Липа), золовка Софьи Дмитриевны (ее жених погиб на фронте в Великую Отечественную войну, осталась старой девой). С этой семьей Софья Дмитриевна, а в последствии и Наталья Геннадьевна со своим мужем поддерживала связь всю свою жизнь.

вышла замуж за моего деда Григория из Бортникова и далее всю свою жизнь прожила в этой деревне. Здесь она узнала и любовь, и материнство, здесь она работала «не покладая рук» сначала в своем хозяйстве, а потом в колхозе. Здесь же выросли, женились и выходили замуж ее дети. Отсюда же она отдала одну из дочерей, Елизавету, своей родне на воспитание в Петербург — Ленинград, где та и прожила до старости. Здесь же в Бортникове женился ее сын «Енаша», то есть мой отец, на учительнице Софье, то есть на моей матери. В этом же Бортниковском доме родилась и я. Бабушка Анна была неграмотной. Но это была настоящая Некрасовская русская женщина, которая и «коня на скаку остановит» и «в горящую избу войдет». Ничего не могу сказать, откуда у бабушки взялся талант лечить людей. Может быть, она обладала какой-то энергетикой (как теперь говорят). Особенно легко лечила вывихи. Пощупает, погладит, пошепчет, дернет и... готово. Она лечила своих и чужих. К ней приходили люди со своими бедами и болезнями не только из ближайших деревень, но и за 15-20 километров. Если учесть, что на Ярославской земле деревни соседствуют через один-два километра, то можно себе представить, что врачевательницей она была известной по всей округе. У нее с лета и осени всегда припасены «сорок трав от сорока болезней». У нее всегда стоит склянка с водой из Иордана, и сама она читает молитвы над водой и заговаривает ее, а потом наставляет больного, как и когда ею пользоваться. В своем колхозном хозяйстве она тоже была заметной личностью. С её мнением считались и председатель колхоза и колхозники. Да и сама она была бригадиром овощеводом, пока позволяли силы. Бабушка Анна собирала свой опыт и делилась им с другими. Вокруг нее всегда вились дети — внуки — правнуки. Она не обделяла любовью никого. Но роднее всех ей была Талюха-милюха, то есть я, наверно потому, что росла я без отца.

Нельзя сказать, что бабушка Анна так уж безвылазно жила в своей деревне. Бывало, что ходила в Ярославль пешком на базар или продавать молоко. Ездили знакомиться и просто в гости в Торопово, к родителям моей мамы. Был даже случай, когда она ездила к Елизавете в Ленинград. Там она ходила в зоопарк, удивлялась дивным экзотическим животным, змеям,

птицам. А когда после были в гостях в Торопове, то в лицах изображала увиденных в зоопарке зверей, чем на годы рассмешила мою другую бабушку — Наталью Михайловну. Бабушку Наташу.

О своих предках по материнской линии я так же сделаю записи, начиная с прадедушки и прабабушки.

Тимрот Георгий Александрович 1831 года рождения. Немец. Родился в своем родовом имении в Самарской губернии. По образованию он юрист. По происхождению — дворянин. Он сам или его отец (не знаю точно) получил жалованное звание дворянина за заслуги перед отечеством, оказавшись таким образом в дворянском сословии. Георгий Александрович служил чиновником в госучреждениях. Он был первым председателем Ярославской губернской управы. По странному совпадению сын его Дмитрий стал последним, перед Советской властью, председателем той же управы. Умер прадед Георгий Александрович в 1908 году. Жена его Кругликова Софья Павловна (в замужестве Тимрот Софья Павловна) происходит из столбовых потомственных дворян Кругликовых. Она рано осталась сиротой и воспитывалась у своего деда Ивана Венедиктовича Кругликова. Дата рождения её мне не известна. Знаю, что у них с Георгием Александровичем было девять человек детей. Из которых до совершеннолетия дожили семеро. Одним из этих семерых является мой дед по материнской линии. Тимрот Дмитрий Георгиевич (в деревне звали Дмитрий Егорович) родился 1880 году в том же имении в Самарской губернии, где родился и его отец. По неизвестной мне причине он (отец) продал свое имение (усадебу, землю, конезавод) и переехал с семьей в Ярославскую губернию, поселившись в более скромном месте (по сравнению с Самарской усадьбой) в Торопове, принадлежавшем Софье Павловне еще до замужества. Пришлось расстаться с привычками жить «на широкую ногу» и перестроиться жить в более скромном дворянстве. Софья Павловна звала прадеда Жоржем, на французский манер, хотя для всех он был Егором Александровичем. Дед мой Дмитрий Егорович, будучи еще в Самарской губернии, учился в гимназии. Рассказывали, что он был большим озорником, учился неровно. То с легкостью набирал самые высокие баллы, то все их терял. «Бил баклуши»,

озорничал. Однако потом без проблем поступил в Казанский университет на юридический факультет. Благополучно закончив его, он приехал в Ярославль — в Торопово. Затем, чтобы стать совсем самостоятельным человеком он решил отслужить в армии. Поэтому напросился добровольно, не ожидая призыва. Решил отслужить как надо. А потом можно и жениться и хозяйствовать в своем имении в свое удовольствие. Его зачислили в полк, но на медицинской комиссии оказалось, что по зрению он не годится для службы в армии. Но раз уж напросился, то теперь будет служить. И он отслужил два года. А потом заделался заправским помещиком. Году в 1904 — женился. В жены взял Смирнову Наталью Михайловну, дочь священника, чем огорчил свою мать Софью Павловну, щепетильно относившуюся к соблюдению сословия. И напрасно. Бог дал деду не жену, а сокровище на всю жизнь. Прошло несколько лет, в течение которых родились дети: Дмитрий — 1905 г., Софья — 1911 г., Георгий — 1914 г., Александр — 1915 г. Однажды на выборах председателя земской управы мой дед был выдвинут дворянским собранием и выбран на эту должность. Семья переехала в город. Сняли квартиру на набережной Волги, в домах известного купца Соболева. В России в это время начиналась великая смута. Народ был недоволен царским режимом, провалами в войне с Германией. Дед мой всегда мыслил прогрессивно, потому что видел жизнь народа снизу. Он принимал участие в агитации солдат Ярославского полка против самодержавия. В департаменте Ярославской полиции появилась бумага о неблагонадежности Тимрота Д. Е. к власти. Бумаги эти сыграли положительную роль, когда после революции 1917 года стали арестовывать всех бывших (помещиков, офицеров царской армии, высших чиновников). Деда арестовали. Но благодаря существованию «бумаги о неблагонадежности к царской власти», отпустили, и он уехал снова в Торопово. Потом, уже при Советской власти, он работал судьей в городе Данилове. Семья в Торопове, он в Данилове. Так жили до 1928 года, когда у деда начали отказывать ноги. Атрофировалась нижняя часть тела. Но и после этого он еще немного поработал бухгалтером на маслозаводе. А что еще мог делать в деревне образованный человек с парализованными ногами? Чем еще кормиться? Обычный парадокс

истории: Был против царизма, но жил при нем хорошо. Был за советскую власть, а жил при ней очень плохо. Дедушка умер зимой 1946 года.

Далее я запишу, что знаю о прадедушке и прабабушке Смирновых по материнской линии. Смирнов Михаил Иванович. Год рождения я не знаю. Он был священником в церкви «Воскресенья, что в Куклином углу». Прихожанами церкви были жители из окружающих деревень: Гулаково, Взглядово, Уродово, Подольново, Торопово. Отец Михаил обладал хорошим басом, что делало службу в церкви «Воскресенья» значительной и приятной для прихожан. Жёну его звали Вера Ивановна. Её девичью фамилию и год рождения я не знаю. У них было три дочери: Александра, Любовь и Наталья. Наталья Михайловна — это моя бабушка по материнской линии. Тимрот Наталья Михайловна (в девичестве Смирнова) родилась в 1879 году в семье священника. Ей было только одиннадцать лет, когда умерла их мать. Оставшихся без матери девочек некоторое время воспитывала сестра отца тетя Пея. Затем отец определил дочерей: старшую Александру выдал замуж, среднюю Любу — в гимназию, а младшую Наталью — в Ионафановское училище, где воспитывались только девочки-сироты из семей священнослужителей. Училище называлось так по имени священнослужителя высокого сана Ионафана, создавшего фонд, за счет которого и существовало училище. Из него по окончании выходили учительницы и классные дамы. После окончания Ионафановского училища моя бабушка была оставлена при училище работать в качестве классной дамы. Да и ехать ей было некуда, так как отец после смерти матери, оставшись один, сильно затосковал, запил и вскоре умер. Бабушка моя еще с детских лет была знакома со своим будущим мужем по Торопову. Дмитрий Егорович имел серьезные намерения, и поэтому она ждала его, когда он служил в армии, несмотря на то, что мать его была против женитьбы на девушке из другого сословия. Но дедушка Дмитрий ослушался матери, и они поженились несмотря ни на что. Венчались тайно, романтично. Он приехал и ждал ее за углом училища. А она, как договорились, должна была перелезть через балкон. С помощью подружек она так и сделала. А тайно делалось это потому, что классная дама

не имела права связывать себя узами семьи. Но бабушка, фактически, выкрал её, и они умчались в церковь в Яковлевской слободе. А уж оттуда в Торопово, в новую жизнь. Это случилось в 1903 году. Ей было 24 года, ему — 23. Серьезные, любящие друг друга, они успели пожить счастливой жизнью почти пятнадцать лет — до самой Октябрьской революции. Жить при Советской власти стало труднее. У них она реквизировала все: землю, дом и всё, что в доме. Однако они не унывали. Они понимали, что это издержки революции, и к Советской власти относились пусть не уважительно, но лояльно. Дед считал, что для России тогдашней достаточно было февральской буржуазно-демократической революции. Но в политику он не лез, а держался от нее подальше. Бабушке было обидно за церковь, за священников, за свое сословие. Она справедливо считала, что священники верой и правдой служили народу, деля и ним радость и горе. Детей своих они не настраивали против новых порядков, хотя им всем постоянно приходилось увертываться от преследования властей за свое происхождение. Семья без сожаления рассталась с гувернанткой, учившей детей дома грамоте, немецкому языку и этикету. Учебу Дмитрия в гимназии прервала революция, но он всё же сумел окончить педагогическое училище в Ярославле. Младшие — Соня (т.е. Софья), Георгий и Аля (Александр) учились в городе Данилове в средней школе-девятилетке. Затем Александр учился на рабфаке, а потом в пединституте в Ярославле. Георгий в Москве в институте инженеров железнодорожного транспорта. А Софья, моя мама, после школы поступила в педагогический институт, но со второго курса была исключена «как дочь бывшего помещика, а значит классового врага». С таким ярлыком она и пошла работать в сельскую школу «сеять разумное, доброе, вечное». Удивительно, но факт, что все четверо без обид и каких-либо выживших честно трудились и служили на благо своего отечества. Георгий как звездочка вспыхнул и сгорел, показав пример преданности своей родине. После окончания института в 1942 году он получил специальность инженера железнодорожного транспорта и звание лейтенанта. Его направили работать по специальности в тыл. Но он попросился на фронт, добровольно и был направлен на юго-западный фронт в саперную роту. Советские

войска на участке фронта в районе города Валуйки отступали. Саперам роты, в которой теперь воевал Георгий, была поставлена задача — заминировать мост. Во время минирования саперы были остановлены наступающим неприятелем, но не с той стороны, где было сосредоточено прикрытие. В результате атаки противника часть саперов погибла, а часть из них попала в плен, в том числе и Георгий. Немецкое командование сразу предложило пленному специалисту работать в немецких инженерных войсках. Георгий отказался. После нескольких безуспешных попыток привлечь его на свою сторону фашисты стали морить его голодом. Георгий не сломался. Он умер голодной смертью, но родину не предал. Это ли не пример благородства, воспитанного в нём прежде всего родителями. Оба его брата, старший, дядя Митя, и младший, дядя Аля, тоже воевали, честно выполнив долг перед отечеством, только не перед «партией и правительством и лично товарищем Сталиным», как тогда принято было выражаться. Им они ничего не были должны. Бабушка с дедушкой так и не узнали о гибели Георгия, считая его пропавшим без вести. Бабушка Наташа в последние годы свои была невысокая и сгорбленная, но как всегда умная, спокойная, воспитанная. Она обладала божьим даром умиротворять людей. С нами одной семьей жили три женщины — три бабушки: Баба Варя — подруга бабушки, баба Люба — сестра бабушки, баба Катя — наша няня. Баба Варя ходила на протезе. У нее была ампутирована правая нога выше колена. Баба Люба, сколько я ее помню, была почти, а потом уж и совсем слепая. Баба Катя была приглашена в эту семью, когда мой дядя Митя был еще младенцем, а потом она нянчила и остальных троих. Она прикипела душой к хозяйке дома, к детям. А с приходом новых порядков после революции не ушла, а так и осталась жить вместе с нами, став родным человеком в семье. В Торопово каждое лето тянулись дети, внуки, племянники и прочие. И это при том, что дедушка не мог ходить. Он уже был прикован к креслу болезнью на много лет. Бабушка Наташа была воистину святой! Она скончалась зимой 1948 года и похоронена там же в Торопове, где похоронен и дедушка. Теперь, когда я хоть что-то надиктовала о моих бабушках и дедушках я могу надиктовать и о моих родителях. О своем отце мне почти нечего

добавить, ведь я не видела его ни разу. По рассказам мамы он был среднего роста, русоволосый, с темными, сходявшимися на переносице бровями. За тот год, что мама прожила с ним, она успела узнать, что у него был решительный характер. Он был крепким, физически сильным человеком. Когда они познакомились, он работал мельником на ветряной мельнице. А в последнее время, почти год, он работал налоговым инспектором. В тридцатые годы, одно время, существовал такой порядок, что для новорожденных выдавали в «Собесе» (отделе соцобеспечения) в городе набор «детское приданое». Мой отец и пошел получать его пешком 15 км в Ярославль по холодной январской погоде с плохо покрытой головой. Приданое он принес, но простудил ухо. Образовалось воспаление среднего уха, внутренний отит, перешедший в менингит, то есть воспаление мозговых оболочек. Такое заболевание всегда опасно, а по тем временам, да в деревне — смертельно опасно. Отец мой умер второго февраля 1933 года. Меня — свою дочь, он видел едва ли месячную, а я своего отца только на фотокарточке.

Моя мама, после смерти отца осталась со мной на руках в отцовском доме со своей свекровью — моей бабушкой Анной. Меня новорожденную нарекли Наташей в честь другой моей бабушки Натальи Михайловны. С первых дней судьба ко мне была не очень благосклонной. Меня малютку стала одолевать хворь, которую в деревне называют «Собачья старость». Однажды, воспользовавшись отсутствием мамы, бабушка Анна закутала меня в пеленки, затем закатала в тесто, словно начинку в пирог и посадила этот «пирог» в еще довольно жаркую русскую печь с помощью широкой деревянной лопаты, применяемой при выпечке хлебов. Через какое-то время вынула, осмотрела и снова в печь. И так несколько раз, пока не посчитала достаточным. Потом извлекла меня из «пирога», а корочки теста поломала и отдала собакам. Кажется варварский способ лечения. Но бабушка Анна знала, что делала. Она умела врачевать болезни. Я выжила и стала расти здоровым ребенком. И, пожалуй, не только здоровым, но и вполне счастливым. Судьба как — бы сожалела, что отняла у меня отца и что испытывала меня на выживаемость «собачьей старостью» и теперь одаривает любовью окружавшей меня родни. Надо мной «тряслись»

Фиса, сестра моего отца, и бабушка Анна, так что до мамы и очередь не доходила. Крестила меня бабушка Анна втайне от мамы. Мама весь день в школе — ребёночка можно окрестить, она и не хватится. Что и было сделано. Бабушка и тётя Таисия отнесли меня в церковь в Диево-Городище и благополучно окрестили. Затем довольные содеянным богоугодным делом торжественно шествовали домой. А по деревне бегала мама — где ребёночек?! Узнав, где бабушка, тётя и дочка, деланно огорчилась (попробуй не огорчись — где уверенность, что не дойдёт донос в РОНО). И только один бог ведал, как она благодарна бабушке за крестины. Когда я подросла, бабушка Анна (говорю это без преувеличения) выполняла любой мой каприз. Она варила мне еду персонально в маленьком чугушке и только так, как я хотела. У нее были внучки и кроме меня — мои двоюродные сестры, и внуки — Жоржик, сын Елизаветы (они приезжали из Ленинграда) и сын дяди Зиновия — Гриха. Но непрекаемым авторитетом, то бишь привелегиями, пользовалась только я. Тетя Елизавета не раз выговаривала бабушке Анне: «как Таля — так Талюха-милюха, а как Жоржик, так Егорка». Кстати в Ярославле принято от имени Наталья образовывать уменьшительное не Наташа, а Таля (девочка Таля, тётя Таля, бабушка Таля). Поэтому и я в детстве была не Наташа, а Таля. А для бабушки — Талюха-милюха. Я пишу об этом только для того, чтобы подчеркнуть ту ауру, в которой проходило мое раннее детство. В деревне дети не ходят, как городские, по тротуарам, а где им придумается, ходят и играют свободно. Мы с подружками любили играть за деревней возле пруда. Но именно этого пруда боялась бабушка. В год смерти моего отца, через какие-то полгода в этом пруду утонула ее дочь Анфиса. Потому пруд у неё ассоциировался с опасностью для меня. Чтобы наверняка отвратить меня от пруда, бабушка однажды распустила волосы перед лицом, на голову накинула длинный до земли половик и громко бормоча что-то побрела в нашу сторону с противоположного берега. С громким криком ужаса мы с подружкой бросились бежать в деревню к домам. А бабушка брела сзади не стараясь нас догнать. Я с воплями пробежала мимо крыльца своего дома, обежала его вокруг и к открытому окну, у которого сидел гостивший в Бортникове дядя Аля. Он схватил меня за

руки и втянул в окно, сам перепугавшись моих воплей. А подружка моя с испуги влезла под крыльцо, затаилась там, а потом уснула. Так что её нашли только к вечеру. Вроде бы грубоватая наука для пятилетних детей, но зато по-деревенски эффективная. Больше я к пруду гулять не ходила. В другой раз я разоблачила бабушкин маскарад. Дело было зимой. В доме сидели и разговаривали мама, бабушка, тётя Тася и тётя Липа. Мы с сестренкой двоюродной так расшалились, что они нас никак не могли унять. Тогда бабушка незаметно вышла в сени, а оттуда постучала и вошла в дом той самой «ведьмой» с половиком на голове до самых пят, а в руках корзина с мороженой рябиной — «А-а-а! Это же наша корзина с чердака и половик, вон его нету на полу. Это ты бабушка!» Разоблачение понравилось всем, а больше всего самой бабушке. Мне хорошо жилось в Бортникове. Там все уважали маму. И взрослые, и дети за её воспитанность, бескорыстие и образованность. Естественно, что отношение к ней переносилось и на меня. Бабушка Анна, конечно, баловала меня. А какому ребенку, скажите, не приятно, когда его любят и балуют? Во мне, я знаю, что-то осталось от бабушкиного влияния. Но образцом для подражания оказалась другая моя бабушка Наталья Михайловна — бабушка Таля. К ним в Торопово я впервые попала в возрасте двух с половиной лет. Это было летом 1935 года, во время маминого отпуска. Потом я каждое лето бывала в Торопове. Там встречалась вся родня по моей материнской линии. До войны туда приезжали кто пожить и отдохнуть, кто повидаться и помочь физически. Дядя Митя с детьми, мама со мной, Георгий и Аля. В доме всем хватало места и простой деревенской пищи. Все привыкли довольствоваться малым, тем, что составляло материальный достаток граждан Советской России. Дом, в который мы все приезжали, принадлежал дедушке с бабушкой, хотя он и был значительно скромнее их бывшего большого дома, Но он тоже был не избой деревенской, а просторным деревянным домом, какие раньше строили в городах. В нём две просторные комнаты, с достаточно высокими потолками, отдельная кухня, прихожая и мезонин, в который вела лестница с деревянными перилами и скрипучими ступенями, выдававшими каждого, кто поднимался на мезонин или спускался с него на первый этаж. В доме и мебель

стояла не деревенская: трюмо в резной оправе с полированным подзеркальником и резными ножками, комоды. Дедушкино кресло, раздвижной стол с множеством ножек, киот с иконами в простом и серебряном окладе — словом «остатки прежней роскоши». Много разных комнатных цветов, поддерживаемых бабушкиными стараниями, что делало дом уютным, а с точки зрения деревенских людей — «буржуйским». В Тороповском доме всегда царила атмосфера доброты и уважительного отношения его обитателей друг к другу. Здесь жила добродетель, воплощение которой была бабушка Таля. Когда заканчивалось лето, дедушка начинал отмечать в календаре, сколько ещё дней осталось до следующего приезда дорогих сердцу гостей — детей, внуков. А мы в свою очередь всю зиму вспоминали «золотые денечки», проведенные в Торопове и ждали нового лета, чтобы опять поехать туда.

Торопово окружает смешанный лес: ели, березы, ольха, рябины, черемуха и многое другое. В северо-западном направлении от нашего дома было небольшое поле, за ним лесок со странным названием «Куколка», а за ним, как бы отгородившись забором, начинается глубокий лесной массив «Ханино», который простирается на север и запад, чем глубже, тем глуше и непроходимее. Туда старались не ходить даже старожилы. Да и вокруг, куда бы не взглянул — всюду лес. Через Торопово, как и должно быть в классических поместьях, протекает речка Вожа, Она притекает из одного леса и утекает в другой. У нее, как и положено, один берег крутой. А другой пологий. По количеству воды, стоку, Вожа больше, чем ручей, но меньше, чем река. На перекатах она совсем мелкая, не выше щиколотки. Но местами, благодаря рельефу местности, образует бочаги с плавным течением воды, с заводьями и подкоряжными омутами там, где нависают деревья. Здесь рыбачили мои дяди Гоша и Аля. Они «ширяли» острогой под корягу и вынимали оттуда иногда налимов, иногда раков. Для перехода с берега на берег были устроены деревянные шаткие сооружения — пешеходные мосточки, так называемые «лавы». Прямо перед крыльцом нашего дома в мокрое время года разливалась «малая миргородская лужа», как её называл дядя Аля. И именно по ней проходила дорога, сплошь забросанная в этом месте хворостом.

Гать — да и только. Тороповские места изобиловали грибами и ягодами. Я, случалось, на какой-либо поляне ложилась на живот и, не вставая с места, объедала вокруг себя спелую землянику. Её бывало так много, что хватало наесться, не переходя на другое место. В августе 1938 года маму перевели работать в Давыдкоовскую школу. Давыдково — большое село, теперь районное. После войны (кажется в 1949 г.) его переименовали в Толбухино, в честь маршала Толбухина, родившегося и выросшего в этих местах. Но я знаю это село как Давыдково, где прошли четыре года из моего детства. Здесь за мной не было такого надзора, как в Бортникове или Торопове. Здесь я была предоставлена себе самой. Мама уходила в школу, я еще спала, а приходила из школы, я уже спала. Она мне оставляла еду, одежду и.... полную свободу. Чего только не случалось со мной за эти, от шести до десяти, лет. Но, слава богу, всё кончилось благополучно. Вот помню, пробегает мимо меня, совсем рядом, большая собака. Меня не трогает, зато набрасывается на девочку Люсю, дочь маминой подруги Евгении Семеновны. Укусила ее и побежала дальше, злобно рыча и воя. Говорили потом, что эта собака была бешеной. Может быть, пробегая мимо меня, она почувствовала, что эту девочку нельзя трогать — она привечает и кормит всех бродячих собак, и все собаки ее знают. Хотя бешеная собака вряд ли может думать. Просто меня бог уберег. В другой раз всё с той же Люсей играть в куклы мы устроились на берегу озера, где стояли причаленные лодки. Потом устроились играть на чистеньких скамейках лодки и не заметили, как слабым течением лодку унесло довольно далеко от берега. Как на грех нас заметил с берега мужик, местный сумасшедший. Он стал пробираться сквозь камыш с явным намерением добраться, доплыть до нас. Может быть в его затуманенной голове возникли светлые, добрые намерения — спасти нас. Может быть. А может нет — ведь сумасшедший. Однако, слава богу, заметил нас не только он. Нас уже разыскивали наши мамы. Им сказали в каком направлении видели нас, и они отыскивали нас и увидели нас в лодке и мужчину, приближающегося к нам. Евгения Семеновна не раздумывая сбросила с себя платье и — в воду. Моя мама бегала на берегу и ахала, она же, словно курица, не умела плавать. Кричать она тоже не могла,

боясь перепугать нас. Потом Евгения Семеновна говорила маме, что у нее была одна мысль: доплыть до лодки первой. Увидев ее, мужик повернул назад, вылез на берег и побрёл в село. Свобода, конечно, хорошо, да только не для несмышленишей. В Давыдове, на радость ребятам, была хорошая горка — длинный склон. На нем, наверно ползими, проводили все мальчишки и девчонки села. Мне кажется, что дети, которые не катались на санках в горки, чего-то не добрали в своем детстве. Я самозабвенно носилась с горки вниз, затем везу санки вверх и снова вниз. На самом конце спуска трамплин. Я лежу животом на санках. На трамплине ударяюсь подбородком, а то и губами об санки. Появляется кровь. Я прячусь под мост, чтобы не увидели взрослые, прикладываю снег к разбитому месту. А потом снова вверх и снова пузом на санки и вниз! Потом бреду домой. Скоро мама придет из школы. Буквы и цифры я выучила еще до школы и тоже самостоятельно. Мы с мамой квартировали сначала у одной женщины. У нее девочка на год старше меня, ходила в первый класс. Так мы вместе учили ее уроки. К началу моего первого учебного года в 1940 году я знала все буквы и даже пыталась писать. От первого класса у меня остались приятные воспоминания. Учителем у нас был пожилой, лысый, добрый мужчина. Я легко усваивала все, чему он нас учил. Он хвалил меня и ставил в пример, хоть это мне совсем не нравилось. Жилось мне легко и радостно. Но все резко изменилось уже к осени 1941 года. С начала войны сразу нарушился привычный ритм жизни. Люди неожиданно оказались без продуктов питания, и без достаточного топлива. Зимой стало холодно, а к весне — голодно. И фронт, хотя и был от нас достаточно далеко, но немецкие самолеты долетали и до нас. Они бомбили жел. дор. станции, в том числе и ближайшую к нам станцию «Уткино». Залетали и к нам и обстреливали улицы. Жить стало тревожно. Весной 1942 года все люди стали сажать на частных огородах картошку и овощи. Стали заводить скот, кто козу, кто корову. Мама тоже купила козу и посадила огород. Маме предоставили двухкомнатную квартиру. Не знаю, как сложилась бы наша дальнейшая жизнь в Давыкове, но приехал к нам дядя Митя и сорвал нас с места. Может быть верно утверждение: «Что ни делается — все к лучшему». Вместо ушедших на фронт

мужчин-учителей, нагрянули из Ярославля уклонисты от армии, всякие приспособленцы. Они начали бессовестно выживать из школьных квартир семьи ушедших на фронт учителей. Притесняли учительниц и подличали. Так что, может быть и лучше, что мы уехали из Давыдкова в село Вятское. После дорогих моему сердцу Бортникова и Торопова, прекраснейших уголков Ярославского и Даниловского районов, село Вятское Некрасовского района мне показалось каким-то лысым и не интересным. Там поблизости не было ни леса, ни какого-нибудь водоема. Две школы стоят в конце села, на отшибе. В Вятском мы с мамой влились в семейство дяди Мити, когда его взяли на войну. К ним уже перебрались из другой деревни дед и бабушка — родитель дяди Митиной жены тёти Таси. Получилась семья из восьми человек. Там я уже не имела ни того внимания, к которому привыкла в Бортникове, ни той свободы, какую имела в Давыдове. Электрического освещения там не было. Темными зимними вечерами зажигались керосиновые лампы, а потом и это стало роскошью. Перешли на коптилки, как, впрочем, и вся страна. Я помню наши шествия на ужин в темноте. Впереди всех идет дед с коптилкой, за ним бабушка с самоваром, за ней тётя Тася с Женькой на руках, за ней мама с какой-нибудь едой, за ней Маргарита с книгой и замыкали шествие мы с Зойкой. В шутку мы это шествие называли: «Торжественный выход». Надо отдать должное тётке Тасе — у неё был неунывающий характер. В долгие зимние вечера она устраивала какие-то настольные игры, разные гадания или просто игру в карты. Ну и конечно чтение книг вслух для всех. Не надо забывать, что у нас была учительская, начитанная среда. По меркам военного времени считалось, что у нас в доме есть мужчина. Имелся ввиду дед. Он в самом деле то валенки подошьет, то топорщице насадит, пилу направит, коптилку соорудит, крупорезку изготовит из чурбаков и осколков чугунок, то есть выручал опыт и мастерство. В 1944 году приехал с фронта раненый в ногу дядя Митя. Дед с бабкой уехали в свою деревню. А весной 1945 года закончилась война. Пришёл день Победы 9-е мая. Это был не просто день окончания войны, а день великой Победы Советского народа над фашизмом. Победа, завоеванная ценой великих потерь. В этот день было такое

чистосердечное ликование, какого не бывало в течение нашей жизни ни до, ни после него. Я помню, как в это утро, ещё совсем рано, к нам в окно громко забарабанили, как наверно барабанят при пожаре, За окном стояла в ночной рубашке наша учительница. Она улыбалась и кричала: «Вставайте, Победа! Победа!» и как ребенок побежала дальше вприпрыжку, дальше будить других. За несколько минут все село было на ногах, а уж к одиннадцати часам гудело невообразимое веселье. Пели гармони, пели взрослые и дети. От избытка чувств люди то обнимались, то вместе плакали. Скрипели не переставая качели — взлетали и падали, взлетали и падали. Я больше никогда не видела никого всенародного ликования.

Летом 1945 года дядя Митя с семьей переехали жить в Ярославль. Мы с мамой, зачем-то, тоже поехали вместе с ними. Наверно летом сорок пятого года дул сильный «ветер перемен». Маме предоставили работу в другом конце города, а квартиру дали здесь же за Которослью, где разросся более поздний Ярославль, этот район называется почему-то «Перекоп». В те годы в городах школы стали разделять на женские, где учились одни девочки и мужские, где учились одни мальчики. Я приходила из школы и шла за хлебом по улице примерно полкилометра, затем по мосту через Которосль, затем по площади Подбельского в хлебный магазин, к которому были прикреплены наши хлебные карточки. По возвращению домой делала уроки. Мама возвращалась из своей школы когда я уже спала. Нам очень трудно жилось в 1947-46 годах. В это же время у нас назревали изменения, связанные с семьёй Афанасьевых. Весной 1947 года мама вышла замуж за Алексея Ивановича Афанасьева. Приближался очередной учебный год. Я, конечно, хотела учиться дальше в восьмом классе, а потом мечтала поступить в институт и стать учительницей. Но это наше с мамой желание отверг Алексей Иванович. Он решил, что в это трудное время надо идти учиться в техникум. Мне и Павлу. Там будет стипендия, а это какая — никакая прибавка к семейному бюджету. Павел сдал свои документы в автомеханический техникум, а меня позвали с собой подружки в химико-механический техникум, толком не зная, на кого там учат. Вступительные экзамены я сдала успешно. Меня спросили, на какое отделение хотела бы

я пойти. Я только пожала плечами: «не знаю, мне все равно». Меня зачислили на отделение химиков-аналитиков. Наш техникум, как оказалось, выпускал специалистов для производств, где получают синтетический каучук и превращают его в продукцию, например, в автомобильные шины и т.д. Специалисты требовались в разные города страны, но в основном в самом Ярославле на завод СК, шинный и сажевый заводы. В технике я училась успешно. У меня появились подружки Соня Егорычева, Зоя Оборина и другие. Все четыре года я была старостой группы. Я с большой теплотой вспоминаю наш техникум, своих однокурсников, наши техникумовские вечера.

Летом 1948 года мама и Алексей Иванович уехали из города в деревню «Иваньково», являющуюся частью села Медягино, а точнее колхоза «Горшиха», где Алексей Иванович стал работать зоотехником, а мама учительницей в школе. С собой они взяли Вадима, а затем через два года еще и Юрия Соломонова на воспитание, так как у них умерла мать (сестра Алексея Ивановича), а отец Юрия был безвольным, не способным воспитывать мальчишку. А я оставалась в Ярославле у старшей сестры Алексея Ивановича, в чужой для меня семье. Теперь я редко виделась с мамой. Она в деревне, я в городе. Мама с Алексеем Ивановичем усыновили Юрку. Теперь и она, и Юра стали Афанасьевыми. А я осталась Ломтевой.

После окончания техникума я получила направление в городе Ярославле на сажевый завод, в лабораторию. Однако в одночасье все изменилось. Одна из моих однокурсниц очень не хотела покидать Ярославль и поэтому вдруг «заболела». А направление имела как раз в закрытый «Сред.маш». В комиссии по распределению нас поменяли местами т. к. опаздывать в «Сред.маш» нельзя. Меня направили в Москву в Сред.маш. А куда дальше неизвестно. В Москве меня встретил дядя Аля, чему я была страшно рада. Он как-то сразу вселил в меня уверенность в себе. Теперь меня не пугала неизвестность, тем более, что я еду не одна, а нас четверо из одной группы. Пока я проходила мед. комиссию и оформление, я жила у дяди Али. У него я познакомилась с Софьей Андреевной Толстой, внучкой Льва Толстого. Она в то время была женой дяди Али. Через неделю мы покинули Москву. Нам надо ехать через Ташкент

в Ленинабад. А что дальше мы пока не знали. Мы — это Соня Егорычева, Нина Дербенева, Таня Демченко и я.

В Ленинабаде нас поселили в дом к таджикам. Где мы прожили целую неделю. Нам многое было здесь в диковинку: и маячившие вблизи горы и яркие наряды таджичек и странные одежды мужчин — не свежие белые без ворота рубахи и штаны, тоже белые, больше похожие на кальсоны, и тюбетейки на головах у всех. Прошла неделя, пошла другая. Мы без дела бродили по городу, по базару. Восточный базар это совсем не то, что у нас в Ярославле. Здесь все так ярко, шумно. Горы всякого винограда, арбузов, яблок и груш и прочих диковинок. Оказалось, что нас задерживают в Ленинабаде потому, что ждут еще одной партии специалистов. Чтобы вместе отправить нас далее в предприятие, называемое «почтовый ящик №200». И вот мы едем к месту работы, сначала поездом, но на сей раз в товарном вагоне до станции Андижан. Там нас посадили в кузов грузовой машины. Кроме нас химиков из Ярославля, едут парни из Уфы, какие-то геофизики-нефтяники. К месту назначения приехали ночью. Разместились в большом зале учебного комбината. Всем дали по матрацу, одеялу и подушке. Прожили мы в этом помещении три дня. Попали как раз на «день шахтера». Мы не понимали при чём тут «день шахтера». На третий день пребывания нас вызвали в отдел кадров и в «первый отдел». Нам объяснили, что мы будем работать на заводе по извлечению урана из урановых руд, добываемых в рудниках предприятия п/я №200. Что это секретное производство, а потому мы должны дать подписку о неразглашении гос.тайны, которую нам доверяют и об ответственности за нее в случае разглашения. Мы в один голос запротестовали и потребовали отправить нас обратно. Но увы, с нами об этом никто даже не стал разговаривать. За три дня, что мы провели в уч.комбинате, мы познакомились с теми ребятами, которые приехали вместе с нами, геофизиками Инкиным Леонидом и Николаем (он же Назим) Вильдановым. Поселок, куда нас привезли, называется «Майли-Су» по названию горной речки. Несколько позже поселок переименовали в «Майли-Сай». Кругом были красивые зелёные горы, чуть дальше и выше снежные вершины. Мы сразу же отправились гулять и изучать окрестности. И были приятно удивлены, что там росли

фисташки. Грецкие орехи и дикие яблоки. Но гулять по горам оказалось совсем даже не просто. Вдоль реки по обоим берегам множество хибарок, неизвестно из чего слепленных. А в них жили ссыльные люди — рабочие шахтеры со своими семьями. Это были немцы (российские с Поволжья), крымские татары, молдаване и русские П. Ф. Эл. — репрессированный люд. Нас химиков (молодых специалистов) поселили в поселке «Кугай» (это часть Майли-Су), чуть выше промплощадки под названием Сары-Бия, в добротный двухэтажный дом со всеми удобствами. Кугай состоял из девяти таких домов. Здесь жили заводчане. Ребята зауживали а нами еще в уч.комбинате. И теперь их не смущало, что до Кугая надо топать пять километров, и они довольно часто приходили к нам, а выходные целиком проводили у нас. Мне больше других их них нравился Лёнька, который работал теперь в руднике в самом Майли-Су. Осень здесь оказывается долгая и теплая. Мы приятно проводили время, и наши отношения с Лёней становились все более доверительными и теплыми. Но осень брала свое. Пришли холода. Не морозы. Но холодные затяжные дожди. Дороги расквасило. Грязи по колено. Лёня приходил заляпанный грязью до пояса, так как месил эту грязь от Майли-Су до Кугая. Я работала сменным мастером по сменам, то днем, то вечером, то ночь. И тоже месила грязь по дороге, хотя от завода до Кугая было в три раза ближе, чем до Майли-Су. Видеться мы стали редко. Лёнька приходил усталый, озабоченный какими-то своими делами. В середине декабря, когда он в очередной раз пришел ко мне, я порвала с ним нашу дружбу, не поинтересовавшись даже, как у него складываются дела по освоению незнакомой ранее аппаратуры для измерения радиоактивного излучения. Я и не знала, что он ежедневно подвергается облучению жестким гамма-излучением от радиевых эталонов, применяемых для градуировки радиометрической аппаратуры. В те годы ускоренного развития добычи урана, на рудниках и заводах никто толком не знал, сколь опасен сам уран, а особенно продукты его распада, в частности радий как источник жесткого гамма-излучения. Тогда я не предполагала, как глубоко ранена его любовь ко мне, ведь это была его любовь, а не моя. Здешний завод удивил нас (Ярославских химиков) своими скромными объемами,

по сравнению с (например) Ярославским СК. Гораздо позже мы поняли, что бывает «мал золотник — да дорог». Постепенно я освоилась на заводе, поняла весь цикл выщелачивания урана из руд, весь технологический цикл от дробления и размалывания руды, и превращения ее в пульпу и до извлечения урановых окислов, до получения твердых солей урана. Менялись мои представления о специалистах и о людях вообще. На заводе было много случайных и бесполезных людей на ИТР должностях. Остро не хватало грамотных технологов — химиков. Руководителями цехов и участков работали практики. Они часто делали грубейшие ошибки, приводившие к потерям извлекаемого компонента. А так же к ошибкам по Т.Б., приводившим к несчастным случаям, маскируя незнание и безответственность хамством и обманом. Работать в подчинении у таких было очень трудно. Летом 1952 года я ездила в первый свой трудовой отпуск, домой в Ярославль. Все это время в душе моей, в подсознании, росло недовольство собой из-за разрыва отношений с Лёней. Я вспоминала его чистую любовь ко мне и корила себя за то, что отвергла его. Сохранил ли он чувство ко мне — Боюсь, что нет. Девчонки говорят, что он очень трудно переживал разрыв со мной. Долго ходил грустный и до сих пор ни с кем никаких новых знакомств не заводил. К нему приехали его родители и брат. Он получил квартиру. Говорят он активно осваивает свою новую специальность — радиометрию. Он же геофизик-нефтяник. А тут, как и у нас, совсем другой профиль. День становился короче. Приближалась осень. Прошел год, как мы приехали в Майли-Су. Однажды Нина Дербенева встретила Лёню и пригласила его на поляну, где мы по вечерам играли в волейбол без сетки, или просто гуляли перед заходом солнца. Здесь я снова встретила его, моего Лёню. Он все так же любил меня. Наверно даже больше — нежнее. Хорошо быть любимой. Мы с Лёней решили, что дальше пусть он пишет о нас обоих. Мы стали единым целым. Надеюсь — навсегда.

*Вверху: Софья Дмитриевна, Наталья Геннадьевна, Леонид Семенович в сквере клуба ЯПРЗ г. Ярославля во время очередного трудового отпуска. 1964 год
Внизу: Наталья Геннадьевна, Леонид Семенович, дочь Марина, сын Андрей Инкины.*

*Фотография на стр. 138: Инкин Леонид Семенович и Ломтева Наталья Геннадьевна незадолго до свадьбы, 1952 г.
Фотография сверху: Леонид Семенович и Наталья Геннадьевна через 50 лет в 2002 г.*

НАХОДКА

Бадалов Алексей Федорович, родился в деревне Новоселки в 1926 г. Подростком работал пастухом, 17-и лет, в 1943, был призван в армию. В первом бою, под Ровно, был ранен. После госпиталя работал на военных заводах в Вологодской, Ярославской, Московской областях. В 1947 был демобилизован, вернулся на родину. Сейчас — последний житель Новоселок.

Где-то в 1965 году в Кирехоти производили ремонт зернохранилища, устроенного в бывшей церкви. Там провалился пол, и во время ремонта обнаружили чугунную плиту. Плита помешала, и ее выкинули на улицу.

«...Гусеничные трактора ходили вокруг церкви, привозили зерно. Я подъехал на машине — у меня был УАЗ — прицепил плиту и потом тянул полдня из рытвины. Выдрал, приволок сюда. По сей день она у меня лежит, хранится...»

Судя по надписи, это плита с могилы Ивана Матвеевича Власьева, деда Екатерины Сергеевны Власьевой, в замужестве Кругликовой (супруги Ивана Венедиктовича Кругликова).

Как следует из книги Г. А. Власьева «Род дворян Власьевых» (СПб, 1905), отец Ивана Матвеевича — Матвей Лаврентьевич Власьев, погиб в 1703 году во время Северной войны при осаде Ругодива*. Сам Иван Матвеевич начал службу в 1719 году солдатом лейб-гвардии Семеновского полка, в 1724 — фурьер, в 1726 — каптенармус†, 1727 — сержант, 1733 — адъютант капитанского ранга, 1739 — майорского ранга, 1741 — подполковник, в том же году произведен в полковники, 1755 — генерал-майор, 1763 — генерал-поручик, в этом же году вышел в отставку. Жена — Прасковья‡ Матвеевна, рожденная Севрюкова. Владения в Ярославском, Романовском, Галицком уездах.

И из документов церкви села Кирехоть следует, что, по крайней мере, с 1764 года Иван Матвеевич жил с сыном Сергеем в сельце Василёво Романовского уезда, где и умер. В метрической книге упомянутой церкви сохранилась запись о смерти («чахоткой») *генерал-поручика сельца Василёва Ивана Матфеевича Власьева 23 марта 1779 года.*

---

* Ругодив — старое название Нарвы.

† Каптенармус — унтер-офицер, заведующий снаряжением и одеждою нижних чинов в роте.

‡ По исповедной росписи 1839 г. — Ненила

Подъ сию доскою лежитъ
 тело покойнаго генералъ порѣтчика
 Павла Матвѣевича Власьева Онъ родил
 ся въ 7200 годѣ находилса въ воин
 ской службѣ съ 1719 годѣ лейбъ гвардіи
 съ 1733 годѣ при генералѣ аншефе Ыша
 кове флігель адъютантомъ съ 1739 годѣ
 при немъ же генералѣ адъютантомъ съ 1741
 годѣ подполковникомъ тогожь годѣ пол
 ковникомъ съ 1748 годѣ бригадиромъ съ
 1755 годѣ генералѣ майоромъ в отста
 вкѣ 1763 года генералѣ порѣтчикомъ
 скончалса 1779 годѣ марта 23 дня
 тѣзонименитѣ былъ сентября 26 ита
 ко летѣ житиѣ ево было 83 года 5^(*)
 мцевъ 28 дней тело ево погребено Го
 мановскаго ѡездѣ что на Волге ѡ при
 ходѣ Рождества Богоматери
 на Кирехоти въ пределе Николаѣ
 Чудотворца противъ самы
 хъ царскихъ дверей

---

* По-видимому, опечатка. Судя по дате рождения и по метрической
 книге церкви села Кирехоть следует читать 85 лет.

НЕОКОНЧЕННАЯ БИОГРАФИЯ ВАСИЛИЯ ПАВЛОВА

Павлов Василий Григорьевич. С детства работал в селе. Служил в саперной части под Курском. Окончил Московский горно-взрывной техникум. Работал. Во время ВОВ мобилизован в оборонительное строительство. После войны живет в Данилове, дорожный мастер. А в 1947 году осужден на 7 лет. Срок полностью отбывает в Котласе. Возвращается домой в 1954 году и вскоре, в 47 лет, умирает от чахотки. Похоронен на Даниловском кладбище.

Я, Павлов Василий Григорьевич, подданный СССР, родился 2-го марта 1907 года в деревне Пугино Борисовского сельсовета Даниловского района Ярославской области. Родители мои: отец – рабочий, отходник, связанный с сельским хозяйством в деревне, а мать – домашняя хозяйка, которая по летам работала в семье отца, а по зимам ездила в город к отцу. Хозяйство отца до революции было среднее благодаря поддержке отца, а после революции и после раздела в 1918 году с его братом и сестрой (с моими дядей и теткой) хозяйство стало маломощным, а именно: 7 га пахотной, укосной и зарослевой земли, одна корова, 1/2 старого дома, 1/2 сарая, 1/2 овина, 1/2 амбара, без лошади и без плуга. После некоторого времени к 1924 году хозяйство отца окрепло и стало середняцким.

Я рос и воспитывался в семье отца, помогал в работах по хозяйству, а в 1918 году окончил 4-х классную сельскую школу. После окончания школы я продолжал жить и работать вместе с отцом, матерью и сестрой до 1929 года.

В 1929 году я был взят на службу в Кр. Армию, в отдельную саперную роту 55 стрелковой дивизии в г. Курск. После демобилизации из армии в 1931 году я поступил на работу в Московское производственное отделение треста «Союзвзрывпром» на должность взрывника, а затем начальника участка взрывных работ, и работал до 1932 года. В 1932 году отдел «Мосвзрывпрома» командировал меня на учебу в Московский горно-взрывной техникум, который я закончил в г. Шостке Черниговской обл. УССР в 1936 году. После окончания учебы я был назначен в производственно-экспериментальное управление (ПЭУ) треста «Союзвзрывпром» на разъездную работу, на должность техника, а потом – старшего техника.

В 1939 году я женился, получил комнату от треста и работал в ПЭУ до ноября 1941 года. В ноябре я уволился из ПЭУ и уехал в дом отца, в г. Данилов Ярославской области. Там с 1-го июня 1941 года находилась моя жена с сыном, а отец жил в Данилове с 1934 года – после ликвидации хозяйства в деревне, в колхозе.

В ноябре 1941 года я поступил на работу в Даниловский леспромхоз МТП, где работал и отец, – на должность мастера обозостроения. Там работал до 5-го июня 1942 года, когда был мобилизован в 20-е Управление оборонительного строительства (УОС). В 20-м УОС я служил на должностях прораба взрывных работ, а затем заведующего базисным складом взрывчатых веществ – сначала в г. Валдай Ленинградской обл, а затем в г. Вышний Волочек Калининской области. 15 октября 1945 года я демобилизовался и приехал в г. Данилов, где отец умер за две недели до моего приезда – 1-го октября. В Данилове поступил на работу в качестве дорожного мастера в ДЭУ 195, строительства дороги Ярославль – Вологда, где и работал до момента ареста меня 28 сентября 1947 года.

Такова моя, даже, пожалуй, чересчур подробная, автобиография, уместившаяся на двух страничках и очень похожая на многие тысячи таких же биографий многих советских людей. Но такая биография ровным счетом ничего не говорит ни уму, ни сердцу о воспитании человека, переживаниях, наклонностях и вообще о всех тех тонкостях характера, которые делают его так не похожим на других людей. С такой биографией человек похож на всех — в массе, в толпе, в строю и т. д. Индивидуальности, особенности каждого человека могут быть поняты только при ознакомлении с его окружением, средой, условиями, в которых он жил, рос и развивался — не только в период формирования характера, но и раньше, и позднее. Вот поэтому мне и хочется написать автобиографию более подробно, но без увлечения литературностью, т. е. внешней формой, а также и не впадая в другую крайность — копание во внутренних переживаниях и чувствах. Это была бы психологическая исповедь человека, интересная, быть может, только для психиатров. Я же пишу в надежде, что ее прочитают мои дети, когда вырастут взрослыми, а поэтому она для других людей вряд ли представит интерес, именно из-за отсутствия литературной формы. Ах, как мне хотелось бы прочитать что-нибудь подобное после отца или дедушки!..

Хотя общераспространенно, что о человеке нельзя судить по тому, что он о себе думает, но разве не встречались в жизни случаи, когда человек, за которым в народе прочно установилась какая-нибудь крайне нелестная для него репутация, при знакомстве с вами производил на вас совсем не то впечатление, какое ему приписывает людская молва? Совсем как засоренный источник — эта людская молва. Подойдите к нему: и напиться нельзя — вода ржавая, мусор; но попробуйте осторожно удалить этот мусор, расчистить немного ил и песок, и вот уже забила чистая, живая струя, которая утолит вашу жажду в жару лучше, чем хваленые прохладительные напитки. Очевидно, что любое заключение о человеке (да и вообще о чем угодно) надо выносить после знакомства с ним и принимая во внимание как то, что говорят о нем люди, так и то, что говорит он о себе сам. Есть также поговорка: «Судят по делам, а не по словам». Но есть и другая — «Всякая пословица к месту

молвится», а поэтому надо определить: являются ли дела правилом или исключением. Ведь исключения не составляют правила, а поэтому шаблон к измерению людских поступков неприменим. Поступки — не физические тела, а поэтому дурные от хороших нельзя отделить, скажем, на ветру (как зерно от мякины), а необходим сложный процесс умственного взвешивания, анализа и сортировки, и только тогда можно решительно сказать о поступке в положительную или отрицательную сторону. Конечно, такая скрупулезность просто не нужна в мелочах, но когда от этого зависит репутации или судьба человека, то она не только нужна, а и обязательна, — ведь люди, кадры — самое главное и самое ценное в обществе.

«Поседелые в приказах» люди обычно говорят, что раз дурной поступок совершен, то налицо и вред от него, а поэтому неважно — по злой воле или под влиянием среды, стечения обстоятельств он совершен; во всех случаях он подлежит наказанию. Для социалистического общества, мне кажется, такой принцип не должен иметь места. Ведь от дурных или хороших поступков людей имеются какие-то последствия для общества, вот они-то и должны влиять на решения по этим поступкам. Поступок злой воли должен быть наказан, и это одна из мер к исправлению. Поступок из-за дурного окружения и слабой воли должен быть прощен (по крайней мере, в первый раз) или применены меры воспитательного порядка, чтобы совсем не вытолкнуть такого человека из общества по наклонной плоскости морального падения. Слишком уж бросается в глаза дарвиновский закон естественного отбора — приспособленное умирает, падает, догнивает, очищает место другим... А ведь на человека не должен распространяться этот закон; человек, вооруженный передовыми идеями и твердой волей, живет по принципу: «...сознание определяет бытие», даже если он физически является хилым и слабым. И общество никогда не останется в обиде: история знает великих людей слабого и хилого сложения, но с огромным умом и могучим талантом, буквально облагодетельствовавших человечество, и, наоборот: целая масса людей атлетического сложения были только посредственностями... Но у меня получается уклонение не в литературу, а в философию, а поэтому — ближе к делу.

Родился я 17 февраля ст. ст. 1907 г. в деревне Бугарево Романовского уезда Ярославской губернии, в доме моего дедушки Тимофея Герасимовича Лобанова, куда мать моя пришла на роды, как это было у нас принято, в дом своих родителей, из деревни Пугино, Халезевской волости Даниловского уезда. Пугино раньше находилось на границе Даниловского уезда с Романовским, а впоследствии, при советской власти, Даниловский район включил в себя и часть Тутаевского района (Романовского уезда). Пугино находится от Бугарева в 2,5—3 км. Дорога идет от Бугарева через небольшой лесок — Сычево — дальше через поле и д. Загребино, лаву через речку Ухра, полями д. Мишутино, граничащими с полями Пугино. Сколько раз я в детстве бегал по этой дорожке! Сама д. Бугарево расположена была на небольшом польце, ограниченном с трех сторон лесом, через который пролегали в три стороны дороги — на д. Усово, Загребино и Новенькое, а с четвертой стороны польцо ограничивалось болотом, переходящим в лес, но уже без дорог.

Деревенька состояла из 8—9 домов, расположенных беспорядочной кучей; дом дедушки Тимофея был крайний, старинной громоздкой постройки. В ряд стояли, стена в стену, две большие избы, из них одна пятистенная. Над ними громоздился большой мезонин. Наличники, карнизы, слуховое окно и балюстрада мезонина были украшены затейливой резьбой и раскрашены. Сзади изб раскинулись обширные сени, а за ними горенки, чуланы и кладовые, и все огромных размеров. Под этими чуланами и горенками помещались просторные помещения для скота, иногда довольно низкие, а также теплые омшаники для овец. Все это громоздкое сооружение было покрыто крутой и огромной крышей из дранки. Дом производил большое впечатление своей величиной, но был далек от удобств именно вследствие своих размеров и был чистым мучением для баб в дни праздничных уборок, а впоследствии и для мужиков, когда его от старости начало косить и коробить, и стены начали выпирать и вовнутрь и наружу. Но таков был стиль той эпохи, и таких домов в округе было множество, и главный аргумент постройки: нужно, чтобы в доме «убежища» было много, чтобы и свадьбу справить, и праздник собрать, и гостей принять где было; «не в люди же итти».

Из хозяйственных построек было: два больших сарая, сеной и кладовой, амбар и овин с нагуменником. За домом был расположен огород, занятый не столь грядками, как кустами черной и красной смородины, крыжовника и малины, а перед домом был расположен сад, где росло десятка полтора больших яблоней, посаженных без порядка еще матерью в детстве, а также с десятков хороших черемух. Яблони были непривитые, но семена — от хороших сортов, а поэтому яблоки были крупные и сладкие, а, главное, всегда доступные для многочисленных внуков дедушки Тимофея. Хозяином этого дома был мой дедушка (дюдя) Тимофей и его сестра Матрена Герасимовна.

Дедушка Тимофей был старый человек, помнивший в детстве крепостное право и его отмену, а умер он в 1931 году. Он был неграмотный, но обладал живым умом и горячим темпераментом, любил слушать чтение книг и газет, и сам разбирался во многом — прекрасный собеседник. Роста он был чуть выше среднего, стройный, одевался аккуратно. Лицо его было чисто русского типа, чем-то напоминающее Николая Угодника хорошего письма, веселое, приветливое, обрамленное небольшой русой, курчавой бородой и такими же волосами, которых с переду не было — обширная плешь. Он не курил, пил мало и только по праздникам и, кажется, никогда в жизни пьяным не бывал. Его страсть была — часы, а в молодости — охота и ружья. Он был хороший хозяин, знал и любил крестьянские полевые работы, но особенно любил работы в лесу: пилку дров и бревен и извоз — дальние поездки в города Рыбинск, Романов, Ярославль, а поэтому часто нанимался к торговцам соседнего торгового села Горинское на перевозку льна, овса, корья и обратно — товаров. Что касается работы по дому и по двору, то он ее не любил из-за непоседливости своего характера, а поэтому большого порядка в сарае, дворе и в инвентаре и упряжи у него не было — все было сделано наскоро, «на мах». В молодости он ходил работать пильщиком, а под старость точил веретена. Своей энергией и работой он из бедности в молодости добился в средние годы достатка и воспитал большую семью. Но земли было мало, и ему приходилось арендовать ее, покупать сенокосы, в общем — изворачиваться.

Его старшая сестра Матрена — неукладимая работница у печи и по дому — старая дева — своего характера не имела и во всем подчинялась своему брату. Кажется, во всю свою жизнь она не имела своих радостей, а только обеспечивала радость других да расточала свою любовь на чужих детей, потому что своих не имела. И все принимали это, как должное, ничего не давая взамен. Дедушка овдовел очень рано и остался с кучей детей: 4 сына и 4 дочери, из которых только одна умерла ребенком, а остальные все выросли и оставили огромное потомство. Не желая приводить детям мачеху, дедушка не женился больше, а вырастил весь выводок с помощью сестры и моей матери — старшей его дочери.

В общем, его огромный дом в свое время шумел и гудел, как улей. Кроме упомянутых, в нем жили старая теща дедушки и сестра его жены — бабушка Авдотья Митревна... «Но вот пришло время, — говорит моя мать, — зашла я в родной дом, а в нем пусто и тихо, как в могиле: одна Матрена сидит на печке и прядет, да старый кот возле нее жмурится».

Из-за малоземелья старший сын Яков 12-летним мальчиком был отправлен в Питер к торговцу Тухтину в мясное отделение, и 4 года прожил у него бесплатно, а после работал у него же. В деревню приезжал по летам погостить недели на две, да в зрелые годы приезжал жениться. Росту он был высокого, плотный здоровяк, с румяным открытым лицом, не курил, но любил выпить и знал меру. Спокойный, умный, уравновешенный человек. Незадолго перед империалистической войной завел собственную бакалейную торговлю. После революции работал мясником в системе торговой сети. Попал под бомбежку на ст. Дно при эвакуации из Ленинграда в 1942 году.

Второй брат его, Василий, впоследствии поступил к нему же в отделение, окончил ученье в мальчиках и работал до призыва. Был взят в Балтийский флот и остался на сверхсрочную службу, женился в деревне, был переведен в Архангельск шкипером. После революции продолжал работать в Архангельске и умер в 1943 году. Два его сына связали свою жизнь с флотом: один штурман дальнего плавания, другой — на рыболовном траулере. Дочь — инженер-лесотехник.

Третий брат Иван тоже был определен к Тухтину в зеленое отделение, но после недолгой работы и военной службы, в начале революции вернулся в деревню, женился и стал жить и работать в деревне. Красивый, умный, начитанный — он постоянно вращался в активе района и сельсовета, работал на выборных должностях: председателем мол. артели, сельсовета, члена сельсовета или волисполкома, в различных комиссиях и т. д. Веселого нрава, курил и любил выпить, и часто через меру.

Четвертый — самый младший брат — Федор был определен в мальчики в мануфактурный магазин Грудинкина на Невском. К Октябрьской революции успел только закончить (обучение), а затем вместе с совучреждениями переехал в Москву и работал в системе Моспотребсоюза, сначала в торговой сети, а затем в строительном отделе инженером-экономистом. Умный, интеллигентный и воспитанный человек, он своих детей не имел, сделал впоследствии для меня много хорошего и любил, как сына. Погиб в 1941 году в боях с немецкими захватчиками — добровольцем в рядах народного ополчения.

Из дочерей первая вышла замуж моя мать — Анна. Следом за ней ее сестра — Марья Тимофеевна вышла замуж в соседнюю деревню Зазирки за человека моложе себя, Михаила Ивановича Перекатова. Это был не совсем удачный брак — сосватанный. Из-за него М. Т. пришлось расстаться с любимым человеком. Вышла замуж против своей воли, о чем она не перестает вспоминать всю жизнь. Муж ее оставил с тремя детьми и был взят в солдаты. После службы в побывку оставил четвертого и был мобилизован в империалистическую войну, затем — длительный плен в Австрии. И все это время М.Т. билась, как рыба об лед, воспитывая ребят и содержа глубокого старика свекра.

Последняя сестра — Аксинья Тимофеевна, моя крестная, вышла следом за сестрами замуж за Ивана Алексеевича Потемкина, прекрасного человека, хорошего столяра из д. Борисково.

Я пишу об этом так подробно, потому что с этими людьми у меня связаны как первые воспоминания детства, так и

юношеская жизнь, а особенно с домом дедушки Тимофея. В нем я бегал, как в своем собственном, а впоследствии, научившись грамоте, я унес из мезонина целую кучу изъеденных мошками книг: тут были красочные военные плакаты времен японской войны, и «матрос Петр-кошка», и «Япанча татарский наездник», и «Гуак», и церковно-славянские учебники, и «Жития святых», и чего-чего только не было после целого поколения учившихся ребят. Тут же в куче хлама я отыскал старый заржавленный ствол маленькой шомпольной одностволки, к которой сам сделал ложу. У меня и сейчас в памяти крупный тяжеловоз кобыла «Опира», которая жила у дедушки лет 20 и обрабатывала поля не только свои, но и многочисленного потомства, а также корова «Белянка» — крупная черно-пестрая корова, которую дедушка держал до 17 отелов и которую доили до 4-х раз в сутки, и каждый раз по ведру жирного, густого молока...

День на 4-й мать моя переехала в Пугино — чистую и аккуратную среднюю деревеньку из 12 домов, растянувшихся в основном в один посад по одну сторону улицы. Исправные дома, аккуратные палисаднички и исправные, крепкие холостые постройки давали деревеньке опрятный и уютный вид. Многочисленные березы, тополя и черемухи, а также журавли и колодцы дополняли картину. Дом наш был вторым от края, выходил на улицу просторной избой, чуланом и горенкой. Сзади избы — обширный мост, или сени, и старая изба в ряд со старой горенкой и чуланом. Вся эта громоздкая комбинация под общей соломенной крышей. Под сенями и горенками — помещенья для скота и омшаники, все просторное, но низкое.

Такой жилой «комбинат» — основной тип хозяйственных и жилых построек того времени и отличался только величиной. Он имел свои удобства. В зимнее время жили, как правило, в старой избе, а на лето переходили в новую избу. Зимой в избе много воды, пару, теленок, овцы, а поэтому эта изба сгнивала скорее. В новой избе жили по летам, там было чище, уютнее, и она действительно производила впечатление новой. Хозяйкой этого дома считалась Пелагея Капитоновна, моя бабушка, старая добрая старуха. Она была

молчалива, ласкова и приветлива, и твердого характера не имела, поэтому все хозяйство вела моя тетка («кока») Александра Кузьминична. Маленького роста, с небольшими, приятными чертами лица, она была старая дева, обладала твердым, решительным характером и умело вела хозяйство, хотя была совершенно неграмотной. Отец мой, Григорий Кузьмич, маленького роста, рыжеватый, с аккуратной бородкой и усами, и приятными чертами лица, держался стройно, одевался чисто и с 12 лет жил в Петербурге, куда был отправлен в люди. Железной дороги тогда еще не было, а поэтому весь путь до Питера он проделал пешком, вместе с толпой таких же, как он, мальчишек. Их вещи вез на телеге старик из соседней деревни Загребино, который за трешницу с родителей брался пристроить этих мальчишек в Питере «в люди». Моему отцу на долю выпало попасть к хозяину Семену Кондратьевичу, из крестьян Рязанской губернии, владельцу небольшой кустарной экипажно-обозной мастерской где-то на окраине Питера. Учение продолжалось 4 года, отец вынес его честно, получил звание мастера и в общей сложности прожил у хозяина свыше 18 лет...

На этом записи Автобиографии прерываются.

Руслан АРМЕЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАСИЛИЙ ПАВЛОВ

Попытка оправдать честного человека по его военным и тюремным дневникам, письмам родных, а также — по памяти

Уважаемый Василий Григорьевич, должен тебе сказать, что я никогда не верил, будто ты мог совершить хоть какое-то, хоть крошечное преступление. И никто из твоих близких, из тех, кто знал тебя, ни дня, ни часа, ни минуты, ни секундочки не сомневались: ты честен, ты невиновен. Но для других-то ты по-прежнему как бы в арестантской робе.

Когда я бываю в твоём доме на Набережной, - теперь уже совсем редко, - обязательно подхожу к книжному шкафу и слово в слово повторяю известный ещё со школьной скамьи монолог Гаева из «Вишневого сада»: «Дорогой многоуважаемый шкаф! Приветствую твоё существование...». Ну, и так далее и тоже почти со слезой, потому что твоему шкафу я обязан очень многим.

Пока ты, Василий Григорьевич, пребывал на Северной Двине, мы со Славкой потихоньку подрастали, и нам твоя бдительная супруга Зоя Николаевна (тетя Зоя) стала приоткрывать створки заветного шкафа. Там, оказывается, хранились настоящие сокровища! Таких, думаю, не было ни у кого в целом Данилове, не было их и в библиотеке, и в школе. Помню тяжёлые тома юбилейного, богато иллюстрированного издания «Три века» — к 300-летию Дома Романовых. Или — увесистый «кирпич» о русско-турецкой войне 1877-78 годов и в нём — легендарные Плевна, Шипка и подвиги знаменитого генерала Михаила Скобелева (знаешь, теперь в Москве хотят восстановить его памятник). А претолстая Библия в специальном футляре с обилием иллюстраций французского графика Гюстава Доре?!.. Живой великорусской речи мы учились по четырёхтомному словарю Владимира Даля издания 1895 года в красивом переплете с золотым тиснением... Тетя Зоя говорила, что эти редкости из старых «самодержавных» библиотек перед войной отдавали

тебе на книжных московских развалах за бесценюк. Еще оказался в том шкафу незнакомый и притягательный мир: стереоскоп с набором видовых стереооткрыток, альбом с почтовыми марками, фотоаппарат «Фотокор-1», коллекция минералов...

Твои родичи, дядя Вася, передали мне военные и тюремные (!) дневники, записные книжки, разные письма — бумаги, что бережно ты хранил. Я перелистал ветхие уже страницы и понял секрет... твоего книжного шкафа. А главное — узнал тебя другого, до сих пор мне неизвестного. И настоящим открытием стало «Вступление» к записной книжке 1944 года:

«Я пришел к убеждению, пишешь ты, — что мне решительно необходимо привести в исполнение свою давнишнюю мечту — начать вести регулярные записи выдающихся мыслей, образов, встреч, знакомств, а также слышанных удачных оборотов речи, анекдотов, рассказов и т. п. Эти записи запечатлеют на бумаге всё наиболее существенное и выдающееся в моей жизни и могут накопить некоторый багаж свежего и живого материала, а впоследствии пригодиться как строительный материал для создания мемуаров».

Записано в феврале 1944-го: «Стремлением каждого человека должно быть желание обогатить свой ум и память всеми знаниями истории, литературы, искусства, которые выработало человечество за свою многовековую историю. Тогда исчезнут грубость, ругань, косноязычие и бедность языка и не будет места для усталости, упадка духа и разочарования жизнью. В. П. (Василий Павлов)».

Чувствую, что записанное в 44-м выношено, выстрадано тобой много раньше и осталось твоим кредо до конца дней. Вот, кстати, откуда взялся даниловский шкаф, набитый умными книгами — «желание обогатить свой ум и память всеми знаниями...».

Во всех тетрадах страницы пронумерованы, выделены главки, даты, авторы, составлены оглавления. В тюрьме все толстые общие тетради оцифрованы: «Тетрадь № 7. 1950-1953. Для записи кратких сведений о прочитанных книгах по художественной, исторической и технической литературе».

Свое высшее образование ты получил в университете под названием «Котласский лагерь п/я 219/8». Перечислить все то, что ты проштудировал и законспектировал (!) на «университетских» нарах, нет никакой возможности — Монблан! Назову бегло лишь часть твоих интересов: история древнего мира, история древних Греции и Рима, космология, дипломатическая история Европы, металловедение, новая история, педагогика, история философии, политэкономия, история зарубежной литературы (от Гомера), русской (от Радищева), советской (от Горького), экономическая география, теория литературы, атомная энергетика, новое в гидротехнике... уф! Плюс ко всему ты не забываешь записывать разные жизненные истории и многое из услышанного на нарах: кого и за что угораздило туда попасть. Это в разделе «Возможные сюжеты». Значит, думаешь все-таки о будущих мемуарах, рассказах, повестях...

Маму твою, Анну Тимофеевну, я помню — тихая, согбенная, независимая старушка. Ее письмо тебе в Котлас лежит передо мной. Грамоты, конечно, в нем на два класса церковно-приходской школы, но каково у человека чувство справедливости — высочайшее! И как любит тебя, как жалеет! (Расставляю точки и запятые, но все особенности ее письма сохраняю).

«Дорогой Вася, я письмо писала в Москву Иосиф Висарионычу. Описала от рождения твою жисть... Пришел ответ, отказали, потому что осужден по-ихнему правельно, как расхититель государственнова имучества. Не для тово судили, чтобы освободить. Как бы закопать поглубже. Дорогой Вася, я бы рада помочь, да не знаю, куда ечѐ обратитца... За какие грехи нас Бог наказал такой карой, точно всех грешней».

Еще из того же письма: «У нас здесь люди живут — вино пьют досыта, крадут живым и мертвым. У нас колхозе одново овса украли 5 тон, и такие же партейные управляют. Напилены были дрова на школу, и те украли 4 машины, бревна... Одним словом, печеным и вареным живут, как господа, ничево не делают, только винцо попивают, об колхозе не думают. Скот голодует. Дорогой Вася, одним словом, ничево хорошева нет,

полное без хозяйствование. Народу нет, молодежи нет, одне старики, да и последние бы уехали, только не отпускают».

На письме стоит восьмиугольный штемпель лагерного цензора № 10 — то ли лень ему было разбирать старухины каракули, то ли отнесся формально и пропустил и ее горькую иронию — «как бы закопать поглубже», и то, как «партийные» лихо управляют колхозом...

И наконец — не хочешь ли? — вспомнить дедовскую заповедь с берегов родной Ухры: «Дорогой Вася, нашава счастья нигде нет. Есть люди и в тюрьме живут, хорошо хоть сыты. Ну, тебе, верно, доля такая. Не умеешь жить. Живешь разеня рот, как говорил дед. А ты позабыл эту заповедь».

Становится понятно, дядя Вася, на чем ты, техник-взрывник, подорвался. Жил «разеня рот». Что-то, видно, в твоём дорожном хозяйстве пропало — куча щебня? мешок цемента? три метра бикфордова шнура? — и ни пропажу, ни вора не нашли, подставили тебя — виноват!

Помню, как ты вернулся домой в 54-м. Невысокий — роста, пожалуй, ниже среднего, сутуловатый, лысый... Но глаза! Сверлят насквозь, словно вопрошают: а ну-ка, мил человек, что ты за фрукт? Я, еще подросток, робел перед тобой, не осмеливался напроситься на разговор. А вернулся ты не один — с чахоткой. Некий умный человек едко и хлестко сказал: чахотка заводится от русской тоски. Правда? Нет?.. В том же 54-м тебя и не стало. И ничего-то не успел — ни мемуаров написать, ни повестей, ни деток вырастить. Автобиография, начатая было, оборвалась на полуслове...

ЛАНО

Лавр Николаевич Андреев родился 31 августа 1908 в крестьянской семье. Учился в Тороповской школе, затем – в библиотечном техникуме. Занимался культурно-просветительской работой. В 1930 женился на дочери псаломщика из села Михаила-Архангела Рождественской Екатерине Владимировне. В счастливом браке они прожили 61 год. Воспитали 4-х детей, 8 внуков, успели порадоваться рождению 13 правнуков. Из Торопова Лавр Николаевич был направлен на военную службу в Ярославль и всю жизнь связал с армией. Служил в Москве, Иркутске, Чите, Ленинграде, Новосибирске. Во время Великой Отечественной воевал на Ленинградском фронте, участвовал в прорыве блокады. Награжден орденами Красной звезды, Красного Знамени, медалью «За оборону Ленинграда» и др. В 1947 назначен на должность начальника управления военного снабжения Западно-Сибирского военного округа. Лавр Николаевич вел активную общественную работу, избирался в Совет депутатов Новосибирска. Вышел в отставку в звании полковника в 1962. Продолжал активно работать в «Совете ветеранов» и парторганизации. Лавр Николаевич был скромным, честным, интеллигентным и деликатным человеком.

Татьяна Лавровна Пермитина., 2010.

Я, сын крестьянина, родился в деревне Взглядово Даниловского уезда Ярославской губернии. Дереня состояла из 31 дома, в 26-30 годах общее число жителей доходило до 170 человек. Наша деревня в числе еще 10 деревень входила в состав Тороповского сельсовета. Село Торопово это бывшая помещичья усадьба являлось административным, просветительным и культурным центром округа. В нем находились сельсовет, контора кооперации, начальная школа и изба читальня, так в 20-е годы назывался сельский клуб. Уже с 14 лет я начал принимать участие в общественных мероприятиях массово-политической и культурно просветительской работы, которая проводилась среди сельского населения, а после вступления в комсомол увлекся этим делом.

В стране в эти годы развивалась культурная революция, активно велась борьба с неграмотностью взрослого сельского населения, расширялась сеть библиотек и клубов. Организовывались различные образовательные курсы. В деревню стали поступать газеты, журналы, появились первые кинопередвижки. Возникло массовое движение за грамотность и культуру на селе.

В конце 1925 г. заведующему нашей избы-читальни Сергею Клавдиевичу Соколову, успешно проработавшему у нас несколько лет, было предложено перейти на работу в другую волость. Я уже не раз отмечал положительные качества этого человека. Не только в своей округе, но и во всем уезде, Сергей считался хорошо подготовленным и ответственным работником. У всех знавших его тогда он оставил о себе самую добрую память. Несколько слов о его дальнейшей судьбе.

Какое-то время он работал волпросветорганом в другой волости, а затем уехал учиться в Москву и поступил на трехгодичные театральные курсы при Центральном доме работников искусств. В процессе учебы ему посчастливилось бывать на ответственных совещаниях по вопросам культурного строительства при Наркомпросе, слушать речи А. В. Луначарского и Н. К. Крупской. Он выступал в печати со статьями о сельской художественной самодеятельности. По окончании курсов был направлен на работу в Новосибирск. Здесь он сразу принял руководство краевым домом искусств.

Наш сельский культпросветчик 30 годов не изменил своему юношескому призванию. Многие годы он работал в области культуры. Был в частности директором Новосибирского театра «Красный факел». Перед отъездом Сергея из Торопова встал вопрос о новом работнике избы-читальни. По рекомендации сельского актива на должность избача назначили меня. В те годы по-настоящему подготовленных культпросветчиков в деревне еще не было, и на заведывание клубами выдвигались парни и девчата из сельских комсомольцев, любивших клубную работу. К числу таких выдвигенцев относился и новый тороповский избач. До этого я работал в течение 2-х лет в активе избы-читальни, поучился в уездной совпартшколе, как сделать доклад и провести беседу на политическую тему. К тому времени мне исполнилось 18 лет. Такой возраст в тогдашних деревнях считался солидным. Люди говорили: парень в годах, совершеннолетний. С такого и спросить будет не грех. Что касается образовательных знаний, то мне их не хватало. По окончанию 4-х летней тороповской школы продолжать школьное образование мне не пришлось. Назначение на должность избача я получил в волисполкоме. С добрым чувством вспоминаю первые встречи и беседы с волостными работниками, которые произвели на меня большое впечатление. Попытаюсь воспроизвести эти беседы в их живом виде, пользуясь языком тех лет. Первую беседу со мной вел волполитпросветорганизатор Ваня Грибанов, только что назначенный в нашу волость и не знавший меня. Он встретил меня, своего будущего работника со всем радушием. До сего времени словно слышу разговор между нами:

— Итак, в избачи?

— Выходит, что так.

— А в политике хорошо разбираешься? Учился где-то?

— В политкружке и в уездной совпартшколе. Читаю газеты.

— Что ж, это, брат, не фунт изюма, а настоящий багаж. —

После паузы — А как насчет выступлений перед массой?

— Приходилось делать доклады. Проводить беседы и читки.

— А на сцене играешь?

— Сыграл уже много ролей. Недавно играл Подколесина в «Женитьбе».

Лавр Николаевич и Екатерина Владимировна Андреевы. 1930.

Помолчав немного и словно взвесив все, мой будущий начальник твердо сказал:

— Ну вот видишь, как здорово все получается. Пойдут у тебя дела, пойдут!

Столь оптимистический разговор теперь, конечно, покажется наивным и вызовет улыбку. Но не забудем, что это происходило в 30-х годах, когда мы, молодежь, были рады еще немногому, что отпускало нам время.

Разговор продолжался. Беседовали о самой работе. Говорили долго и обстоятельно. Вторая беседа состоялась у председателя Волисполкома Виноградова. Председатель недавний крестьянин, человек простой, но строговатый. В разговоре прямой, начал с того, что я хоть и деревенский парень, но теперь уже должностное лицо и обязан это всегда помнить, а затем сказал: «Смотри, работай не как бог на душу положит, а сумом, да на всю железку. Дело-то, думается, ты не угробишь, да этого мало. Преумножить сколько-то — вот задача!»

Признаться, я тогда изрядно струхнул, но председатель сбавил тон и даже приободрил: «Да ты не пугайся. Знай, бросаем тебя в большую воду, но утонуть не дадим. Да и актив не прозевает, поможет».

С таким напутствием я поехал принимать избю-читальню.

В связи с тем, что моего предшественника срочно отзывали к новому месту работы, сдача-приемка проходила в срочном порядке, в течении 3-4 дней. За это время я принял все материальные ценности, здание, книжный фонд, разное имущество, финансовое состояние клуба, учет и отчетность, план очередной работы. На прощание Сергей подбодрил: «Не боги горшки обжигают».

На время моего вступления на новую должность избю-читальня находилась на полном ходу. Ближайший план работы предусматривал подготовку к проведению вечера, посвященного восьмой годовщине Октябрьской революции, организацию курсов по ликвидации неграмотности, начало зимних занятий в кружках самодеятельности, проведение подписки на газеты и журналы, постановку большого платного спектакля. К этому добавилась почти совсем незнакомая мне работа в библиотеке. Словом, забот хватало. Спасибо, мне очень помогла учительница Гудкова Нина Николаевна, организовавшая в свое время библиотеку и знавшая основы библиотечного дела.

Знания и опыт по работе постепенно накапливался. Радовала большая поддержка со стороны актива. Через 2 месяца меня заслушали на открытом комсомольском собрании. Ребята комсомольцы сказали, что дела у нового избача в общем идут неплохо, больших срывов нет. Посоветовали почаще бывать в деревнях, обновить уголки наглядной агитации, чаще созывать совет избю-читальни. Высказали и ряд более мелких замечаний. Так началась моя работа в должности заведующего избю-читальней. В этой должности я находился недолго — 3,5 года. Но получил столько впечатлений, что трудно и высказать.

С той поры прошли многие годы, а все, чем жила тогда наша деревня, ее молодежь, храню до сих пор в памяти.

Тороповская изба-читальня. Вид со стороны Воскресенской церкви и схематический план здания..

Моя дальнейшая жизнь сложилась так. После окончания работы в своей округе, учился в Ярославском библиотечном техникуме с 1930 по 1932 г. Затем был призван на военную службу и находился на ней в течение 30 с лишним лет. В 1965 г. уволился в отставку. Но никогда в жизни, даже в самое тяжелое время, я не забывал свои ранние года, свое хорошее увлечение. Уже много лет живу в Новосибирске. Давно не был на своей малой родине в тороповских краях. Только переписка с проживающими в наших местах друзьями юности держала меня в курсе происходящего там. Из писем старых товарищей я знаю, что сейчас на моей родине большой и богатый колхоз, что близкое моему сердцу Торопово является центральной усадьбой колхоза, что в селе есть восьмилетняя школа и новый клуб. Отдавая глубокую дань уважения сегодняшней нашей деревне, всем ее славным чертам и приметам, я не могу не вспомнить и ее былые годы и на склоне лет захотелось хотя бы мысленно повидаться с юностью.

Тороповская изба-читальня

Тороповская изба-читальня в 30-х годах обслуживала четыре сельсовета с общим количеством населенных пунктов свыше 30 в радиусе 7-8 км. Деревни Тороповского сельсовета обслуживались избой-читальней непосредственно, а в остальных сельсоветах — через красные уголки, которые располагались в школах. Тороповская изба-читальня располагалась в каменном здании бывшей церковно-приходской школы. В нем был зрительный зал вместимостью до 160 чел, просторное фойе и пять комнат для работы в летнее время. Был небольшой, но уютный парк (бывший усадебный) с открытой сценой и спортивной площадкой.

Библиотека насчитывала свыше 4-х тысяч книг. Для читальни выписывались газеты и журналы. Имелся необходимый набор имущества для культпросвет работы. Это проекционный фонарь, музыкальные инструменты (две гармоники, гитара, мандолина и балалайки). Был даже множительный аппарат типа гектограф*. На нем печатали небольшие

---

* Рукопись, написанную анилиновыми чернилами, плотно прикладывают к массе, приготовленной из желатина, глицерина и воды.

листовки и объявления о проводимых мероприятиях и затем рассылали их по деревням. Деятельность избы-читальни была в значительной мере рассчитана на самокупаемость. Выручал главным образом драмкружок. Ставили несколько платных спектаклей в год. Мы с любовью называли его «поильцем-кормильцем». На выпуску журналов по кооперативному строительству деньги отпускала кооперация. Немало значила и трудовая помощь со стороны активистов. Устраивались субботники и воскресники по подготовке избы-читальни к зиме, по оборудованию летнего парка и спортплощадок.

Во всей просветительской деятельности особенно важная роль принадлежала культпросвет активу. В 1926-30 г. общее число постоянно действующих активистов доходило до 60 человек. Это прежде всего учителя, местная интеллигенция, грамотные крестьяне, комсомольцы. Неплохо работали и учившиеся в послешкольных учебных заведениях в каникулярное время. Школьники работали книгоношами, переплетали книги, участвовали в литературных вечерах.

При избе-читальне существовал совет, в который входили энтузиасты народного просвещения, люди любившие клубную работу. Это прежде всего заведующая тороповской школы Нина Николаевна Гудкова, она сама организовывала и проводила литературные вечера, помогала выпускать стенную газету, была общественным методистом по работе направленной на ликвидации неграмотности среди сельского населения. Комсомолец Иван Пушкин принимал активное участие в организации всей работы в избе-читальне. Он очень любил художественную литературу, был политически грамотным, рассудительным и деловым.

Крестьянин Николай Федорович Иванов начитанный, культурный. В течении нескольких лет возглавлял совет избы-читальни.

Через несколько минут получается оттиск, который затем копируется на прикладываемые листы бумаги. Гектограф дает до 100 оттисков (отсюда и название его), но только первые 3-4 десятка отчетливы. После работы оттиск на массе смывается мокрой губкой *(из словаря Брокгауза и Ефрона)*.

Учительница Александра Васильевна Гавеман только что окончила педагогический техникум, быстро включилась в работу нашего актива. «Сашенька» (так называли ее мы) была суфлером в драмкружке, участвовала в работе по ликвидации неграмотности, заведовала кассой избы-читальни.

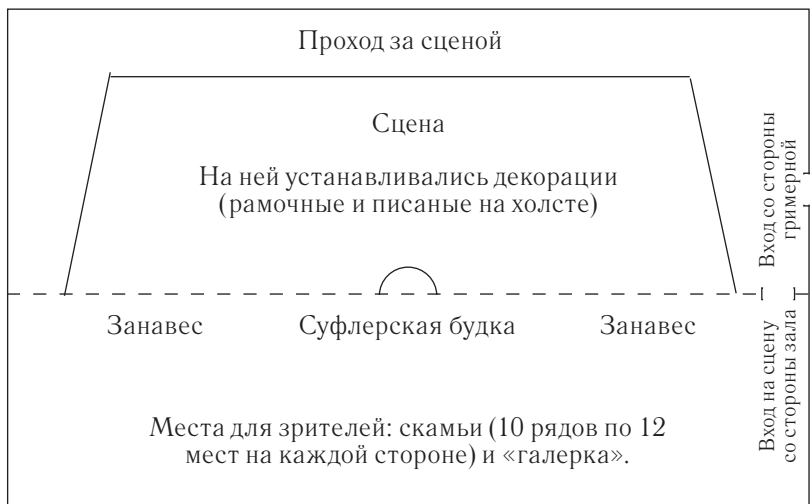
Комсомолка Варвара Кузьмина — одна из первых девушек в нашей комсомольской ячейке. Грамотная, смышленная, она очень интересовалась культпросветработой.

Изба-читальня постоянно поддерживала связи со всеми местными организациями, с сельским советом, комсомольской организацией, школой и кооперацией, помогала в решении задач хозяйственного и культурного развития округа. Наиболее тесная связь у меня была с комсомольской организацией.

В своей работе мы старались использовать большинство сложившихся в это время методов: лекции, доклады, чтения, общественно-политические и международные вечера, стенгазеты, групповое и индивидуальное обучение грамоте, художественная самодеятельность, радиоинформацию, кинопоказ, наглядная агитация, народные гуляния. К нам приезжали лекторы из волости и уездных центров. Они посещали нас охотно т. к. мы всегда созывали большую и любознательную аудиторию. Выступления лекторов отличались глубоким содержанием и простотой изложения и мы, сельские активисты, учились у них опыту пропагандистской работы.

Немало у нас велось работы и собственными силами. Работали кружки политических знаний, сельскохозяйственный, антирелигиозный, драматический и рукоделия. Действовали библиотека и читальный зал, выпускалась газета.

Большое место в деятельности избы-читальни занимали красные уголки, которые находились в соседних сельсоветах при Волковской, Троицкой и Пантелеевской школах. У красных уголков был собственный актив. Работал он под руководством учителей. Работа в красных уголках проводилась в вечернее время в учебных классах. В красных уголках проводились вечера, ставились небольшие пьески, в том числе и выездные из Троповской избы-читальни. При уголках были библиотеки-передвижки, комплектовались за счет книжного фонда избы читальни.

Схематический план сцены тороповской избы-читальни

На тороповской сцене часто устраивались самодеятельные спектакли (пьесы, инсценировки) и концерты. В программу которых входили выступления хора, струнного оркестра, чтецов-декламаторов. Но наибольшей популярностью пользовался драматический коллектив. Он вел свое начало с 1918 г. В первые годы артистов не хватало, и постановки ставились от случая к случаю. В 20 годы коллектив значительно вырос и спектакли стали регулярными.

Успешному развитию художественной самодеятельности способствовала хорошая материальная база. У нас имелся просторный зрительный зал и современная сцена, устроенная по образцу одного из городских клубов. Располагали мы самыми необходимыми декорациями, это «крестьянская изба», «городская комната», «лес».

Реквизит для оформления сцены и костюмы доставали у сельских жителей и городских знакомых, брали «напрокат» в Даниловском клубе железнодорожников. Постепенно обзаводились и мебелью разных стилей.

Наш театральный коллектив в 25-30 годах насчитывал до 30 человек. Руководил коллективом в мою бытность избачом молодой крестьянин из деревни Взглядово Егор Александрович Рачков. Он отличался высоким для крестьянина уровнем общего развития и страстной любовью к сцене и пользовался большим уважением у членов коллектива.

У нас ежегодно готовились четыре больших спектакля и несколько инсценировок. Ставились, как правило, платные спектакли. Это давало нам необходимые денежные средства не только для драмколлектива но и для избы-читальни в целом.

Художественная самодеятельность моего времени несмотря на все свое несовершенство играла важную культурно-просветительную и агитационную роль.

Большое внимание уделялось репертуару. На нашей сцене прошли «Бедность не порок» Островского, «Женитьба» Гоголя, «Недоросль» Фонвизина, «Медведь» Чехова и другие пьесы классического репертуара. Кроме того мы занимались инсценировками классической прозы.

В сельских клубах тогда брались за постановку сложных пьес. Так, на сцене соседней Вахтинской избы-читальни шла

«Власть тьмы» Толстого, «На бойком месте» Островского. Постановщиком их был учитель местной школы Дмитрий Иванович Кокурин, человек образованный, одухотворенный и страстно увлекавшийся театром. Он даже сам писал некоторые инсценировки по рассказам Чехова. Некоторые инсценировки мы брали в Даниловской школе второй степени.

В 30 годы появились неплохие пьесы на деревенскую тему. Часть их них поступала в качестве приложения к журналу «Изда-читальня». Пьесы сопровождались краткими режиссерскими комментариями и эскизами декораций и грима.

В те же годы издавались маленькие «агитки» в одну-две картины, посвященные хозяйственно-политическим кампаниям.

Однажды на нашей сцене шла вещь совсем необычная. То была инсценировка романа Бичер Стоу «Хижина дяди Тома». Трудно давались образы, были проблемы с костюмами, гримом. Но спектакль всех глубоко тронул.

Неплохо удавались пьесы о жизни деревни и молодежной тематики. Хуже было дело с постановкой классических пьес.

Такой литературный материал мы не могли еще по настоящему осмыслить, а следовательно не могли дать ему должное сценическое воплощение.

Летом 1927 года мне, избачу и двум девушкам из нашего драмколлектива довелось подучиться на театральных курсах в Ярославле. Перед нами выступали работники Губполитпросвета. Говорили о задачах развития художественной самодеятельности. Затем занятия вели режиссер, художник и артисты театра им. Волкова. Проводились занятия по гриму. Затем была экскурсия по театру. Мы побывали в зрительном зале, на сцене, в театральные мастерских. Вернувшись домой, мы рассказали своим драмкружковцам об увиденном и услышанном на курсах.

Так выглядел наш театр в те далекие 30-е годы. Было еще в нем много несовершенного и даже примитивного, но все же он занимал видное и почетное место в жизни нашей деревни. Театр играл важную агитационную и просветительскую роль. Он нес крестьянам отдых и развлечения. А сколько значило занятие культурным делом для самих участников самодеятельности!

Работа на сцене расширяла их общий кругозор, прививала им любовь к искусству, облагораживала духовно.

Спортивно-массовая работа

С 1927 года действовало спортивно-оборонное общество ОСОАВИАХИМ (общество содействия авиации и химии). У нас спортивно-оборонная работа, как и многие другие виды общественной деятельности, велась совместными силами комсомольской ячейки и избы-читальни. Руководство всем делом осуществлял избач и секретарь ячейки. Спортивной и военной подготовкой охватывалась значительная часть молодежи сельсовета. Спорт пришел в нашу деревню из города. В Данилове с первых лет советской власти действовал спортивный клуб под названием «Олимпия». В распоряжении клуба находился спортзал и две большие спортивные площадки в центре города и в районе вокзала. Почти ежедневно велись те или иные занятия по легкой атлетике, спортивные игры и соревнования. Наши ребята бывали в городе, все это видели. Особенно большой интерес у нашей молодежи вызвали спортивные игры. Поначалу спорт у нас распространялся почти стихийно. В деревнях появились самодельные турники, брусья и другие нехитрые спортивные снаряды. В 1922-23 годах в спортивные занятия был внесен элемент организованности. В Торопове была открыта спортплощадка, устроенная самой молодежью рядом с сельским парком и школой. На ней одновременно проводились игры в футбол и баскетбол. Были установлены турник, спортивное бревно, оборудованы места для прыжков и спортивного гранатометания. В самом парке находилась площадка для игры в крокет и кегли*. Имелось приобретенное за счет средств избы-читальни спортивное имущество, мячи, сетки. Спортивная площадка действовала, как правило, в выходные дни. На ней всегда было много народа. Для наблюдения за порядком выделялись дежурные из актива комсомольской ячейки и избы-читальни. Специалистов по спорту у нас не было. Ребята сами постигали разными путями основные правила спортивных игр и работы на снарядах.

---

* Она была построена еще при владельцах усадьбы (Ред.)

Спортплощадка в усадебном парке. Бег в мешках.

Еще не было постоянных команд по видам спорта. Футбольные и баскетбольные команды составлялись на игру по принципу «деревня на деревню». Особенно много людей бывало на спортплощадках в дни народных гуляний. Устраивались даже «потешные» игры (бег в мешках).

У сельской молодежи, конечно, росло стремление к более целеустремленному и совершенному спорту, но удовлетворить такие желания мы тогда еще не могли, т.к. не имели квалифицированных специалистов-тренеров. Тем не менее спорт, даже в его тогдашнем, начальном виде, безусловно способствовал физической закалке сельской молодежи ее разумному времяпрепровождению.

Благодарим авторов статей

Армеева Руслана Андреевича,
Инкина Леонида Семеновича,
Пустошкина Павла Ивановича,
Сысоеву Елену Александровну,

а также:

Бема Венедикта Григорьевича,
Бичурова Георгия Владимировича,
Власьева Игоря Ростиславовича,
Катина-Ярцева Михаила Юрьевича,
Мальцеву Нину Юрьевну,
Пермитину Татьяну Лавровну,
Тимрота Владимира Александровича,
Тимрота Дмитрия Александровича (о. Амвросия),
Тимрота Сергея Дмитриевича,
фон Тимрот Маргарет Шарлотту,
центральную библиотеку Хельсинки
в лице Кристиана Стокмана (Kristian Stockmann)

за предоставленные материалы и
помощь в подготовке сборника.

Литературно-художественное издание
Тороповские страницы. Выпуск 2
/сборник статей и воспоминаний/

Редактор сборника Алексей Владиленович Соколов

E-mail: abc@wedge.ru
Сайт проекта <http://toropovo.wedge.ru>

Подписано в печать 02.08.2010
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитуры “Литературная”, “Елизавета”.
Усл. печ. л. 12.
Тираж 200 экз.
Отпечатано в ООО “Аверс Плюс”
150040, г. Ярославль, пр. Октября, 34/21
Тел. (4859) 976 922